

Русланов Е.В. Обыденнова Г.Т. Гарустович Г.Н.

ПРЕДУРАЛЬЕ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ: КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ ЧИЯЛИКСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА ГОРНЫЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЕТА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Е.В. РУСЛАНОВ, Г.Т. ОБЫДЕННОВА, Г.Н. ГАРУСТОВИЧ

**ПРЕДУРАЛЬЕ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ:
КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ ЧИЯЛИКСКОЙ КУЛЬТУРЫ
У СЕЛА ГОРНЫЙ**

Российский
научный
фонд

У ф а
ИИЯЛ УФИЦ РАН
2025

УДК 902(470.57)
ББК 63.4(2Рос.Баш)
П71

Издание выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда,
проект № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с
древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в.):
междисциплинарное археологическое исследование»

*Утверждено к печати на заседании Ученого совета
Ордена Знак Почета ИИЯЛ УФИЦ РАН,
протокол №2 от 21 марта 2025 г.*

Научный редактор
доктор исторических наук *В.А. Иванов*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Л.Ф. Недашковский*,
кандидат исторических наук *В.А. Винничек*

Русланов, Е.В., Обыденнова, Г.Т., **Гарустович, Г.Н.**

Р88 Предуралье в золотоордынское время: комплекс памятников чияликской
культуры у села Горный: коллективная монография / Е.В. Русланов,
Г.Т. Обыденнова, Г.Н. Гарустович – Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2025. – 145 с.

ISBN 978-5-91608-264-7

В монографии представлены результаты многолетних работ на комплексе памятников чияликской культуры XIII-XIV вв. в лесостепном Предуралье. На основе археологических и естественнонаучных данных подведены итоги изучения Горновского селища и грунтового могильника, крупных реперных памятников, материалы которых ранее не были доступны широкому кругу специалистов. В книге дается анализ материальной культуры, хозяйства, погребального обряда населения, проживавшего в бассейне р. Дёма в эпоху Золотой Орды. Также приводится информация о древностях эпохи бронзы Горновской стоянки.

Для историков, археологов, культурологов, краеведов.

УДК 902(470.57)
ББК 63.4(2Рос.Баш)

ISBN 978-5-91608-264-7
DOI: 10.31833/264-7.2025.83

© Русланов Е.В., Обыденнова Г.Т.,
Гарустович Г.Н. 2025
© ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2025

«Язык у них совершенно венгерский: и они его понимали, и он их»

«Они – язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут как звери. Земли не возделывают, едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах...»

Монах Юлиан

ВВЕДЕНИЕ

С 2018 г. в результате ежегодных работ комплексной Золотоордынской экспедиции ИИЯЛ УФИЦ РАН количество памятников чияликской культуры в среднем течении р. Дёма увеличилось до 12 – кроме известных Горновского, Нижнехозятовского и Кучумовского-3 выявлены селища Чишмы- 1, Ябалаклы- 1, 2 и 3, Новые Ябалаклы 1 и 2, Нижнехозятово 2, 3 и 5, которые вместе с грунтовыми могильниками (Горновский, Караякуповский, Нижнехозятовский) можно объединить в Горновский археологический микрорайон (Русланов, 2022, с. 253-267; Русланов, 2023б, с. 108; Русланов, 2023в, с. 419-420) (рис. 2). Микрорайон является составной частью Дёмской группы, включающий в себя памятники Горновского комплекса, селище и грунтовый могильник (Гарустович, 1998а, с. 127).

Памятники Горновского комплекса открыты более 60 лет назад археологической экспедицией Башкирского государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой. Справедливости ради стоит отметить, что сведения об археологических памятниках вблизи с. Горный известны ещё с 1930 г. Информация о них была использована заведующим отделом археологии Башкирского центрального краеведческого музея М.И. Касьяновым при составлении картотеки памятников археологии Южного Урала и Прикамья (Койшевский, 1945; 1948; Лебедев, 2018, с. 119–124; Воробьёва, 2021, с. 69–80). В последующем сведения из картотеки Б.А. Койшевского опубликованы И.А. Талицкой в материалах к археологической карте бассейна р. Камы, причём дважды: как Кара-Якуновский (№ 410) и Чишминский (№ 412) могильники с различными топографическими привязками (Талицкая, 1952).

С трудностями, связанными с установлением точного местоположения памятников, столкнулся и разведочный отряд Г.И. Матвеевой, в составе которого были С.М. Васюткин и М.Ш. Резяпов. 10 июня 1962 г. ими целенаправленно осмотрен левый берег р. Дёмы, где, по сообщениям местных жителей, река ежегодно вымывала человеческие костяки. Предположительно в месте обнаружения костей ими был заложен разведочный шурф 2×2 м, в верхних слоях которого был выявлен скелет

человека, лежавший на спине, головой на запад, со сложенными на груди руками, без вещей. Ниже костяка найдена керамика срубной культуры. Памятник получил название Горновское (Кумыспромовское) селище (Матвеева, 1962, с. 16–17, рис. 25).

Г.И. Матвеевой в районе с. Горный было отмечено два памятника: Чишминский могильник VI–IX в. н.э. и Горновская стоянка (первоначально селище) срубной культуры (*Археологическая карта Башкирии*, 1976, с. 100–101, № 731, 742).

Повторное возвращение к работам на левобережье р. Дёма связано с именем известного уфимского археолога Г.Н. Гарустовича и возглавляемой им в 1993 г. совместной экспедиции Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН и Стерлитамакского государственного педагогического института (рук. В.А. Иванов). Знакомство с отчётной документацией, полевыми записями и диссертационным исследованием Г.Н. Гарустовича приводит к мысли о том, что, прибыв на место, он до конца не понимал точного расположения Горновской стоянки. Он также не определил место, где Г.И. Матвеевой в 1962 г. был заложен шурф. Эти сомнения археолога отразились в буквальном смысле и на чертеже плана памятника 1993 г., где рядом с предполагаемым шурфом 1962 г. стоит знак вопроса. В отчёте 1994 г. Г.Н. Гарустовича говорится, что работы начались с тщательного осмотра и зачисток осыпи берега от предполагаемого места расположения Горновской стоянки и далее в восточном направлении, в сторону моста через р. Дёму, в результате чего и было обнаружено Горновское селище, на котором ближе к краю обрыва берега был заложен раскоп площадью 369 кв. м.

Горновское селище расположено в 0,5 км к северо-северо-западу от поселка Горново (старое название Кумыспром) Чишминского района Республики Башкортостан, на террасе левого берега р. Дёма. Высота террасы от уровня реки – 4,5–4,2 м. Поверхность ее хорошо задернована и используется под сенокосные угодья. В 400 м к юго-востоку от селища находится мост через реку. Через площадку террасы проходит проселочная дорога, ведущая от моста на пойменные сенокосы. В 160–180 м к северу от селища находится старичное озеро. Территория памятника активно разрушается осыпью берега в половодье. В обнажении берега заметен культурный слой – здесь из слоя гумусированной супеси торчат кости животных (рис. 5, 6).

Перед началом работ Геннадий Николаевич предполагал на площадке селища наличие могильника, поскольку, по словам местных жителей, в разливы в обрыве периодически обнажаются человеческие кости. Именно поэтому квадраты первого года были размечены 3×3 м. Бровки оставлялись через каждые 6 м, профили снимались также с длинных стенок раскопа (бровки 12–14) (рис 8).

В 2005 г. экспедицией Башкирского государственного педагогического университета под руководством Г.Т. Обыденновой с целью дальнейшего изучения разрушающегося памятника, к участку 1994 г. (линия квадратов 32–40), на расстоянии 0,4 м к северу был прирезан новый раскоп, состоящий из двух линий по 16 квадратов. Раскоп 2005 г. получил наименование Р-II, его конфигурация определяется линией берега р. Дёма. Продолжение нового раскопа вдоль всей линии раскопа 1994 г. было невозможно вследствие разрушения берега разливами реки. Участок Р-II ориентирован по линии северо-запад-юго-восток, соответственно ориентированы чертежи и планы

раскопа (рис. 1, 7). В раскопе площадью 128 кв. м выявлены 4 хозяйственные ямы размером от 0,13×0,1 м до 1,05×2,64 м и глубиной от 0,09 до 0,71 м (Обыденнова, 2006). Таким образом, общая вскрытая площадь Горновского селища за два полевых сезона (1994 и 2005 г.) составляет 497 кв. м (369 кв. м в 1994 г. и 128 кв. м в 2005 г.). Всего найдено 7666 находок из кости, глины, камня, железа, цветных металлов и чугуна (таблица 5–10, 12–15).

На данный момент Горновское селище – один из наиболее изученных памятников поселенческого типа чияликской культуры золотоордынского времени Предуралья. Тем не менее, имеющиеся публикации (Рязанов, Гарустович, 2007, с. 185–190; Обыденнова и др., 2007, с. 306–311; Обыденнова и др., 2008, с. 76–83) в полной мере не отражают всего научного потенциала памятника, являющегося по сути реперным и опорным для чияликской культуры. На данный момент наиболее насыщенная находками и объектами часть памятника практически полностью уничтожена размывами реки, что подтвердили раскопки, проведенные Г.Т. Обыденновой в 2004 г.

Кроме селища, как уже отмечалось, в Горновский комплекс памятников входит грунтовый могильник, где исследовано 298 кв. м и изучено 33 погребения. В 1962 г. здесь вела работы Г.И. Матвеева (4 кв. м, 1 погребение), в 1994 г. – Г.Н. Гарустович (230 кв. м, 28 погребений), в 2003 г. – Ю.А. Морозов (64 кв. м, 4 погребения). Материалы не опубликованы.

Введение в научный оборот указанного комплекса памятников и превращение его в археологический источник – главная задача авторов предлагаемой монографии. Её решение базируется на теории конверсии археологического познания, разработанной Л.С. Клейном. Согласно этой теории, реально имеющийся археологический материал из Горновского комплекса памятников в настоящее время доступен нам только в виде *обсервантов, дескриптов и селектов* (полевых наблюдений, отраженных в научных отчетах и привезенных из поля соответствующих археологических коллекций) (Клейн, 2004, с. 355–357). Поэтому мы сочли необходимым в тексте монографии привести пространные выборки из научных отчетов Г.Н. Гарустовича, Г.Т. Обыденновой, Ю.А. Морозова как единственных источников, отражающих утраченные археологические факты, как явления мертвой, археологизированной действительности (в нашем понимании – чияликской культуры) (Викторова, 1975, с. 17–26; Клейн, 1996, с. 337–361; Клейн, 2004, с. 349).

Кроме самих чияликских материалов было принято решение осветить древности эпохи бронзы, полученные в процессе изучения Горновской стоянки, содержащей материалы абашевской, срубной, черкаскульской, межовской, курмантауской культур. Стоянка является неотъемлемой частью культурного слоя чияликского могильника и введение ее в научный оборот дополнит картину динамики культурного развития и освоения бассейна р. Дёма в эпоху бронзы.

Авторы благодарят коллег, принявших в разное время участие в раскопках памятников, ведении полевой документации и обработке материалов: к.и.н. Н.Б. Щербакова, к.и.н. И.А. Шутелеву, М.С. Чаплыгина и И.В. Денисова, а также учащихся школ республики, бывших студентов Стерлитамакского государственного педагогического института, проходивших в 1994 г. археологическую практику, студентов БГПУ им. М. Акмуллы за их самоотверженный труд на благо науки. Неоценимый вклад в исследование памятника внес к.и.н. А.Ф. Яминов, который в 1994 г. являлся научным

сотрудником Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры РБ.

Благодарим коллег – сотрудников отдела археологических исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН – к.и.н. Н.С. Савельева, к.и.н. В.В. Овсянникова, к.и.н. А.С. Проценко, к.и.н. Я.В. Рафикову, к.и.н. В.Г. Котова, М.М. Румянцеву, С.Ю. Николаеву, А.А. Хурмаеву, а также В.И. Лясовича, принимавших участие в полевых выездах по обследованию Горновского селища и в обсуждении рукописи монографии.

Хотим выразить особую благодарность Анастасии Алексеевой, студентке 3 курса ИИПСГО БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа), и студентке 5 курса ОГПУ (г. Оренбург) Ангелине Дзугкоевой за их великолепную и слаженную работу по подготовке иллюстративной части книги.

В работе использованы коллекции, хранящиеся в фондах кабинета археологии БГПУ им. М. Акмуллы, Национального музея Республики Башкортостан, Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН. Пользуясь случаем, авторы благодарят за возможность работы с материалами памятников старшего научного сотрудника и ответственного хранителя фонда «Археология» НМ РБ к.и.н. С.Л. Воробьеву, а также заведующую научно-вспомогательным отделом учета и хранения научных фондов ИЭИ УФИЦ РАН М.У. Мухаметшину и сотрудника этого отдела к.и.н. Э.В. Камалееву.

Авторы признательны рецензентам д.и.н. Л.Ф. Недашковскому и к.и.н. В.А. Винничку, научному редактору д.и.н. В.А. Иванову, чья критическая оценка представленных материалов и высказанные ценные предложения, а также рекомендации по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества настоящего издания.

Особую сердечную благодарность авторы выражают к.и.н. Ю.А. Морозову за любезно предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы его раскопок.

ГЛАВА I. Чияликская археологическая культура на Южном Урале¹

1.1. История изучения

В вводной главе мы посчитали необходимым рассмотреть основные итоги научной разработки и перспективы изучения *чияликской археологической культуры* эпохи средневековья. Культура включает в себя памятники крупного, наряду со степной зоной Южного Урала, этнокультурного объединения непосредственных предков башкирского народа.

Культура получила свое название по селищу у дер. Чиялик (Чиялек) в Актанышском районе Татарстана, раскопки которого проводились в 1969 г. Е.П. Казаковым. Им же впервые была выдвинута мысль об открытии новой культуры (Казаков, 1978, с. 31–33; Казаков, 2003, с. 79–86; *Археология Волго-Уралья...*, 2022, с. 359–366). В дальнейшем основные компоненты культуры и памятники на территории Предуралья были рассмотрены Г.Н. Гарустовичем, результатом чего стала кандидатская диссертация и ряд обобщающих статей (Гарустович, 1998; Гарустович, 2015, с. 181–197).

Территория распространения культуры охватывает лесостепную зону Южного Урала – в Предуралье и Зауралье. По современному административно-территориальному делению это земли современного Башкортостана, восточная часть Республики Татарстан, юго-восточный (Прикамский) участок Удмуртии, юг Пермского края (Кунгурская лесостепь), а также север Челябинской, южная часть Свердловской и запад Курганской областей Российской Федерации. В отдельные столетия носители культуры проникали в пределы других современных административных единиц, в частности, в лесостепь Самарской области (в X, XIII–XIV вв.). За время существования, в зависимости от внешнеполитических факторов (военной экспансии степняков – печенегов, огузов, кыпчаков и т.д.), территория ее распространения «пульсировала»: то несколько сокращаясь и сдвигаясь к северу, то расширяясь, но всегда оставаясь в рамках лесостепной зоны, представляющей собой всхолмленную равнину, нарушенную отдельными поднятиями и прорезанную долинами крупных рек – Белой, Уфы и их многочисленными притоками (Ик, Дёма, Уршак, Чермасан, Кармасан и др.) (Турикешев, Данукалова, Кутушев, 2016, с. 13).

Памятники чияликской культуры часто привлекали внимание археологов Урало-Поволжья – на них проводили работы В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина, Н.А. Мажитов, Е.П. Казаков, И. Эрдели (Венгрия), В.А. Иванов, В.С. Горбунов, Г.Т. Обыденнова, И.Ю. Пастушенко, В.Д. Викторова, Г.Н. Гарустович, Л.И. Ашихмина, Т.К. Ютина, Ю.М. Кутаков, Е.М. Берс, Г.Т. Обыденнова и др. А началась эта работа раскопками А.А. Спицына 1902 г. в Пермской области на могильнике «Селянино Озеро» под г. Кунгуром.

По мнению Е.П. Казакова, хронологические рамки культуры укладываются в XIII–XIV вв., до этого времени (начиная с X в.) ей предшествовала родственная археологическая культура, названная им

¹ В написании главы монографии использована отредактированная и дополненная статья Г.Н. Гарустовича (Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // УАВ. 2015. №15. С. 181-198).

«постпетрогромской» (далее – ППК) (Казаков, 2007, с. 51–65). Исследователь считает, что на рубеже и в начале II тыс. н.э. в Предуралье фиксируются две волны переселенцев из-за Уральского хребта: в самом начале X и в первые годы XIII вв.

В 60-е годы XX в. в южной части таежной зоны Среднего Зауралья В.Д. Викторовой были выявлены памятники с лепной керамикой гребенчато-шнурового типа (могильники на р. Нице, Макушино и др. (Викторова, 1962а, с. 135–153), выделенные в особый «макушинский тип» (Викторова, 1968, с. 240–256)). Сходство и взаимосвязь макушинских и чияликских памятников несомненна. В Западной Сибири умершие захоронены под небольшими курганными насыпями, в деревянных срубах, в неглубоких могилах, с западной ориентировкой головы. В похоронной обрядности фиксируются элементы культов огня и лошади. Находки представлены бытовыми предметами, элементами одежды и орудиями труда. Шнуровая макушинская керамика содержит примесь песка. В последние годы исследователи из Екатеринбурга и Тюмени признают близость макушинских памятников и объектов чияликской археологической общности (Викторова, Морозов, 1993, с. 189–191, рис. 7, 8–10; Третьяков, 2024).

В 1970-е годы Н.А. Мажитов отнес аналогичные памятники в пределах Башкирии (Каранаевский и Мрясимовский могильники) к так называемому «мрясимовскому типу» (Мажитов, 1977, с. 75–77; Мажитов, 1981, с. 147–159).

Еще ранее, в начале 50-х годов XX века, пермские археологи под руководством О.Н. Бадера отнесли памятники рассматриваемого нами облика (Селянинский могильник, городище Лобач и др.) к особой *сылвенской археологической культуре*. В.Ф. Генинг объединил в ее рамках не только памятники Кунгурской лесостепи в Предуралье, но и городища на р. Исети в Зауралье. Специалисты, по большей части, критически относятся к выделению сылвенской культуры, и, особенно, к совмещению в рамках единого комплекса древностей явно различающегося облика (Пастушенко, 2002, с. 171–187).

Таким же искусственным образованием выглядит так называемая «чумойтлинская культура», выделенная Р.Д. Голдиной и ее коллегами в Южной Удмуртии (Голдина, 1988). Во всяком случае требуется обоснование включения в рамки этой «культуры» типичных чияликских шнуровых комплексов (типа Дербешкинского некрополя или святилища Чумойтло). Для нас несомненна принадлежность рассматриваемых памятников, содержащих сосуды гребенчато-шнурового облика в Предуралье и Зауралье, к чияликской культуре.

Еще одна точка зрения на проблему выделения особой археологической культуры принадлежит Г.Н. Гарустовичу. Она в целом близка к концепции Е.П. Казакова с той лишь разницей, что в рамках единой чияликской культуры (существовавшей с начала X и до начала XV вв.) выделяются два хронологических этапа: *ранний* (соответствующий «постпетрогромской культуре» у Е.П. Казакова, датирующийся домонгольским временем) и *поздний* (соответствующий «чияликской культуре» у того же исследователя). Другими словами, в единую археологическую культуру объединяются две выделенные Е.П. Казаковым родственные культуры (Казаков, 2007, с. 61).

И все же, главные споры по вопросам чияликской культуры связаны не с названием и продолжительностью существования данной общности, а с проблемой языковой принадлежности ее носителей. Н.А. Мажитов считал представителей выделенного им мрясимовского типа тюркским этносом – «древними башкирами». С точки зрения Е.П. Казакова, пришедшие из-за Урала «постпетрогромцы» и родственные им «чияликцы» относились к угорской языковой общности. По мнению автора: *«в целом собственно постпетрогромские памятники следует связывать с угорскими группами эпохи средневековья... И в настоящее время у иштяков – тюркизированных угров – сохраняются элементы древней культуры угров (налобные повязки-хараусы, пластинчатые варганы и т.д.)»* (Казаков, 2007, с. 57, 64; Белавин и др., 2009). Именно их средневековые авторы называли баскардами. И лишь со временем, уже в Предуралье, эти угрозычные этнические группы подверглись постепенной мусульманизации и тюркизации. Ассимилировавшись в тюркской этнической среде и включив в свой состав большое число кыпчаков, носители чияликской культуры постепенно утратили свой угорский язык, переняв современный тюркский язык кыпчакской группы. В XVII в. хан Абу-л-Гази об этом трагическом событии первой половины XIII в. высказался так: *«кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков»* (Кононов, 1958, с. 44).

1.2. Ранний (постпетрогромский или мрясимовский) этап

Как уже говорилось выше, в конце IX в. или в самом начале X в. в лесостепные районы Предуралья с востока проникает новое население. По мнению Е.П. Казакова, *«носители постпетрогромской посуды лишь в конце X в. пришли в страну болгар из районов петрогромской культуры Среднего Урала (т.е. из горно-лесной зоны Зауралья). В домонгольский период они занимали огромную территорию в Урало-Поволжье»* (Казаков, 1989, с. 122–133). За короткий срок переселенцы (по археологической терминологии – носители керамики постпетрогромского типа) заняли обширную территорию, охватывающую участки лесостепной зоны в Предуралье, и, предположительно, в Зауралье. Наибольшая насыщенность памятниками рассматриваемого типа фиксируется на востоке современного Татарстана и в пределах нынешнего Башкортостана. Известны они также в Удмуртском Предкамье (слои на Елабужском, Каменный Лог Благодатском I городищах, Быргындинском IV поселении (Ашихмина, 1977) и др.), в Сылвенско-Иренском поречье в Кунгурской лесостепи (могильники Селянино Озеро и Усть-Кишерть, городища Верх-Саинское I и Лобач). Важнейшим культурным индикатором полукочевников лесостепной зоны эпохи средневековья является их специфический керамический комплекс с орнаментом гребенчато-шнурового типа. Керамика ранней стадии чияликской культуры (постпетрогромская или мрясимовская) круглодонная, в основном чашевидная, с резким переходом венчиков в раздутое тулово. В качестве основных обезжиривающих примесей использовались толченая раковина или тальк. Цилиндрическая горловина горшков имела высоту около 3 см, что составляет треть или четверть всей высоты сосуда. Как правило, горловина

имеет скошенный внутрь край венчика с зубчатыми вдавлениями (рис. 4, 1–5).

Сосуды украшены по венчику горизонтальными поясами из оттисков веревочки или зубчатого штампа. Вторая орнаментальная зона располагалась на плечиках и представлена отпечатками гребенки в виде зигзага, елочки, наклонных полос и т.д. Е.П. Казаков подчеркивал: *«такая посуда в большом количестве появляется в памятниках Волжской Болгарии в конце X в. Хотя она отмечается на территории всей страны, однако ее наибольшая концентрация наблюдается в низовьях Камы, верховьях рек Була и Кубня, на Самарской Луке»* (Казаков, 2007, с. 52).

Со временем под влиянием болгарского гончарного производства на территории Волжской Болгарии появляется своеобразная гибридная посуда, которая по форме и орнаментальным композициям аналогична постпетрогромской, но в глиняное тесто вместо раковины добавляются песчаные примеси. Кроме того, оттиски веревочки и гребенки на венчиках сосудов заменяются резными линиями, да, к тому же, появляются образцы подобной «смешанной» керамики, изготовленные на гончарном круге. По утверждениям специалистов, данная гибридная керамика разделяется на несколько групп, исследования которых фактически еще не велись. Со временем формируются и группы круговой болгарской керамики (джукетаусская и др.), в которых лишь частично отражены постпетрогромские традиции (Казаков, 2007, с. 52). Отметим также то, что тесные контакты уральского лесостепного населения и болгар четко прослеживаются буквально на всех уровнях взаимодействия. Практически на всех памятниках постпетрогромского типа неизменно встречаются фрагменты круговой болгарской посуды.

В принципе, специалисты достаточно давно обратили внимание на специфику керамики гребенчато-шнурового типа, называемой сейчас постпетрогромской, мрясимовской или раннечиялыкской. К особой VII группе керамики волжских болгар отнесла постпетрогромскую посуду Т.А. Хлебникова. По ее мнению, происхождение данного комплекса следует связывать с неволинской культурой Прикамья. Тогда как гибридная посуда, выделенная в VIII группу, считалась производной от кушнареновской (Хлебникова, 1984, с. 106–116). Однако позднее Е.П. Казаковым был обоснован тезис о том, что истоки керамики постпетрогромского облика уводят нас в круг уральских культур гребенчато-шнурового типа. Главная трудность в исследовании генезиса данного комплекса связана с очень слабой изученностью памятников средневековья в лесостепных районах Зауралья.

Как это видно уже из названия, Е.П. Казаков истоки ППК выводит из культурно-этнического образования I тыс. н.э. в Зауралье – петрогромской культуры (Казаков, 1987, с. 26). При этом он отмечает, что данная культура еще очень плохо изучена. *«До сих пор не опубликованы... материалы раскопок О.Н. Бадера, Н.П. Кипарисовой, А.И. Рассадович на жертвенных местах горного Урала (Синяя Гора, Голый Камень) в середине прошлого века»* (Казаков, 2007, с. 54). Лишь общая характеристика культуры дана в работе В.А. Могильникова, который датировал ее X–XIII вв. (Могильников, 1987, с. 177–179). В то же время уральские исследователи (В.Д. Викторова, В.М. Морозов и др.) достаточно четко выделяют, собственно, петрогромские

черты культуры, связывая их с древнеугорским этносом (Морозов, 2004, с. 110–114).

Основные памятники постпетрогромского (раннечияликского) типа представлены поселениями, могильниками и святилищами, среди которых численно преобладают погребальные объекты.

Поселения. На раннем этапе носители чияликской культуры вели подвижный образ жизни, поэтому их поселенческие памятники имеют тонкий культурный слой. Чаще всего это были сезонные стоянки. К тому же, поселенческие памятники изучены специалистами совершенно недостаточно и намного хуже, нежели их погребальные объекты. На раннем этапе расселения «постпетрогромцы» достаточно часто использовали в своих целях оборонительные памятники (городища) предшествующих эпох. Так, следы их присутствия обнаруживаются на городищах по берегам рек Уфы (Бажинское, Чандар, и др.) (Овсянников, Сунгатов, 2005, с. 218–240) и Белой (Кара-Абыз, Чёртово, Мончазинское (Гарустович и др., с. 32–42; Овсянников, Русланов, 2021. С. 301–313).

Видимо, на городищах полукочевники спасались в минуты опасности, а также, возможно, устраивали здесь свои зимники. Но и в низменных местах, по берегам и в поймах рек фиксируются их поселенческие объекты (летние кочевья). Пока еще рано говорить о том, какие жилищные и хозяйственные конструкции возводились «постпетрогромцами». Чаще всего археологам попадаются следы простых кострищ, остатки хозяйственных ям, подземные погребки. Однако они, по всей видимости, жили не только в юртах, но также имели деревянные срубные дома и полуземлянки на зимних стойбищах.

Самыми обычными находками на поселениях являются фрагменты лепной керамики и обломки костей животных, а также железные ножи и наконечники стрел, стеклянные бусы и глиняные пряслица. На территории современного Башкортостана наличием достаточно мощных пластов культурного слоя домонгольского времени выделяются два памятника – Кара-Абызское и Уфимское (Чертово) городища. Раскопками Уфимского (Чертова) городища в 1910–1912 гг. занималась В.В. Гольмстен, памятник функционировал в конце раннего и в начале завершающего этапов чияликской культуры. Выявлено значительное число остатков жилищ-полуземлянок с очагами-сувалами, срубных жилищ, подземных бань и погребов. Не менее интересные средневековые материалы получены на городище Кара-Абыз в ходе раскопок В.А. Шмидта (1928 г.) и В.А. Иванова (1973 г.). Основываясь на находках археологов, мы сейчас можем говорить о том, что у постпетрогромцев достигали высокого развития кожевенное дело, обработка дерева и кости, гончарное ремесло, а также выплавка бронзы иковка железа. Находки глиняных грузил от сетей и позвонки рыб (стерлядь, сом, щука и др.) говорят нам о том, что в качестве подсобной отрасли хозяйства спросом пользовалось рыболовство. О популярности охоты на медведя и лося свидетельствуют подвески-амулеты из когтей и зубов самого крупного на Урале хищника, а также обломки лосиных рогов.

В пределах восточного Татарстана дело с изученностью поселенческих объектов «постпетрогромцев» обстоит несколько не лучше, чем в Башкортостане. Здесь небольшие раскопки проводились лишь на нескольких памятниках к югу от р. Кама: Миняровском I, Семиостровском I и Меллятамакском VII селищах (Казаков, 1987, с. 71). Находки на этих летних

стоянках немногочисленны и схожи с артефактами на территории Башкортостана.

Могильники. Из всех типов памятников «постпетрогромцев» активнее всего изучаются их погребальные объекты. Ранние «чиялики» хоронили своих умерших под курганами и в грунтовых могильниках. Самые известные курганы расположены на северо-востоке Башкортостана, а наибольший вклад в их изучение внес Н.А. Мажитов.

Курганные могильники постпетрогромского (мрясимовского) типа (рис. 3, 1–5) расположены в Предуралье и Зауралье (Смолино): Каранаево (17 кург., 73 погр.), Бакалы (8 кург., 12 погр.), Смолино (1 кург.), Мрясимово (24 кург., 35 погр.), Бурлы (1 кург.). Всего исследован 51 курган, в которых выявлено 121 погребение. Все курганы земляные, с диаметрами насыпей от 4 до 23 м, с преобладанием размеров 5–8 м. В насыпях встречаются угли, фрагменты керамики, кости лошади. Могильные ямы простые, достаточно неглубокие. Умершие покоились вытянуто на спине, руки и ноги уложены вдоль тела. Преобладает западная и юго-западная ориентировка головы. В могилах расчищены захоронения мужчин, женщин и детей. Можно уверенно говорить о том, что отдельные насыпи служили семейными усыпальницами (например, курган № 5 Бакалинского могильника, в котором под одной насыпью захоронены три ребенка и мужчина). В могилах встречались угли, обрывки бересты, куски дерева. Особо хочется обратить внимание на традицию размещения в погребениях (49%) костей лошади, в основном – плечевых, а также, изредка, ребер или копыт (Каранаево, кург. №3/27, 4/5).

Человеческие костяки сопровождались заупокойным инвентарем: бытовыми вещами, оружием, конским снаряжением, а также украшениями и сосудами – у женщин и детей.

Постепенно традиция насыпать над захоронениями умерших курганные насыпи отмирает, уступая место простым грунтовым могильникам. Самыми известными грунтовыми некрополями раннечияликского времени являются Гулюковский (Татарстан), Селянино Озеро и Усть-Кишерть (Пермская обл.), а также, видимо, Кушулевский (Башкортостан) могильники (см. *Пастушенко*, 2005–2006, с. 40–70; *Пастушенко*, 2007, с. 162–184) (рис. 3, 1–5). Погребальная обрядность в грунтовых некрополях мало чем отличалась от похоронных ритуалов курганных могильников. Отметим лишь тенденцию постепенного исчезновения из могильных ям конского снаряжения, а затем и оружия. В Зауралье курганные насыпи возводились несколько дольше, нежели в Предуралье (см., например, Макушинский могильник в Свердловской обл. (*Викторова*, 1964), но и там со временем грунтовые могильники становятся преобладающими (Пылаевский, Казакбаевский, Замараевский) (*Кутаков, Старков*, 1997, с. 130–147; *Корякова и др.*, 1999, с. 73–89; *Гарустович и др.*, 2008, с. 60–62; *Третьяков*, 2024).

Важно отметить, что уже на ранней стадии существования чияликской культуры в ее погребальных памятниках постепенно всё явственнее начинают фиксироваться мусульманские элементы. Особенно определенно исламские черты становятся заметны к XII в., примером чего могут считаться такие памятники, как Каранаевские и Мрясимовские курганы (Башкортостан) или грунтовые могильники – Гулюковский (Татарстан), Кушулевский (Башкортостан) и Усть-Кишерть (Пермская обл.).

При содействии мусульманских купцов из Средней Азии и, особенно, под влиянием булгар, ислам начал свое проникновение в этническую среду чияликского населения еще в домонгольский период, постепенно «продвигаясь» с запада на восток. В приграничных с булгарами регионах уже на раннем этапе появляются отдельные, чисто мусульманские кладбища, на которых не фиксируются языческие захоронения (к примеру, Тураевский II могильник в Татарстане) (Арматынская, 2007, с. 120–130). Не исключено, что уже в домонгольскую эпоху мусульманские общины (уммы) появляются у населения лесостепного Зауралья.

Уникальным памятником раннего этапа чияликской культуры является *святилище* Чумойтло, расположенное в Удмуртии. Раскопки данного языческого обрядового центра проводились Р.Д. Голдиной, которая считает, что на протяжении XI–XII вв. оно использовалось для отправления охотничьих промысловых культов (Голдина, 1987, с. 84–106). Здесь отмечены многочисленные следы жертвоприношений, обширные кострища и очаги, множество обожженных и необожженных костей животных, костяных (7 экз.) и железных (70 экз.) наконечников стрел, железных кованых ножей, обломков лепной (постпетрогромские глиняные емкости и круглодонные, слабо орнаментированные горшки пермского населения), а также гончарной (булгарской) посуды. Анализ костных остатков показал, что в культурном слое святилища преобладают остатки диких животных (85%), большая часть которых принадлежала северному оленю и лосю (66,8%).

Р.Д. Голдина считает Чумойтло остатком куалы – местом семейных и родовых молений предков удмуртов (Голдина, 1987, с. 88). Однако Е.П. Казаков пришел к мнению о несомненном сходстве этого культового объекта со святилищами угров, для которых характерны кострища и элементы охотничьей магии (наконечники стрел) (Казаков, 2007, с. 57). Например, на мансийских селищах в жертву лесным духам приносили лося, при этом, опасаясь гнева лесного духа, избегали жертвовать мясо домашних животных (Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 151, 184).

В Башкортостане, на месте выхода реки Зилим из горных теснин на равнину (Гафурийский район), находится не менее интересный культовый памятник – жертвенная гора Уклякая («Стреляная гора»). На крутом склоне горы найдено уже свыше 500 самых разнообразных железных и костяных наконечников стрел X – нач. XIII вв. (Котов, 2011, с. 131–136; Гарустович, Овсянников, 2012, с. 179–187). По всей видимости, стрелы в гору посылали со стороны реки, снизу вверх. Проводившиеся здесь обряды жертвоприношений связаны с охотничьим культом.

Датировки памятников рассматриваемого нами типа основываются на хронологии вещевого материала, а также на данных нумизматики. Так, в кургане №7 Каранаевского могильника вместе с постпетрогромской посудой гребенчато-шнурового типа обнаружена монета конца X в., а в Мрясимовских курганах встречено подражание саманидской монете 954–961 гг. (Мажитов, 1981, с. 115–155).

Поскольку Е.П. Казаков ограничивает существование выделенной им постпетрогромской культуры концом XII в., перед ним неизбежно возникает проблема исторической судьбы данного этнического образования. Постпетрогромское население, по его мнению, подвергается ассимиляции в среде пришедших из-за Урала родственных племен, названных им чияликцами (Казаков, 1987, с. 26–28). В качестве этнического компонента они

также вошли в состав булгар, удмуртов и других соседних народов. С нашей же точки зрения, на рубеже XII–XIII вв. никаких крупных этнических подвижек в регионе не фиксируется. Все немногочисленные новации, отличающие так называемых «постпетрогромцев» и «чияликцев» (по Е.П. Казакову) или раннечияликский и позднечияликский этапы единой культуры (по мнению авторов), легко объяснимы с позиции эволюционного процесса, т.е. обычного стадийного развития единого этноса.

1.3. Поздний (чияликский) этап

Этот этап охватывает период XIII–XIV вв. – времени монгольского нашествия и периода существования Золотой Орды. Из сообщений источников мы знаем о том, что башкиры при необходимости могли менять места своего проживания в пределах лесостепной зоны Предуралья. К примеру, в шежере племени юрматы говорится о том, что в период феодальных усобиц их предки из долин рек Зая и Шешмы (на востоке Татарстана) переселились на северо-восток, на р. Шадлык (р. Шады, правый приток р. Бирь), а затем к югу, на рр. Нугуш, Селеук и Тор (*БШ*, 1960, с. 31–35, 177–183). В шежере минцев записано: *«наш прадед Мурадым [идя] от Златоуста по реке Белой и побывав на Белом озере, побывав в Ялангасте, ...был похоронен на берегу Уршака»* (Там же, с. 70). Здесь описана дорога из Зауралья в Предуралье – на р. Уршак в Башкортостане. Люди племени ирякте с рек Бармы и Камы передвинулись на Мензелю и р. Ик (*«...спустились по Чулману... потом он дошел до реки Ик, поднялся вверх по Ику, на месте впадения в него реки Мелля»*) (Булгаков, Надергулов, 2002, с. 361–362, 364, 375).

Несколько забегаая вперед, отметим, что в пределах Башкортостана археологи фиксируют наличие нескольких административных пунктов (либо фискальных факторий) государственной власти Улуса Джучи. Предположительно, один из центров находился в районе оз. Акзиарат (у пос. Чишмы, Чишминский р-н Республики Башкортостан) на месте расположения мавзолея Хусейнбека и в относительной близости от кэшэнэ Тура-хана.

Обзор чияликского этнокультурного образования необходимо начать со слов его первооткрывателя – Е.П. Казакова. «Для археологии и истории Восточной Европы важным этапом является открытие в конце 60–70-х годов XX в. чияликской культуры. Она была оставлена теми же приуральскими уграми, сохранившими ряд основных элементов языческой культуры, в том числе лепную круглодонную керамику с гребенчато-шнуровой орнаментацией. В то же время, чияликское население, в конечном итоге тюркизированное и принявшее ислам, стало существенным компонентом в этногенезе современного тюркоязычного населения Урало-Поволжья – казанских татар и башкир» (Казаков, 2007, с. 59). Полевые исследования «позволяют... локализовать памятники чияликской культуры на широкой, в основном – лесостепной, территории от р. Ик в Восточном Закамье до низовий левобережной части Тобола» (Казаков, 2007, с. 62). Время бытования поздней стадии чияликской культуры приходится на рубеж XIV–XV вв. Этим временем вынуждено завершается наш исторический обзор. Что было позже, мы весьма слабо представляем, поскольку памятники XV–XVI–XVII вв. очень плохо изучены. Кладбища этого времени характеризуются

наличием выдержанной исламской похоронной обрядности с минимумом языческих пережитков. Этнические элементы на таких погостах полностью подменяются нормами, продиктованными шариатом, поэтому они малоинформативны.

Как это обычно бывает, в нашем случае важнейшим этнокультурным диагностирующим признаком культуры является керамика. Круглодонные, чашевидные и крынкообразные сосуды ручной формовки неровного кострового обжига имели цвет поверхностей от желтоватого до черного тонов. Основной примесью к тесту глины служили песчаные добавки. Верхний срез венчика часто закруглен, орнаментация его встречается, но значительно реже, нежели у постпетрогромских сосудов. Шейка блоковидной формы украшена оттисками шнура, ниже, на плечиках, нанесены гребенчатые или резные фигуры (зигзаги, елочки, полосы с бахромой, подковки). На верхней части тулова отдельных емкостей сделаны налепы – имитации ушек. В сравнении с постпетрогромской посудой степень орнаментации чияликских горшков беднее (рис. 4, 6–15), а на завершающей стадии существования культуры все чаще встречаются сосуды совсем без орнамента. Тем не менее нет никаких оснований кардинально разделять керамику двух этапов рассматриваемой культуры. В общем-то, различия минимальны и объясняются обычной внутренней эволюцией гончарных традиций. После XIV в. местная лепная посуда вообще выходит из употребления, заменяясь привозными гончарными сосудами и емкостями из дерева и кожи.

1.4. Основные памятники

1.4.1. Поселения

На востоке современного Татарстана известны незначительные по площади селища – остатки кочевых сезонных стоянок приуральских племен. Чияликские поселения располагались на небольших высотах в долинах рек или по краям возвышенных террас. Ограниченным по площади раскопкам подвергались Игимское, Чияликское, Меллятамакское VI селища, на которых фиксировался культурный слой мощностью 0,2–0,4 м. Лучше изучены памятники среднего течения рр. Белая и Дёма (Горновское, Ябалаклинско 1, Подымаловское селища). Находки представлены обломками костей животных, фрагментами лепной круглодонной посуды гребенчато-шнурового облика, изделиями золотоордынского времени (пряслица, ножи, проколки, наконечники стрел, блесны) и т.д. Строительные объекты немногочисленны, среди них – хозяйственные ямы, очаги, остатки фундаментов наземных (срубных) жилищ. Остеологический материал свидетельствует о значимой роли лошади и крупного рогатого скота в хозяйстве приуральского полукочевого населения. Е.П. Казаковым на VI Меллятамакском селище расчищены остатки наземного культового сооружения, где зафиксирована каменная вымостка, «какие встречаются на святилищах угров» (Казаков, 1985. С. 150; Чаиркин, 2004. С. 443; Казаков и др., 2016, с. 219–243).

Накопленные сведения по памятникам культуры позволяют судить о планировке и расположении жилищ и хозяйственных объектов на площадках чияликских поселений. В нашем распоряжении имеются сведения как с самого Горного, так и с Игимского, Подымаловского, Карповского, Тукмак-

Карановского, Казакларовского, Меллятамакского VI, Ябалаклинского 1 селищ и Старо-Нагаевской II стоянки. Известные чияликские селища всегда размещались вблизи водных источников, крупных рек или озёр, у места впадения ручьёв. Часто для организации поселения выбирались низменные, пойменные места. Это объясняется необходимостью в удобном подходе к воде, а также наличием богатого травостоя – важного элемента в полукочевом, скотоводческом хозяйстве. Селища располагались на первых надпойменных террасах (Горново, Чиялик, Новые Ябалаклы 1 и 2, Нижнехозятово 2, 3 и 5, Ябалаклы 1–3, Карпово, Тукмак-Каран, Подымало 1, II Минниярово и др.), на останцах коренных террас и дюнах, в поймах рек (Игимское, I Татарско-Азибейское, Белозерское, Меллятамакское VI селища, I Миннияровское поселение и др.), на береговых линиях, старичных озёрах (Старо-Нагаевская II стоянка, местонахождение на I Суюндуковской стоянке), на высоких мысовидных выступах коренных террас (Казакларово, Кармасан, Чишмы 1 и др.). В количественном отношении преобладают памятники, занимающие первые террасы крупных рек непосредственно над урезом воды (Казаков, 1978, с. 42–49; Казаков, Чижевский, Лыганов, 2016, с. 219–243; Гарустович, 1998б; 2015, с. 181–198; Русланов, 2019, с. 362–364; Русланов и др., 2020, с. 393–395; Русланов, 2021, с. 101–109; Вальков и др., 2020, с. 120–133; Тузбеков, 2021, с. 157–165; Хурмаев, 2025).

В общей сложности при раскопках чияликских селищ на территории Предуралья выявлено 7 зольников (Горново) овальной и округлой формы, мощностью 5–15 см, размером от 0,32 до 1,64×0,2 до 1 м. Также выявлено около 20 теплотехнических сооружений (очагов и кострищ) (Горново, Казакларово, Карпово, Подымалово и Меллятамак IV) овальной и округлой формы, размеры которых варьируют от 0,7 до 2,25×0,5–1,7 м, очаги углублены в материк на 0,2–1,05 м. С ведением хозяйственной деятельности в границах селищ связаны следы 35 крупных ям (Горново, Игимское, Старо-Нагаево II, Карпово, Тукмак-Каран, Подымалово, Меллятамак VI) овальной, округлой формы. Округлые хозяйственные ямы имели диаметр от 0,3 до 0,65 м и глубину от 0,27 до 0,4 м, овальные вытянуты в длину от 0,33 до 4,1×0,22–2 м, углублены от 0,18 до 1,27 м. Ямы имели прямые, отвесные стенки, обшитые деревянными плахами, ровное дно. Сверху над ямами в качестве навесов могли быть сооружены лёгкие наземные постройки-навесы каркасно-столбового типа (Старо-Нагаево II, Тукмак-Каран, Подымалово, Горново, Меллятамак VI). На двух селищах (Ябалаклы 1, Горново) раскопано 2 печи длиной 4,7–4,8 м и шириной от 1,5 до 2–2,5 м, обложенные крупными песчаниковыми плитами; эти теплотехнические сооружения, во избежание пожара, вынесены за пределы жилой части поселений. На чияликских селищах выявлено два типа жилых сооружений. К первому относятся 10 изученных круглоплановых юртообразных построек (Горново, Тукмак-Каран) диаметром от 1,5 до 5 м. В каждой юрте был обустроен очаг и иногда хозяйственная яма, основание жилища могло быть обложено по контуру камнем (Тукмак-Каран). Ко второму типу относятся 4 постройки подквадратной или подпрямоугольной формы (Горново, Меллятамак VI), иногда с тамбуром (Горново) размером не более 4,5×3,5 м. По контуру строений прослежены крупные столбовые ямы, песчаниковые или известняковые каменные плиты. Таким образом, можно сделать вывод о расположении чияликских селищ, как правило, в долинах рек и по берегам озёр. На них отмечаются единичные стационарные подквадратные и подпрямоугольные тамбурные постройки и

переносные юрты, расположенные вытянуто группами вдоль края террасы реки (Горново, Тукмак-Каран), а также лёгкие каркасно-столбовые постройки-навесы, хозяйственные ямы, крупные печи, очаги и зольники (Гарустович, Иванов, 1992, с. 121–122; Гарустович, 1998б; Обыденнова и др., 2007, с. 306–311).

На селищах встречаются бусы округлые из полупрозрачного синего и голубого стекла (селища Кармасан, Игимское III, Батраковское, Кумлекуль, Ново-Какрыбашевская стоянка), полосчатые бусы с орнаментом в виде накладных линейно-волнистых пастовых нитей (Меллятамак VI), датирующиеся в пределах XIII–XIV в. В слоях некоторых памятников найдены обломки чугунных котлов, наконечники стрел различных типов (срезни, плоские ромбические, черешковые с упором и без), относящиеся к XIII–XIV в. (Тукмак-Каран, Горново, Ябалаклы 1, Подымалово 1). Датированным выступает тесло-мотыжка с Горновского селища, близкое по форме изделие происходит из чиялыкского погребения 1 могильника Кордон Миассово 1, с которого получена дата во временном интервале со второй четверти XIII по начало XV в. (Шорин, Шорина, Зыков, 2019, с. 63–70). В целом она согласуется с данными синхронных памятников макушинского типа (могильники Кордон Миассово 1, Большеказакбаевский 2, городищ Папское и Прыговское), которые не выходят за пределы XIII–XIV в., вероятно с заходом в первые десятилетия XV в. (Корякова и др., 1999, с. 73–89; Морозов, Ковригин, 1999, с. 65–71; Матвеева и др., 2020, с. 43–52; Матвеева и др., 2020, с. 31–48; Третьяков, 2022, с. 300–303).

На зимниках (Уфимское (Чертово) городище) и селищах в Зауралье (Верхне-Спасском и Ишкуловском поселениях) выявлены остатки жилищ-полуземлянок и остатки наземных срубных домов, которые отапливались очагами и печами-сувалами. Находки на поселениях представлены керамикой и костями животных, а также железными ножами, топорами, пешнями, рыболовными крючками и глиняными грузилами, серпами и косами, шлаками и костяными орудиями. Отметим находки предметов, говорящих о наличии пашенного земледелия в XIV в. – ральников, плужных резачков и т.д. (Уфимское городище, Горновское селище и Нижне-Хозятовский клад). Важно обратить внимание на то, что рассматриваемые конструктивные особенности поселенческих объектов чияликцев находят аналогии в этнографии башкир (Гарустович, 1998б). Констатируем также то, что на поселенческих памятниках золотоордынской эпохи местная лепная керамика всегда встречается вместе с круговой болгарской посудой. Причем в XIV в. импортные емкости начинают преобладать над сосудами местного производства. К примеру, на территории Горновского селища отмечено соотношение чиялыкской и болгарской посуды как один к трем. Это и понятно... *«Чиялыкское население всегда имело тесные отношения с волжскими болгарами. Так, на Меллятамакском и других селищах Восточного Закамья вместе встречается чиялыкская шнуровая и болгарская круговая посуда. В чиялыкских некрополях постоянно находят изделия болгарских ремесленников»* (Казаков, 1978, с. 63).

1.4.2. Могильники

Наибольшая концентрация чияликских памятников фиксируется вдоль восточных границ Булгарского улуса Золотой Орды (по рубежам бывшей Волжской Булгарии), восточнее рек Зай и Шешма в современном Татарстане. Не случайно именно здесь локализуются реперные памятники чияликской культуры, раскопанные Е.П. Казаковым. Это Такталачукский грунтовый могильник, на котором вскрыто 274 погребений из предполагаемых 300, а также Азметьевский I некрополь (Казаков, 1978, с. 71–84; Казаков, 1987, с. 25–33; Казаков, 2007, с. 59–65), где из предполагаемых 400 захоронений расчищено 107. Только в низовьях р. Белая изучено свыше 500 средневековых погребений с учетом хорошо изученного (всего 121 погр.) Дербешкинского могильника (Ютина, 2007, с. 73–98; Решетников, 2007, с. 155–164). Неподалеку расположен еще один крупный могильник – Кушулевский (Эрдели, 1961, с. 307–319), исследованный Н.А. Мажитовым и Б.Б. Агеевым в 50–70-х гг. XX в. Здесь раскопано свыше 80 погр., могильник также мог бы стать опорным памятником культуры, но, к сожалению, материалы его до сих пор не опубликованы. При этом важность Кушулевского могильника для нашей темы несомненна, поскольку он существовал в конце XII–XIII вв., т.е. в переходное время от постпетрогромского (мрясимовского) этапа к поздней (чияликской) стадии. Он может считаться доказательством непрерывного развития чияликской культуры в начале II тыс. н.э. (в частности, в XI–XIII вв.).

В целом, погребальные объекты XIII–XIV вв. выявлены в Предуралье (рис. 3, 6–10) и в Зауралье (могильники Челябинской и Курганской областей – Перегон, Замараевский, Казакбаевский (Шорин и др., 1999; Гарустович и др., 2008, с. 56–68; Корякова и др., 1999, с. 73–89; Костюков, 2006, с. 444–457). Все они несут в себе важную черту – погребения здесь совершены по мусульманскому обряду, а языческие пережитки уже можно считать исключением. В Предуралье, помимо некрополей в восточном Татарстане (кроме указанных выше объектов назовем еще Старо-Селищенское кладбище (Нефедов, 1899, с. 67–68), Старо-Варяшские I и II грунтовые могильники (Казаков, 1971; Казаков, 1978, с. 82)), известны памятники в южной Удмуртии (Бельский Шихан (Стрельцов, 1914, с. 97–98), но больше всего их выявлено в Башкортостане. Здесь выделяется несколько скоплений грунтовых могильников: на реках Ик и Сюнь расположены могильники Казыбиргян, Кара-Яр (Гарустович, 1988, с. 130–139; Русланов, 2020б, с. 134–140), Тукмак-Каран, Карповский, Нагайбакский I и II, на Нижней Белой – Базитамакский, Байгильдинский (Васюткин, Горбунов, 1972, с. 216–217), Кушулевский (Эрдели, 1961, с. 307–319), Казакларовский (Иванов, 1981, с. 132–133; Гарустович, 1988, с. 130–137), Ахметовский I и II (Збруева, Тихонов, 1970); к северу от русла р. Белой – Старо-Нагаевский (Гарустович, 1988, с. 130–137), Алтаевский (Останина, 1987, с. 33–38), Резяповский, Биктимировский (поздний). «Дёмская» группа представлена Новотроицким, Нижне-Хозятовским, Горновским, Караякуповским могильниками (Гарустович, 1988, с. 130–139; Русланов, 2020а, с. 77–85), Нижегородский III; «Среднебельская» группа – Шиповский (поздний) (Гарустович, 2005, с. 37–44; Русланов, 2019, с. 185–187), Охлебининский (Ак-Таш) (Касьянов, 1929; Иванов, 1977, с. 292–295), Ибрагимовский, Шах-Тау (Викторова, 1962б, с. 170; Садыкова, 1971). Названные памятники различаются по количеству

выявленных захоронений и по степени изученности, но в целом на них расчищено уже более 850 погребений.

Из общей массы выделяются два некрополя – Куштирякский курганный могильник (Бакалинский р-н) и Сынгряновский курганно-грунтовый могильник (Илишевский р-н). Уже из названий видно, что они отличаются тем, что здесь, над некоторыми захоронениями, были возведены небольшие курганы. Для периода XIII–XIV вв. курганный обряд с земляными насыпями был уже явным анахронизмом. В остальном мусульманские погребения в этих памятниках ничем не отличаются от обычных грунтовых захоронений.

Могины в некрополях располагались рядами, которые развернуты по линии северо-запад-юго-восток. Между ними выявлены зольники, ямы с костями и зубами лошади, а также другие остатки поминальных обрядов. Умершие захоронены в простых могильных ямах на небольшой глубине, взрослые покоились глубже, чем дети. Положение костяков единообразное – вытянуто на спине, с ориентировкой головы к юго-западу, реже – на запад (рис. 3). Преобладает разворот лица к югу (на кыблу), в сторону Мекки. Встречено несколько скорченных женских погребений. В некоторых женских и детских могилах слева от головы умершего стояли лепные круглодонные сосуды, украшенные оттисками веревочки или зубчатого штампа. Погребальный инвентарь состоял из бронзовых украшений (височные подвески, перстни, серьги), стеклянных бус и бисера, металлических наглазников от погребальных покрытий (масок), железных скоб, ножей, пряжек. В межмогильном пространстве обнаружены удила с кольцами, ножи, чешуйки от панциря, наконечники стрел, бронзовые подвески и накладки.

Интересными находками на территориях могильников являются серебряные монеты, поскольку на них основывается хронология позднего этапа чияликских древностей. В Азметьево (погр. 88) обнаружена монета хана Узбека (чекан Булгара), а из захоронений 84, 206 и 308 могильника Такталачук происходят два дирхема Узбек-хана и две монеты хана Джанибека (Казаков, 1978, с. 42–93, 108–118).

Важной вехой в деле изучения чияликских памятников следует считать выделение Е.П. Казаковым двух хронологических горизонтов в рамках погребальных объектов XIII–XIV вв. При изучении в 1979 г. северо-западной окраины Азметьевского I некрополя (раскоп VII) им была подмечена интересная закономерность в изменении мусульманской погребальной обрядности, в результате чего определены ранние и поздние захоронения. В *ранних* чияликских погребениях преобладала юго-западная ориентировка головы, а также положение тела, вытянутое на спине; фиксируется присутствие пережиточных отклонений от канонов шариата (разворот лица вверх, а не на кыблу, и др.) и наличие в могилах отдельных вещей. В *поздних* захоронениях мусульманский обряд более выдержанный: костяки ориентированы головами на запад с отклонениями к северу, тела имеют уклон на правый бок, лица повернуты на кыблу, вещей нет (Казаков, 1987, с. 29–32). Отсюда мы узнаем, какие изменения происходили в раннемусульманской обрядности на пути ее превращения в ортодоксальный мусульманский (т.е. современный) ритуал.

Развитие естественнонаучных методов в науке позволяет открывать новые направления и получать дополнительные знания. К примеру, специалисты из Ижевска и Уфы – С.Е. Перевощиков, З.Г. Волкова и С.В. Рязанов – занимаются или занимались изучением

железообрабатывающего производства коренного населения Предуралья в начале II тыс. н.э. (Перевоицков, 2002; Перевоицков, Волкова, 2006, с. 71–80; Рязанов, Гарустович, 2007, с. 185–190). Важнейшая информация содержится также в работах антропологов региона (Рудь (Постникова), 1978, с. 120–128; Ражев, 1997, с. 147–152; Нечвалода, 2019, с. 447–452; Куфтерин, Насретдинов, 2023, с. 84–108).

1.4.3. Современные интерпретации и данные письменных источников

Из работ, изданных в последние годы, выделяется монография А.М. Белавина, В.А. Иванова и Н.Б. Крыласовой (*Белавин и др.*, 2012), в которой был обобщен значительный объем имеющейся источниковой базы по проблеме уральского угроведения. Важнейшим итогом проделанной работы является выделение характерных вещевых комплексов, которые могут считаться этнодиагностирующими. Исследования по обоснованию «угорских» черт погребальной обрядности и специфического заупокойного инвентаря начал еще Е.П. Казаков (лицевые маски, варганы, повязки-хараусы и др.), а авторы монографии успешно продолжили эту работу. В результате в наши дни этнические определения угорских комплексов базируются не на умозрительных рассуждениях и личных желаниях археологов, а опираются на стройную систему научных доказательств. Важнейшим подтверждением выводов, полученных на основе анализа археологических материалов, служат сообщения письменных источников начала XIII века. В поисках легендарной прародины – «Magna Hungaria» («Большая Венгрия») в 1236 году венгерский монах-доминиканец Юлиан добрался до большой реки Этиль (видимо, имелась в виду р. Белая). Здесь, к востоку от Волжской Булгарии, он посетил «восточных венгров»: *«язык у них совершенно венгерский: и они его понимали, и он их», «водили его кругом по домам и селениям и старательно расспрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан», «они – язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут, как звери. Земли не возделывают; едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах... Татарский народ (т.е. монголы – авторы) живет по соседству с ними...»* (Аннинский, 1940, с. 77, 81).

Монголо-татары, подчинив куманов (кыпчаков – авторы), пошли войной на *«Великую Венгрию, из которой происходят наши (т.е. европейские – авторы) венгры, и нападали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими...»* (Аннинский, 1940, с. 85). Юлиан определенно говорит о населении Предуралья как об обществе скотоводов (в первую очередь – коневодов) и охотников, говоривших в начале XIII в. на угорском («венгерском») языке. При этом приуральские племена имели дома и селения (в нашем понимании – сезонные становища), были воинственны и отважны.

В других нарративных источниках XIII века содержится значительно меньше информации о народах Южного Урала. Плано Карпини сообщает лишь о покорении края монголами: *«Подвинувшись... против Баскарт, то есть Великой Венгрии, они победили и их...»* (Карпини, 1957, с. 48, 57). Гильом Рубрук, совершивший путешествие в Монголию в 1253–1255 гг.,

записал: *«то, что я сказал о земле Паскатири, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия Татар, «...с того времени жители ее были покорены соседними Булгарами и Саррацинами, и многие из них стали Саррацинами»* (т.е. мусульманами – авторы) (Рубрук, 1957, с. 123). Поскольку мы знаем, что ислам в сообщество чияликских племен начал проникать значительно раньше XIII в., остается предположить, что монаха-минорита в заблуждение ввели слова Юлиана, который называл и болгар-мусульман, и «восточных венгров» язычниками. В статье «Басджирт», написанной В.В. Бартольдом для энциклопедии ислама, академик отмечает (основываясь на фразе Истахри): *«...они подчинялись болгарам и в противоположность этому народу оставались еще язычниками... Даже в XIII в. еще не все башкиры стали мусульманами»* (Бартольд, 1968, с. 498).

Упомянув *«большую реку, именуемую Ягак (р. Яик –Урал – авторы), в 12 днях пути от Этилии»*, Гильом Рубрук далее продолжает: *«она течет с севера из земли паскатири и впадает в вышеупомянутое море (Каспийское море – авторы). Язык паскатири и венгров – один и тот же; это пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Булгария – последняя страна, имеющая город. Из этой земли паскатири вышли гунны, впоследствии венгры...»* (Рубрук, 1957, с. 122-123). Еще Рубрук говорит об уплате *«Паскатириом, то есть Великой Венгрией»* дани монголам дорогими мехами точно так же, как булгарами, мордвой, русскими (Рубрук, 1957, с. 98) и другими зависимыми народами. Так, в книгах западноевропейских путешественников появляется название земли – Баскарт или Паскатири. В XIII веке в этой области не было городов, а главной отраслью хозяйства местных жителей было скотоводство. Как отмечал Гильом де Рубрук: *«И еще много других бедных народов живет в северной стороне, поскольку им это позволяет холод; на западе соприкасаются они с землею Паскатири, а это – Великая Венгрия, о которой я сказал вам выше»* (Рубрук, 1957, с. 154). В своем знаменитом труде Рашид-ад-дин приводит историческую информацию, которая для XIV века выглядит явно устаревшей: *«Булар и Башгирд являются большой страной и (представляют собой) места недоступные. Несмотря на то, что (монголы) тогда завоевали ее, (жители ее) снова восстали, и она до сих пор не вполне покорена»* (Рашид-ад-дин, 1952, с. 35). Тогда же, в начале XIV в. (1320 г.), еще один католический проповедник – минорит венгр Иоганка уже ничего не говорит о «Великой Венгрии». Южный Урал он называет «Баскардией» (страной *«большого народа, подчиненного татарам»*) (Аннинский, 1940, с. 92). *«И были там татары, судьи баскардов... Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением...»*. Религиозный конфликт пришлых миссионеров с местными жителями, убежденными приверженцами ислама, чуть было не закончился для европейцев трагически: *«но они, боясь татар, не смели на это решиться...»* (Аннинский, 1940, с. 92, 93). Ал-Омари, один из самых цитируемых арабских авторов эпохи средневековья, в первой половине XIV века указал со слов своего информатора – купца Хасана Эрруми: *«страны Сибирские и Чулыманские, ...прилегают к Башкырдам. В земле башкырдов*

(находится) мусульманский кади, пользующийся почетом» (СМИЗО. Т. I, 1884, с. 238).

Таким образом, имеющиеся археологические и письменные источники свидетельствуют о том, что население, оставившее памятники с чияликской керамикой, не могло и не существовало в культурном вакууме, являясь своеобразной «варварской вуалью» на границах Булгарского улуса Золотой Орды. Оно, вероятно, в определённой роли участвовало в меновых операциях, отсюда нам известны привозные вещи в культурных слоях бытовых и погребальных памятников. Но, кроме собственно носителей керамики чияликовского типа, территорию Предуралья занимали кочевники, по мнению К.А. Руденко, составлявшие единый этнокультурный комплекс кыпчакского населения в Булгарском улусе (Руденко, 2013, с. 189–211).

Видимо, именно с номадами связано появление каменных мавзолеев вблизи п. Чишмы (Хусейн бека, Тура-хана, Малый кешене), особенно это касается мавзолея Тура-хана, само расположение которого типично для организации курганных могильников. Симптоматично, что, по мнению ряда исследователей, все крупные мавзолеи Южного Урала сооружались для кочевой знати (Тептяри, Троицкий, Бэндэбикэ и др.) (Харламов, 2018, с. 193–196; Матюшко, 2011, с. 146–155; Русланов, 2022, с. 106–113). Разница лишь в том, что мавзолеи в улусе Шибана возведены из квадратных или прямоугольных обожжённых кирпичей, лесостепные же усыпальницы сооружались из природного камня, что отражает, как справедливо отмечал Г.Н. Гарустович, различие архитектурных школ (Гарустович, 2012а, с. 126–136; Боталов и др., 2019). Возможно, фактором плотного заселения чияликскими группами Предуралья, а также причиной возведения в среднем течении р. Дёма трёх известных на данный момент мавзолеев являлось существование на этой территории в XIV в. кочевой ставки либо центра кочевья. Этому не противоречит и близкое расположение исследованных позднекочевнических погребений из могильника Удрякбаш, находящегося на коренной террасе левого берега р. Большой Удряк в 19 км к югу-юго-западу от мавзолея Тура-хана (Овсянников, Юсупов, 2004, с. 283–285), а также Сынтыштамакских курганов, расположенных на правом берегу р. Чермасан в 36,5 км к северу-северо-западу от мавзолея (Васюткин, 1967, с. 121–123). К этой же группе относится Аккулаевский курган, находившийся на высоком левом берегу р. Тюлянь (левый приток Дёмы) в 54 км к югу от каменных усыпальниц (Мажитов, 1969; Агеев, Мажитов, 1970, с. 170–171). В целом расстояние от известных курганов до мавзолея Тура-хана не превышает 1–2 конных перехода. Таким образом, размер кочевья, опираясь на известные памятники, составляет 30×90 км, т. е. около 2 700 кв. км, мавзолеи находятся практически в его центре (рис. 5: 1). Кочевое население проникало сюда одним из «языков» «Дёмско-Бельского степного коридора» (Савельев, 2011, с. 11–24; Савельев, 2014, с. 191–206). Река Дёма в своём верхнем и среднем течении пересекает Бугульминско-Белебеевскую возвышенность, обходя её со стороны Стерлибашевско-Фёдоровской возвышенности Общего Сырта, создавая относительно широкую долину с большим количеством водотоков, широких пойм и заливных лугов. Отметим, что мавзолеи появились в момент перехода кочевников в новую веру, о чём ярко свидетельствуют безынвентарные погребения в курганах 17 и 18 могильника Сынтыштамак, совершённые по мусульманским канонам и датированные XIV в. (Гарустович, Иванов, 2014, с. 181–188). Тем не менее, прямых связей либо

контактов между кочевниками и коллективами, оставившими памятники чияликской культуры, на материалах селищ Предуралья мы пока не видим.

Таким образом, в Предуралье, на данный момент выявлено 170 памятников чияликской культуры: 101 селище, 36 грунтовых могильников, 20 городищ, 6 кладов, 3 одиночных погребения, 2 местонахождения, 1 случайная находка, 1 стоянка, датируемые пред- и золотоордынским временем (XII–XIV в.). Среди этого многообразия чияликских древностей выделяются 3 каменных мавзолея, 8 кочевнических погребений и курганных могильников, 9 кладбищ с каменными надгробиями и 24 памятника чёрной металлургии этого же времени (Гарустович, 2015б, с. 181–198). Резюмируя, отметим, что фактология средневековых нарративов не только подтверждает данные, выявленные в ходе археологических исследований, но еще и дополняет наши знания об особенностях функционирования средневекового населения Предуралья в золотоордынское время. Что же касается перспектив дальнейших научных исследований по теме, отметим их значительные возможности и несомненный потенциал для будущих полевых работ.

ГЛАВА II. ГОРНОВСКОЕ СЕЛИЩЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 1994 И 2005 ГГ.

2.1. Характеристика культурного слоя

Стратиграфия, прослеженная в ходе раскопок обоих годов, идентична. При снятии штыка 1 фиксировался дерн и желто-серая супесь (речные наносы), т.к. площадка памятника находится в зоне затопления р. Дёмы. При снятии 2 штыка продолжал фиксироваться слой желто-серой супеси. При изучении 2 штыка и при снятии 3 штыка по всем квадратам прослежен слой черного жирного гумуса, содержащий уголь размерами 0,2–0,4 м, материк представлен светло-серой супесью. Ниже приведены данные по всем бровкам и стенкам (1994 г.), а также профилям раскопов (2005 г.) (рис. 11–13).

Бровка № 1 (длина ок. 5 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь (наносы) с прослойками серой супеси (остатки разливов) – 0,25–0,62 м; среднегумусированная супесь (культурный слой) – 0,1–0,45 м; серая супесь – 0,05–0,25 м (предматериковый слой); материк – светло-серая супесь.

Бровка № 2 (длина более 8 м) 1994 г. Дерн – 7–15 см; желто-серая супесь с прослойкой серой супеси (наносы) – 0,24–0,4 м; среднегумусированная супесь – 0,35–0,55 м; серая супесь – 0,15–0,32 м; материк.

Бровка № 3 (длина более 8 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси (наносы) – 0,27–0,67 м; среднегумусированная супесь – 0,4–0,5 м; серая супесь – 0,08–0,25 м; материк.

Бровка № 4 (длина более 8 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси (наносы) – 0,15–0,45 м; среднегумусированная супесь – 0,4–0,5 м; серая супесь – 0,05–0,23 м; материк. Над ямой 10 фиксировалась прослойка гумусированной супеси – 0,05–0,15 м.

Бровка № 5 (длина более 8 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси (наносы) – 0,3–0,55 м; среднегумусированная супесь – 0,35–0,6 м; серая супесь – 0,05–0,4 м; материк.

Бровка № 6 (длина 6 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси (наносы) – 0,38–0,75 м; среднегумусированная супесь – 0,37–0,57 м; серая супесь – 0,05–0,23 м; материк. В центре бровки отмечена прослойка гумусированной супеси с угольками и мелкими пятнами золы.

Бровка № 7 (западная стенка раскопа) (длина более 4 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси (наносы) – 0,25–0,35 м; слабогумусированная супесь (погребенный наносами почвенный слой) – 0,23–0,32 м; серая супесь – 0,32–0,37 м; материк.

Бровка № 8 (длина 7 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси (наносы) – 0,2–0,35 м; слабогумусированная супесь – 0,1–0,15 м; среднегумусированная супесь – 0,15–0,3 м; гумусированная супесь (погребенная почва) – 0,05–0,23 м; серая супесь – 0,2–0,45 м; материк.

Бровка № 9 (длина более 6 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси (наносы) – 0,23–0,32 м; слабогумусированная супесь – 0,05–0,15 м; среднегумусированная супесь – 0,27–0,48 м; серая супесь – 0,2–0,5 м; материк.

Бровка № 10 (длина более 5 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси (наносы) – 0,22–0,75 м; среднегумусированная супесь – 0,35–0,4 м. В центре бровки в этом слое фиксировалась прослойка желто-серой супеси – 0,05–0,1 м; серая супесь – 0,23–0,3 м; материк.

Бровка № 11 (восточная стенка раскопа, длина 6 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси (наносы) – 0,3–0,65 м; среднегумусированная супесь – 0,24–0,72 м; серая супесь – 0,05–0,2 м; материк. В центре стенки отмечена прослойка гумусированной супеси с угольками – 0,05–0,25 м.

Промежуточная стенка раскопа (бровка № 12) (длина 57 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси (наносы) – 0,12–0,4 м; в западной части стенки и по ее центру фиксировались прослойки слабогумусированной супеси – 0,05–0,3 м; среднегумусированная супесь – 0,1–0,7 м; серая супесь – 0,1–0,45 м; в стенке на месте сооружения «А» отмечена линза гумусированной супеси – 0,05–0,15 м, зональная прослойка (3–1) мощностью 0,05 м; прослойка гумусированной супеси отмечена в районе сооружения «К» (печь) – 0,05–0,15 м; здесь же выявлена сильнопрокаленная супесь – 0,05–0,4 м, а также прослойки золы (выброс из печи) – 0,05–0,18 м; материк.

Стенка раскопа (бровка № 13) (длина 39 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси – 0,25–0,67 м; среднегумусированная супесь – 0,1–0,55 м; серая супесь – 0,05–0,32 м; материк. В восточном конце раскопа, на месте сооружения «О», отмечена гумусная прослойка с угольками – 0,05–0,27 м.

Стенка раскопа (бровка № 14) (длина 30 м) 1994 г. Дерн – 7–12 см; желто-серая супесь с прослойками серой супеси – 0,3–0,5 м; среднегумусированная супесь – 0,35–0,65 м; серая супесь – 0,1–0,3 м; материк – светло-серая супесь.

Профиль юго-западной стенки. 2005 г. Дерн 0,1–0,15 м, затем слой желто-серой супеси (речных наносов), мощностью 0,1–0,32 м, в кв. 1, внутри слоя наносов зафиксирован слой черного жирного гумуса мощностью 0,07–0,12 м. Слой желто-серой супеси подстилается слоем черного жирного гумуса 0,33–0,62 м, который в кв. 4, 5, 11 и 13 содержит линзы углистых включений 0,12–0,16 м. Также внутри слоя черного гумуса в квадратах 8, 9, 13 и 14 содержатся линзы зольных включений мощностью 0,1–0,17 м. В квадрате 15а слой черного гумуса переходит в материк, представленный желто-коричневой глиной. В остальных квадратах (с 1 по 15) слой черного гумуса подстилается слоем коричневатого предматерикового суглинка мощностью 0,03–0,23 м, ниже идет материк из красновато-коричневой глины.

Профиль северо-восточной стенки. 2005 г. Дерн 0,1–0,21 м, ниже – слой желто-серой супеси (речных наносов) мощностью 0,1–0,27 м, в котором, в квадрате 16 отмечена линза черного жирного гумуса 0,09–0,71 м, внутри которого в кв. 20–23 зафиксирован слой зольника 0,12–0,22 м, который подстилается углистой линзой мощностью 0,11–0,18 м. На всем протяжении профиля под слоем черного гумуса расположен слой коричневатого

предматерикового суглинка 0,1–0,24 м. Под слоем предматерикового суглинка расположен материк из красновато – коричневой глины.

Профиль бровки I₁-I₂. 2005 г. Дерн 0,1–0,21 м, под ним слой желто-серой супеси (речные наносы) 0,15–0,2 м, который подстилается слоем черного жирного гумуса мощностью 0,4–0,6 м, под которым в кв. 18 отмечена зольная линза мощностью 0,16 м. Слой черного жирного гумуса подстилается слоем коричневатого предматерикового суглинка 0,17–0,22 м. Ниже – материк, представленный красновато-коричневой глиной.

Профиль бровки II₁-II₂. 2005 г. Дерн 0,1–0,18 м, под ним – слой желто-серой супеси (наносов) 0,12–0,3 м, под которым расположен слой черного жирного гумуса 0,4–0,51 м, внутри которого в кв. 21 отмечено включение зольника 0,1–0,12 м. На всем протяжении профиля под слоем черного гумуса расположен слой коричневатого предматерикового суглинка мощностью 0,1–0,25 м, под которым расположен материк из красновато-коричневой глины.

Профиль бровки III₁-III₂. 2005 г. Дерн 0,1–0,16 м, под ним расположен слой желто-серой супеси (речные наносы) 0,1–0,2 м, под ним отмечен слой черного жирного гумуса мощностью 0,4–0,6 м, внутри которого в кв. 9 выявлена зольная линза мощностью 0,1–0,12 м. Под слоем гумуса расположен слой коричневатого предматерикового суглинка 0,1–0,16 м, который подстилается материком, представленным красновато – коричневой глиной.

Профиль бровки IV₁-IV₂. 2005 г. Дерн 0,1–0,12 м, ниже – слой желто-коричневой супеси (наносов) 0,1–0,12 м, под которым расположен слой черного жирного гумуса 0,33–0,41 м. Под ним находится слой коричневатого предматерикового суглинка мощностью 0,1–0,21 м. Ниже материк, представленный красновато – коричневой глиной.

Профиль бровки V₁-V₂. 2005 г. Дерн 0,05–0,11 м, ниже – слой желто-коричневой супеси (речных наносов) мощностью 0,1–0,11 м, затем слой черного жирного гумуса 0,2–0,3 м, который подстилается слоем коричневатого предматерикового суглинка мощностью 0,07–0,2 м. Под слоем предматерикового суглинка расположен материк из красновато – коричневой глины.

Профиль стены 1. 2005 г. Дерн – 0,07–0,19 м, ниже – слой желто-коричневой супеси (наносов) 0,15–0,2 м, который практически на всем протяжении профиля, кроме части кв. 15, подстилается слоем черного жирного гумуса мощностью 0,05–0,19 м. Далее идет слой коричневатого предматерика 0,08–0,3 м, ниже материк, представленный красновато-коричневой глиной.

Профиль стены 2. 2005 г. Дерн 0,12–0,2 м, ниже – слой речных наносов, представленный желтовато-коричневатой супесью мощностью 0,4–0,51 м, внутри которого, на всем протяжении профиля, отмечен слой черного жирного гумуса мощностью 0,1–0,27 м. Под слоем наносов залегал слой черного жирного гумуса 0,35–0,41 м, ниже – слой коричневатого предматерика 0,1–0,21 м, под которым расположен материк из красновато-коричневой глины.

2.2. Археологические объекты

В 1994 г. обнаружены: сооружение «А» (кв. 1–2, 11–12); сооружение «Б» (кв. 6–8); сооружение «В» (кв. 4–5); сооружение «Г» (кв. 9–10); сооружение «Д» (кв. 10); сооружение «Е» (кв. 12–13); сооружение «Ж» (кв. 14–15, 32–33); сооружение «З» (кв. 18–19, 36–37); сооружение «И» (кв. 22–23); сооружение «К» (кв. 27–28, 31, 31-А); сооружение «Л» (кв. 32); сооружение «М» (кв. 36–37); сооружение «Н» (кв. 38); сооружение «О» (кв. 22–24, 40) (рис. 8–10). Еще в процессе раскопок после того, как трава вокруг раскопа была скошена и утоптана, на рельефе стали заметны неглубокие округлые впадины, которые на современной поверхности имели диаметры от 3 до 5 м. Эти размеры, а также наличие очагов и кострищ в центре, свидетельствуют о том, что это археологизированные следы юрт. В расположении сооружений прослеживается определенная упорядоченность, например, можно предположить наличие рядов по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток («А», «Е», «Л» – один ряд; «Б», «Ж» – второй; «В», «З», «Н» – третий) по линии С-Ю («Е», «Б» – один ряд; «Л», «Ж», «В» – второй ряд; «М», «З», «Г» – третий; «Н», «Д» – четвертый и т.д.). Но здесь все же необходимо учитывать, что в эти ряды попадают не только юрты, но и впадины с хозяйственными ямами в центре. Жилища (юрты) и хозяйственные ямы, видимо, возводились в разные годы. Это подтверждает факт того, что каркасное «жилище» (сооружение «О») перекрывается юртой (сооружение «И»).

Большинство сооружений имеет в центре зольник или хозяйственную яму. А сооружение «К» (печь), сооружения «О» и «М» (каркасные жилища?) окружены по периметру столбовыми ямами, составляя единые объекты.

Зольники имеют овальную или округлую форму, из семи лишь два заглублены в материк – № 5 и 7, а остальные располагались в слое серой супеси (предматериковый слой) (рис. 14; таблица 2). Мощность зольников составляет 5–15 см. Незначительные прокалы фиксировались под зольниками 3–5 и 3–7. В трех зольниках (3–4, 3–6, 3–7) встречались колотые и кальцинированные кости животных. Зольники фиксировались по прослойкам золы и угля. Рядом с 3–1 и 3–7 встречались куски песчаника, возможно, это обкладка кострищ.

Следует отметить, что в кв. 26–28, 31 и 31-А зафиксирована зольная прослойка, но она не названа зольником, поскольку зола и угли являлись выбросом из печи (сооружение «К»). Далее, зольники 3–1, 3–2, 3–4, 3–7 служили для отопления сооружений «А», «Ж», «И», «О» соответственно.

Часть объектов, условно отнесенных к хозяйственным ямам: Я-2, Я-3, Я-7, Я-9, Я-11, Я-20 и, возможно, Я-6 по сути являлись очагами и служили для отопления сооружений «В», «Г», «З», «М» или находились вблизи них. Они отличались от зольников наличием четких, достаточно глубоких ям, прорезающих материк. Наполнение названных очагов составляли зола и уголь, перемешанные с гумусированной супесью или гумусом. Здесь встречались кости животных (частью кальцинированные), небольшие обломки песчаника и т.д. В то же время не исключено, что некоторые из них использовались как выгребные ямы, куда ссыпалась зола. На такую мысль наводит тот факт, что прокалы зафиксированы лишь в Я-9 и Я-20.

Часть из названных «очагов» (Я-2, Я-9, Я-11) по краю была обложена плитами песчаника, особенно четко это было заметно у Я-2 и Я-9. Размеры «очагов», как правило, превышают размеры зольников.

Очаги и хозяйственные ямы имели овальную или округлую форму, часто неправильную (рис. 15, таблица 3). Стенки ям, как правило, прямые и были скошены в сторону днища. Глубины ям различные, в пределах от 0,18 м (Я-17) и до 1,27 м (Я-23). Заполнение состояло из смеси золы, угля, гумуса и гумусированной супеси. В ямах встречались кости животных, фрагменты керамики, индивидуальные находки, обломки песчаника. Несколько ям: Я-6, Я-8, Я-14, Я-15, Я-16, Я-20, Я-23 выходили за пределы раскопа, поэтому форма их не прослежена полностью. Следует выделить яму 15 кв. 26, 26-А. Она была хорошо заметна на поверхности по впадине глубиной 0,6 м. Раскоп был специально продолжен в эту сторону, чтобы исследовать данную впадину, но в кв. 25 находок не обнаружено. В кв. 26 найдены два обломка костей животных и камень, да и то в зольном слое. В самой яме находок не было. Основное количество очагов, хозяйственных ям и зольников располагалось в восточной части раскопа, восточнее линии квадратов №1, 11. Эта часть селища была живая, а западнее, видимо, был производственный участок. Выделяется своей неправильной вытянутой формой яма 10 (кв. 8–9, 18–19), назначение ее не понятно. Интересная яма была вскрыта в кв. 38 и 20 (яма 23). Она прослежена не полностью, поскольку уходила за пределы раскопа (рис. 16). Яма имела вытянутую форму, ориентирована по линии северо-восток-юго-запад, глубина ее составила 1,27 м в материк (-2,4 м от точки 0). В западном углу ямы фиксировались уступы (на глубине – 1,46 м и 1,73 м от точки 0). Стенки ямы наклонные, дно не совсем ровное. В южном углу ямы отмечен прокал красного цвета (гл. -1,6 м от точки 0) мощностью 0,1 м. Еще один прокал, но не такой интенсивный (цвет более темный, с пестрыми прослойками), отмечен у западного угла ямы. На уровне материка над ямой обнаружена цепочка плит песчаника, размещенных по краям южной, западной и северной стенок ямы. Также над ямой, на глубине 0,82 м от поверхности, найден бесформенный обломок железа. Заполнение Я-23 – гумусированная супесь с большим содержанием углей, тонких прослоек золы и линз прокаленного гумуса. В засыпи встречались кости животных, фрагменты керамики, камни и т.д. В центре ямы (гл. – 1,58 м от точки 0) фиксировалась линза черного жирного гумуса (возможно, это следы сожжения каких-то органических материалов) размером 2,0х0,9 м. и мощностью 0,27 м. На глубине -1,63 м (от точки 0) и -1,66 м вдоль южной-юго-восточной стенки лежали несколько плит известняка. В северо-восточной оконечности ямы плиты лежали в несколько слоев друг на друге (гл. от -1,33 до -1,98 м). Находки в яме: развал сосуда, обломок ножа или наконечника стрелы, рог коровы, обломок железного ножа, развал гончарного сосуда, два обломка от одного песчанникового жернова.

Назначение ее не понятно. Для хозяйственной она имела слишком крупные размеры и глубину. По всей видимости, аналогичные ямы выявлены в кв. 32 (Я-16) и кв. 12–13 (Я-8). К сожалению, они также не попали полностью в пределы раскопа и вскрыты лишь частично (рис. 17).

Яма 16 (кв. 32). Имела округлую оконечность, прямые стенки, наклоненные в сторону дна. Дно ровное. Заполнение – гумусированный суглинок с линзами черного гумуса, прослойками золы, скоплениями угля и кусочками прокаленного грунта. В яме находилось несколько крупных

обломков плит песчаника (вблизи западной стенки) на уровне 1,36 и 1,55 м от точки 0. Максимальная мощность зольной прослойки – 0,08 м. В заполнении найдено множество костей животных, фрагменты керамики лепной и гончарной, рога коровы, два обломка обработанных костей животных. Рядом с краем ямы, на глубине 0,6 м., расчищен развал лепного чашевидного сосуда. Но самыми интересными находками в Я-16 являются две костяные петли от пут лошади. Обе петли одинаково аккуратно вырезаны и заполированы. Подобные петли известны среди степных кочевнических древностей, но в лесостепной зоне Приуралья найдены впервые. Вдоль западной стенки ямы зафиксирована линза смеси золы, угля и прокаленной супеси, эта смесь была ссыпана в яму (рис. 17).

Яма 18. Имела овальную форму. Стенки прямые, слегка наклонены в сторону дна, дно ровное. В гумусной супеси заполнения встречались прослойки угля, золы и кусочки прокаленной супеси. Вблизи края восточной стенки, на уровне 1,32 м от точки 0, лежало несколько крупных обломков песчаника. В засыпи обнаружены кости и зубы животных, несколько фрагментов лепной и гончарной керамики.

Несколько «хозяйственных ям» из раскопа (Я-12, Я-13, Я-18, Я-19, Я-22, Я-24) сильно напоминали крупные столбовые ямки. Все названные ямы непосредственно примыкали к сооружениям «М» (Я-18, Я-19), «Н» (Я-12, Я-13, Я-22), «О» (Я-24). В сооружениях «М» и «О» названные хозяйственные ямы находились рядом со столбовыми ямками.

В 2005 г. проведение зачистки выявило контуры 4 ям, также зафиксированы углистые выходы по матерiku. Находки в ямах №1 и 2 представлены костями животных и камнями, в ямах №3 и 4 находок не обнаружено. В кв. 7, 8, 21–23 выявлен зольник размерами 4,2х2,52 м, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток, мощность зольника составила 0,12–0,15 м. В северо-восточной части зольника, в кв. 22, был встречен прокал. В кв. 7, на глубине 0,5 м, на расстоянии 1,1 м к северо-востоку от юго-западной стенки Р-II, выявлен выход, содержащий уголь размерами от 0,17–0,14 м, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад, мощность составила 0,05 м.

Хозяйственная яма №1. Контуры ямы прослежены в кв. 14, 15, 29 и 30 на глубине 0,73–0,75 м и на расстоянии 1,06 м к северо-северо-востоку от юго-западной стенки раскопа (рис. 18). Размеры пятна 1,05–2,64 м, яма ориентирована по линии запад-восток, в юго-западной части ямы прослежен золистый слой размером 0,7х0,5 м, ориентированный по линии юго-запад – северо-восток. При выборке верхней части ямы было отмечено насыщенное заполнение обожжёнными костями животных. На глубине 0,04–0,05 м от уровня материковой поверхности в западной части ямы была выявлена ступень шириной 1,05 м. В первом слое в кв. 30, на глубине 0,76 и на расстоянии 1,6 м к юго-западу от северо-восточной стенки раскопа, в яме найден фрагмент железного ножа. На глубине 0,29–0,31 м от уровня материка прослежена углистая линза размерами 1,2х1,05 м, мощностью 0,02–0,06 м, в которой встречены фрагменты обожжённых костей. На глубине 0,3–0,36 м от уровня материка, под углистым слоем, обнаружен слой золы размерами 1,35–1,05 м, мощность которого составляла 0,06–0,08 м. Далее до дна ямы отмечено гумусное заполнение мощностью 0,07–0,28 м, которое прослеживалось по всему периметру ямы. Данный слой также был насыщен

обожженными костями. Глубина ямы №1 составила от современной поверхности 1,46 м, от уровня материка – 0,71 м.

Скопления песчаниковых плит. В ходе раскопок было отмечено, что часть зольников, очагов и хозяйственных ям были по периметру окружены песчаниковыми плитами. Но скопления песчаника в раскопе встречались и отдельно от каких-либо конструкций. Так, в кв. 3 и 13 выявлено скопление, вытянутое по линии северо-восток-юго-запад, длиной ок. 1,4 м. Здесь лежали крупные плиты, уложенные в два слоя. Небольшое скопление расчищено в кв. 19 рядом с Я-12, ориентировано по линии север-юг, длиной 0,7 м. В кв. 21, 39 также обнаружено скопление, ориентированное по линии север-юг. Здесь камни лежали на некотором удалении друг от друга (на протяжении 4 м). Подобные скопления присутствуют в кв. 22, 40 и 23, 24, возможно, они были связаны с сооружениями «О» и «И». Несколько плит песчаника лежали в кв. 10, в пределах сооружения «Г» мелкие обломки песчаника встречались практически во всех квадратах жилой части поселения. Крупные одиночные плиты также зафиксированы повсеместно. Плиты, как правило, фиксировались на уровне погребенной почвы.

2.3. Реконструкция жилищно-хозяйственного комплекса

2.3.1. Юрты

Все следы юрт однотипны. Основания жилищ слегка заглублялись, но никогда не прорезали материк. В центре юрты размещался очаг. Очаги оформлялись двумя способами – либо это простой костёр (*сооружения А, Ж, И*), либо предварительно выкапывалась округлая яма для разведения огня (*сооружение В – яма 3; сооружение Г – яма 7; сооружение З – яма 2*). Зольники и очаги в юртах иногда ограждались камнями, но почему-то лишь с южной или юго-восточной стороны (*сооружения Г, А, З*). Подобные ограждения очагов наводят на мысль, что северная и западная стороны были местом активной хозяйственной деятельности.

Таким образом, все юрты фиксировались на современной поверхности по впадинам. Впадины также были заметны на нераскопанных участках площадки террасы. Судя по их расположению, территория летовки была вытянута не столько вдоль реки, сколько вглубь поляны, в сторону от реки. Расположение юрт в раскопе позволяет предполагать упорядоченность их размещения. Впадины образуют линии, вытянутые с севера на юг, один ряд – *сооружения А и Б*, второй – *В и Ж*, третий – *И, З, Г*. Правда, возможно предположить иную ситуацию в размещении построек: один ряд – *сооружения А, Ж, З, И*; второй – *Б, В, Г*. В этом случае линии юрт оказываются расположены рядами, вытянутыми вдоль берега реки. Получается расстояние между жилищами от 2 до 6 метров.

Следует отметить, что не всё вышесказанное может считаться бесспорным. Дело в том, что территория селища использовалась как сезонное становище неоднократно. Об этом определенно позволяет говорить то, что *сооружение И (юрта)* перекрывает остатки каркасно-столбовой *постройки О*, сожженной ещё в древности. Об этом же свидетельствуют и большие размеры самого поселения, а также насыщенность культурного слоя находками и костями животных. К сожалению, при изучении планировки селища пока невозможно использовать

план расположения впадин на нераскопанной площади, поскольку раскопки показали, что впадины выделяют не только юрты, но и другие, нежилые сооружения – погреба, крупные хозяйственные ямы и т.д. Поэтому впадины на неизученной площади селища образуют бессистемные скопления. Если рассмотреть вопрос о том, что даёт нам право считать названные объекты остатками следов юрт, то наша мотивировка сводится к следующему факту: впадины отнюдь не являлись случайным явлением. Они нанесены на план ещё до начала раскопок и стали заметны после того, как была скошена трава. Впоследствии планы впадин были совмещены с планом конструкций в раскопе и получилась следующая картина: все впадины совпадали с зольниками (или с очагами) либо с хозяйственными ямами. Кроме того, вокруг впадин и в центре нет ямок от опорных столбов. Такие остатки могли оставлять только войлочные юрты, крепившиеся к земле лишь несколькими колышками, привязанными к верёвкам, перетягивающим кошмы. Помимо этого, в границах впадин встречалось очень немного хозяйственных отходов. По всей видимости, мусор удалялся регулярно за пределы жилища, а пол был застелен войлоком. Вокруг впадин встречалось большое количество костей животных и прочего бытового мусора.

2.3.2. Стационарные сооружения и хозяйственные ямы

В раскопе на территории Горновского селища, помимо следов юрт, обнаружены остатки стационарных сооружений с деревянными каркасами (*сооружения О и М*). Оба сооружения однотипны – это были квадратные строения, основу стен которых составляли 5–6 столбов, вертикально вкопанных в землю. Вход располагался с северной (северо-западной) стороны и был сделан в виде крытого столбового тамбура, пристроенного к стене. Промежутки между столбами могли заделываться глиной (в раскопе в большом количестве встречались куски глиняной обмазки) (рис. 10).

Общественные печи. На Горновском селище расчищены остатки печи-каменки овальной формы, со стенами из каменных плит и глиняным сводом (*сооружение К*). Точную форму печи определить сложно, поскольку она была разобрана ещё в древности. Но, предположительно, стены были овальной формы. Прослежено, что камни снаружи обмазаны глиной, а сверху печи был свод, каркас которого сделан из деревянных плах, обмазанных толстым слоем глины. Глина перемешана с травой и камышом. Сохранились крупные куски обмазки с отпечатками плах и следами выгоревшей растительности. Камни стен печи были выложены на глиняном растворе (плохого замеса). И на них заметны следы сильной обожжённости и копоть. Топка находилась со стороны реки. Здесь, вдоль обеих стенок, расчищены ряды столбовых ямок (№ 1–5, 5–9). По всей видимости, над топкой был сделан навес, опиравшийся на столбы.

Первоначальное предположение о том, что *сооружение К* является остатками кузнечной печи не подтвердилось, поскольку здесь не найдены орудия, шлаки, куски руды и прочие металлургические отходы.

В ходе исследований селища не удалось обнаружить прямых свидетельств кузнечного производства, хотя в раскопе найдены железные и медные шлаки, куски медистых песчаников. Вполне вероятно, что основная производственная деятельность протекала за пределами жилищ. Между юртами, помимо очагов, где готовили пищу, имелись т.н. «рабочие

площадки», на которых встречалось много находок: железных вещей, обломков керамики, изделий и заготовок из кости.

Ямы-погребя. Особую группу объектов хозяйственного назначения на Горновском селище составляют так называемые ямы-погребя. Бросается в глаза широкая распространенность подобных ям, и это несмотря на малую изученность поселенческих памятников чияликской культуры первой половины II тыс. Подобные объекты выявлены на шести памятниках региона (Горново, Кармасан, Нагаево, Игим, Ябалаклы- 1, Подымалово-1).

Ямы-погребя отличаются от хозяйственных, своими размерами и формами. Чаще всего – овальные (в плане ямы), длина которых превышает 2,5 м, ширина свыше полутора метров. Ямы-погребя достаточно сильно углублены в материк (в среднем на 1,3 м). Стенки ям наклонены в сторону дна, а само дно, как правило, ровное. В ямах, помимо обычных поселенческих находок (керамика, кости животных), встречаются угли, зола, дерево и кора, а также целые развалы сосудов. Вдоль стен встречались остатки деревянной обшивки, а в засыпи фиксировались плахи и кора, возможно от крыши. Вдоль краев некоторых ям располагались камни-опоры крыши или срубных наземных венцов стен. Кроме того, ямы находились вблизи от жилых объектов.

Хозяйственные ямы Горновского селища имели круглые или овальные формы, прямые, либо слегка наклонные стенки. Иногда края ям обкладывались камнями, а стенки и дно обшивались деревом. Последним видом строительных объектов на селище являются кострища. Они встречаются внутри жилищ и рядом с ними. Зольники, расчищенные в процессе раскопок и не входившие в состав жилищных и хозяйственных сооружений (*зольники 3, 5 и 6*), имели овальную форму и незначительные прокалы. Но встречались ямы, заполненные золой и углем (*ямы 2 и 9*), имевшие крупные размеры (1,88×1,2 м и 2,25×1–1,2 м соответственно), заглубленные (0,62 м и 0,38 м) в материк. Обе ямы имели овальную форму и были обложены песчаниковыми плитами. По всей видимости, это очаги, на которых готовили пищу. Среди золы встречались кальцинированные кости животных, а в яме №9 был найден череп жеребенка. Как известно, в летнее время кочевники готовили пищу на очагах рядом с юртой.

Столбовые ямки. Практически все столбовые ямы образуют скопления и входят в пределы сооружений: «М» – ямки № 40–47; «К» – ямки № 1–9; «З» – ямки № 20–25; «О» – ямки № 10–19 и 27–39 (рис. 14, таблица 4; 11). Обнаружена лишь одна одиночная столбовая ямка № 26 в кв.7. Здесь она находилась рядом с ямой 3 в пределах сооружения «В». Диаметры ямок варьируются в пределах от 0,15 до 0,3 м при глубине от 0,15 до 0,3 м. Ямы имели конусовидные профили, что позволяет говорить о том, что столбы перед вкапыванием заострялись и обжигались (об этом свидетельствуют кусочки угля в засыпи). Заполнение ям состояло из гумуса, гумусированной супеси, угольков. Иногда в ямки попадала зола из культурного слоя. Наиболее крупные ямки составляли стены каркасного жилища в кв. 22–24, 40 (сооружение «О»). Здесь их диаметр в среднем составлял 0,25 м и глубина 0,25 м. Западнее, в других участках раскопа ямки, как правило, имели меньшей диаметр и глубину.

Таким образом, помимо многочисленных вещей XIII–XIV вв. в раскопе на селище обнаружены следы переносных жилищ (юрт), очагов и т.д. Памятник однослойный, поэтому все выявленные объекты и находки

составляют единый комплекс. Всего в раскопе обнаружено семь небольших котлованов от юрт (*сооружения А–Г, Ж–И*) (рис. 10, 10а). Первоначально на поверхности были отмечены небольшие округлые впадины диаметром 3–5 м. В процессе раскопок под центром впадин зафиксированы зольники. Горновское и Ябалаклинское-1 селища на сегодняшний день единственные памятники чияликской культуры в Предуралье, на которых отмечены следы юрт.

Ввиду того, что селище являлось крупным летником (яйлау), площадка памятника посещалась ежегодно в сезон весенне-осеннего выпаса скота. Это подтверждается тем, что основная масса жилищ селища – переносные юрты, а не стационарные постройки, как на зимниках. В исследованных жилищах выявлены костры и очаги. В.М. Морозов справедливо отмечал, что на летниках концентрация очагов и находок приходится на межжилищное пространство (Морозов, 1995, с. 130).

2.4. Этнографические параллели

Рассмотрение археологических объектов Горновского селища невозможно без использования этнографических аналогий. Уместнее всего в этом контексте привлечение данных о башкирском населении, осваивавшем схожие экологические ниши в рамках близких хозяйственно-экономических моделей. Для понимания назначения и конструктивных особенностей различных сооружений, выявленных на памятнике, первостепенное значение имеют материалы по домостроительным традициям башкир. Необходимые нам описания можно обнаружить в работах П.С. Палласа, И.И. Лепёхина, С.И. Руденко, С.Н. Шитовой и других авторов.

Прежде всего, этнографические материалы свидетельствуют о наличии у башкир временных стойбищ, на которых в определённое время (период сенокосов и т.д.) собирались представители нескольких кочевых групп. Кроме того, наиболее удобные места кочевков в течение ряда лет оставались традиционными. Периодически из года в год посещение одних и тех же стойбищ приводило к появлению довольно мощного культурного слоя. Р.Г. Кузеев отмечал, что «...кочевники стремились хоронить умерших поблизости от зимних пастбищ, которые ассоциировались у них с понятием «родина» (Кузеев, 1968, с. 272). По всей видимости, то же самое можно сказать и о крупных летних стойбищах. Возле Горновского селища расположен одновременный ему могильник, раскопки позволили вскрыть здесь 33 захоронения. Это может служить дополнительным аргументом в пользу утверждения о длительном использовании территории летника, а также о значительной численности его жителей.

С.Н. Шитова отмечала, что кочевые группы, как правило, размещались на летовках «в долине одной реки, на расстоянии видимости, в 1–2 км друг от друга» (Шитова, 1984, с. 65). Та же картина фиксируется на материалах XIV в. Вниз по течению р. Дёмы, в 3 км от Горновского селища выявлен Караякуповский могильник (XIV в.); выше в 4 км по течению у д. Кучумово расположено синхронное Кучумовское 3 селище. Между этими памятниками И.М. Акбулатовым и Е.В. Руслановым было обнаружено несколько местонахождений болгарской гончарной керамики, а также следов соседних кочевков-летников XIII–XIV вв.

Как отмечалось выше, в раскопе на территории селища обнаружены следы юрт, каркасно-столбовые постройки, предположительно с турлучными стенами, очаги и хозяйственные ямы. Опираясь на материалы башкирской этнографии, можно сделать несколько предположений. Башкирские юрты, установленные в ряд на берегах, поворачивали входом в сторону от реки (Шитова, 1984, с. 69). На Горновском селище юрты, скорее всего, имели входы с северо-восточной или северной стороны. Понятно, что это не более чем предположение. Да и у башкир, в зависимости от рельефа местности и погодных особенностей, ориентировка входов юрт могла варьироваться (Руденко, 1955, с. 217).

Но если вспомнить факт ограждения очагов в юртах лишь с южной и юго-восточной стороны, то напрашивается вывод о том, что входы в жилища размещались с севера. Пищу готовили со стороны, ближней к входу, так легче было выносить мусор и при необходимости быстро выходить наружу. В башкирских юртах почетное место отводилось напротив входа, за очагом. В нашем случае это была южная часть юрты. Именно с этой стороны очаги имели ограды из камней. С.Н. Шитова отмечает традицию юго-восточного Зауралья Башкортостана обкладывать очаг камнями в форме несомкнутого кольца. На это каменное основание опирался котел (Шитова, 1984, с. 135; Янбухтина, 1993, с. 41). Правая от входа сторона башкирского аласыка считалась женской, здесь хранилась посуда, продукты и прочие припасы. В «горновских» юртах кострища были открыты со стороны входа и с условной «женской» (правой) половины. Если учесть, что часть впадин отмечают не жилые, а хозяйственные постройки, можно убедиться в справедливости этнографических материалов, говорящих об объединении 5–10 семей на башкирской летовке в XVII–XIX вв. Иных строительных элементов юрт, кроме очагов и котлованов, не отмечено (если не считать столбовой ямы в сооружении В). Назначение этой ямки возле очага становится ясным, если вспомнить способ подвешивания котлов над очагом, применяемый тувинцами. В центре жилища устанавливали длинную жердь, к верхнему концу которой привязывали волосяной аркан. К нему прикрепляли цепь, а к ней котел. По всей видимости, подобный способ подвешивания котлов использовался приуральскими кочевниками (Вайнштейн, 1991, с. 19, рис. 11).

Ясно, что фиксация следов переносных войлочных юрт явление по меньшей мере редкое. Наличие юрт отмечено в Поволжье, на золотоордынских городищах. Так, в Новом Сарае расчищены основания диаметром 2,7, 3,1 и 4 м, с простыми кострищами в центре. По периметру юрты обложены обломками обожженного кирпича (Егоров, 1970, с. 179–180; Федоров-Давыдов и др., 1970, с. 127–128; Зиливинская, 2011, с. 141–155). Аналогичные следы выявлены на Селитренном городище. Диаметры здесь составляли около 4 м, а кирпичи и их обломки, лежавшие по контуру жилища, скреплены глиняным раствором (Зиливинская, 1994. С. 118; Болдырева и др., 2020, с. 211–229). Полы в юртах Царевского городища частично вымощены жжеными кирпичами, тогда как на Селитренном пол был земляным. Г.А. Федоров-Давыдов отмечал, что подобные жилища открыты в Азаке, Нижнем-Джulate, и других городищах (Федоров-Давыдов, 1994, с. 59). Подобные аналогии дают понять, что в степи и лесостепи в XIII–XIV вв. переносные жилища по размерам и форме очень схожи. Площади Горновских юрт укладываются в пределы от 7,07 и до 19,63 кв. м.

Опираясь на полевые и архивные материалы С.Н. Шитова считает, что войлочные юрты, будучи основным летним жилищем башкир в XVIII – нач. XX вв., тем не менее не были единственными жилыми и хозяйственными постройками (Шитова, 1984, с. 64). Она отмечает, что «...летовка была поселением сложной организации, где кроме жилищ, находились хозяйственные сооружения: печи, навесы, помещения для продовольственных припасов, упряжи и пр.» (Шитова, 1984, с. 68–69). Этот тезис полностью подтверждается материалами XIV в. с территории Горновского селища. И ещё один момент: башкиры ориентировали жилища в сторону от реки (юрты). Постройка на Горновском селище развёрнута также от реки – в глубь поляны (к центру селища).

Объяснение назначения печи обнаружилось среди этнографических материалов башкир. Можно привести в пример описание С.Н. Шитовой общественных летних печей для выпечки лепёшек и хлебов – реликта кочевой жизни башкир: «в прилесных районах сооружали (над печью) навес на столбах. В отрогах гор для корпуса печей использовали камень-плитняк, обмазывая его глиной и основание очага слегка углубляя в землю. У задней стены печи имелся вертикальный отвод, обеспечивающий тягу. После протопки печи, это отверстие, как устье, закрывали железной заслонкой или каменными плитами. Сохранению хлебных печей способствовали традиции, связанные с приготовлением крупяных и мучных кушаний в золе на полу разогретого очага или на его раскаленных стенках» (Шитова, 1984, с. 181–182). В XIX в. башкиры совмещали печь хлебную с котлом для приготовления пищи. Имела ли место быть подобная ситуация на Горновском селище? Определённо ответить сложно, здесь необходимо отметить мнение К.А. Руденко о том, что чугунные котлы на болгарских селищах XIII–XIV вв. вмазывались в печь или очаг с помощью горизонтальных ручек (Руденко, 1995, с. 38; Руденко, 2001). На Горновском селище найдены обломки нескольких котлов, в том числе с крупными горизонтальными ручками. Обломки одного котла обнаружены рядом с печью.

Некоторые каркасно-столбовые постройки можно интерпретировать как «аласыки» (балаганы). В дёмском бассейне круглые аласыки сооружались из длинных жердей, образующих стены; на уровне 1,3 м надламывались и пригибались к центральному столбу. Вершины их связывались. Подобные сооружения, но без центральной опоры, встречал в горах у истоков р. Белой среди башкир-катайцев С.И. Руденко. Снаружи аласык покрывается большими кусками бересты, поверх которых над каждой жердью накладываются легкие и длинные жердочки; последние сквозь отверстия, проделанные в бересте, связываются лыком с жердями остова, благодаря чему получается прочное сооружение. Между двумя жердями цилиндрической части аласык оставляется отверстие, закрывающееся дверью, сделанной также из кусков бересты, укрепленной на легкой раме. При перекочевках береста перевозится, а остов остается на месте (Юсупов и др., 2010, с. 50–51). Исследователи отмечают, что: «аласык ставили на каждой летовке, но в недалеком прошлом он являлся также обязательной принадлежностью почти каждой усадьбы в постоянном ауле» (Шитова, 1984, с. 65; Хасанова, 2017, с. 127–136).

Материалы селища говорят о том, что уже в XIV в. юрты и прямоугольные аласыки сосуществуют. Видимо, в условиях лесостепи юрта никогда не была единственным жилищем, в зимнее время ей сопутствовали

стационарные постройки на зимниках. Вертикальность стен подтверждается формой каркасно-столбовой постройки Горновского селища. Крыша, вероятно, покрывалась, как правило, дерном, берестой или лубом.

Итак, в районе р. Дёмы башкиры кочевали ещё в конце XIX в., лишь позднее стали жить оседло. Каркасно-столбовые избы со стенами из плетня в Предуралье были особенно характерны для бассейнов рек Дёмы, Уршака и Ашкадара и ставились они на летовках вместе с юртами. Подобные жилища имели каркас стен из вертикально вкопанных брёвен, на которых покоилась балка потолка и крыши. Изредка встречались жилища со стенами из коры (кабык аласык), но они были характерны для более восточных районов Приуралья. Крыша имела уплощенную форму, реже – двускатную и крылась жердями, корой, соломой. Пол, как правило, был земляной (*Шитова*, 1984, с. 98–101, 140–143, 147). Помимо жилых аласыков башкиры строили хозяйственные постройки с каркасными стенами (летние кухни, амбары и т.д.) (*Кузеев*, 1968, с. 272; *Хасанова*, 2017, с. 127–136), что, кроме этнографических данных, подтверждается археологическими наблюдениями на башкирских аулах XVIII–XIX вв. (*Древности...*, 2018, с. 76–78; *Савельев и др.*, 2020а, с. 843–865; *Савельев и др.*, 2020б, с. 141–154; *Савельев и др.*, 2023, с. 300–319; *Русланов и др.*, 2025).

Таким образом, в качестве ценного источника для реконструкции хозяйственно-культурного типа вымершей (археологизированной) чияликской культуры рассматриваются данные о материальной культуре башкир XVIII–XIX вв. По сравнению с изначально «немыми» и статичными археологическими материалами их этнографические аналоги обычно обладают сопроводительными сведениями о месте создания и функционирования изделий, построек, иных сооружений в производственно-хозяйственной и культурной жизни «живых» этнографических башкир.

ГЛАВА III. Вещевой комплекс

Всего за два сезона раскопок обнаружено 8664 ед. находок (1994 г. – 7595 и 2005 г. – 1069 находок). Из них: кости животных – 7407 шт. (1994 г. – 6533 шт., 2005 г. – 874 шт.), зубы и челюсти животных – 111 шт., камни – 494 шт., раковины моллюсков – 14 шт., куски глиняной обмазки – 23 шт., керамика лепная без орнамента – 124 шт. (1994 г. – 123 шт.; 2005 г. – 1 шт.), керамика лепная с орнаментом (и венчики) – 35 шт. (1994 г. – 31 шт.; 2005 г. – 4 шт.), круговая посуда без орнамента – 345 шт. (1994 г. – 297 шт.; 2005 г. – 48) орнаментированная круговая посуда – 70 шт. (1994 г. – 45 шт.; 2005 г. – 25 шт.); днища круговых сосудов – 16 шт. (1994 г. – 11 шт.; 2005 г. – 5 шт.). Основная масса находок встречалась в восточной части раскопа – жилой части селища. Самую большую насыщенность массовым материалом дали 2 и 3 штыки, а по количеству индивидуальных находок 3 и 5 штыки. Больше всего встречалось костей животных, челюстей и зубов. Судя по костям, жители Горновского селища разводили, в основном, лошадей, коров и овец (Русланов, Кисагулов, 2025, с. 118-129).

3.1. Керамика

Лепная посуда, достаточно однотипная, представлена горшковидными, круглодонными сосудами с округлым туловом, цилиндрическим венчиком. Цвет керамики светло-коричневый или серо-черный, обжиг неровный – костровой. Большая часть фрагментов имела примесь мелкого песка или шамота в глиняном тесте, значительно реже встречаются примеси толченой раковины. Орнамент наносился на горловину и верхнюю часть тулова (рис. 19, 1, 3–12; 20, 1, 3, 5, 7, 8; 43, 1–10; 46, 1–8). Такая двучастность размещения орнамента была довлеющей. Изредка украшался верхний срез венчика. Венчик орнаментировался поясками из оттисков шнура, реже – зубчатыми штампами, однорядными или многорядными, а также елочками или зигзагами. Один из фрагментов венчика на границе перехода горла в тулово имеет орнамент из ряда круглых вдавлений – жемчужин. Пояски заканчивались на месте перехода горловины в тулово. Ниже размещалась группа элементов орнамента из оттисков зубчатого штампа или шнура, образующего елочки, косо поставленные линии, зигзаги и т.д. или просто линии из оттисков зубчатого штампа. Изредка среди лепной посуды встречаются горшковидные, круглодонные горшки без орнамента. У некоторых сосудов в верхней части тулова вылеплены небольшие выступы – шишечки, имитирующие ручки. На отдельных лепных сосудах заметны следы правки на станке, но очень грубого вида. Среди фрагментов чияликской керамики встречены фрагменты неорнаментированных стенок, что может быть объяснено зональностью расположения орнамента на чияликской посуде.

В 1994 г. в кв. 32 на 3 шт. и в кв. 38 в яме 23 найдены развалы баночных сосудов с плоским дном, без орнамента (рис. 25, 1, 2; 42, 14; 43, 17). Сосуды лепные, заглажены грубо, но слегка подправлены на гончарном станке. Примеси – мелкий песок, толченая раковина, шамот. Вся лепная керамика образует единый культурный комплекс. Гребенчато-шнуровая керамика, аналогичная посуде Горновского селища, относится к чияликской культуре и

встречается на памятниках XII–XIV вв. в лесостепной зоне Южного Урала – в Башкортостане и восточных районах Татарстана. Среди чияликской посуды, помимо шнуровой керамики, встречаются горшки без орнамента (рис. 20, 2, 4, 6, 9).

Круговая посуда численно превосходит лепную (рис. 21; 22; 23, 1, 3, 4, 5, 7; 41, 1–4, 6, 7; 42, 3, 7, 8, 9, 12, 13, 15–21; 45; 47–53). Эта керамика в целом однотипна – сосуды имеют красно-коричневый (реже – черный) цвет, печной, ровный обжиг, примесь сеяного песка в глиняном тесте. Эта керамика, несомненно, не местная, она изготовлялась ремесленниками Волжской Булгарии. Сосуды имели различные размеры: от очень крупных до небольших кувшинчиков. На поверхности гончарных сосудов заметны полосы от заглаживания на станке. Сосуды украшались резными поясками, полосами или волной. Кувшинчики имели вытянутые цилиндрические горловины, утолщения по краю венчика. По бокам кувшинов прикреплялись лепные ручки. Круговая посуда была плоскодонной, встречаются сливы на венчиках. На внутренних стенках и днищах имеются такие же полосы заглаживания, как и на внешних сторонах. Отдельные сосуды горшковидных форм имеют выделенный переход от цилиндрического венчика к тулову. Диаметр венчиков гончарной посуды 7,2–12,2 см. Круговая посуда с селища дошла до нас во фрагментированном и зачастую разрозненном виде без возможности проведения реконструкций сосудов. Тем не менее нужно отметить, что ассортимент посуды состоял из горшков. Остальная часть круговой керамики представлена тарными типами – это хумы и корчаги. На Горновском селище найдены немногочисленные фрагменты лощеной керамики с нанесенными еще по подсушенной основе небрежными вертикальными полосами шириной 2–6 мм (рис. 41, 4; 42, 21; 47, 8, 10; 52, 1; 51, 5). Исследователи отмечают использование булгарскими мастерами лощения как особого способа обработки поверхности изделий. Прием сетчатого лощения получает широкое распространение в конце XIV – начале XV в. (Васильева, 1993, с. 114; Кокорина, 2002, с. 50, 115). Ближайшей аналогией штрихованной и тарной керамики с Горновского селища можно считать посуду Брик-Алгинского местонахождения, по мнению Г.Н. Гарустовича датируемую второй половиной – концом XIV в. (Гарустович, 2012б, с. 96–98, рис. 21–23). Ввиду того, что на Брик-Алге удалось установить и реконструировать форму сосудов, авторы раскопок пришли к мнению, что вся она произведена в г. Болгар, о чем говорит орнамент, цвет, форма корчаг и плоскоовальных ручек, а также цилиндрические горловины (Хлебникова, 1988, рис. 57).

Помимо красноглиняной круговой посуды в раскопе обнаружено три фрагмента с поливой. Первый фрагмент найден в кв. 13 шт. 3, здесь, на голубом фоне, видны полосы черного цвета. Второй фрагмент найден в кв. 40 шт. 4. Здесь, на желтом фоне, заметны полосы темно-коричневого цвета, оба они происходят с участка 1994 г. (рис. 21, 4; 40, 4). В 2005 г. в кв. 17, на глубине 0,91 м. найден фрагмент размерами 3,8х3,7 см и толщиной 0,6 см (рис. 40, 4). Первый, по классификации В.Ю. Коваля, относится к типу кашинной керамики с черной подглазурной росписью подгруппы Б, группы 9, серии 3, класса полуфаянсов. Этот тип керамики получил широкое распространение в населенных пунктах золотоордынского Поволжья в конце XIII–XIV вв. Второй фрагмент, судя по профилю, скорее всего является венчиком гюльабдана – сосуда для розовой воды, предназначавшегося для

ополаскивания рук во время трапезы. Он относится к виду 2, типу 2 (люстровые полуфаянсы с темно-синей глазурью), подгруппы В, группы 1, серии 2, класса полуфаянсов. По мнению В.Ю. Коваля, вероятно произведенный в Иране, который может относиться к концу XIII – первой половине XIV вв. (Коваль, 2010, с. 58; Тузбеков, Камалеев, 2021, с. 126–139; Русланов, 2024а, с. 195–205).

Особое место среди привозной посуды занимают находки лепных котлов с фигурными рукоятками. В кв. 14 в 1994 г. найден обломок такого котла, диаметр тулова 26 см, ручка которого украшена оттисками зубчатого штампа. В квадрате 19 найдена ручка еще одного подобного котла (рис. 24).

Опираясь на имеющиеся данные, эту посуду можно сопоставить с XVIII этнокультурной группой болгарской керамики по разработанной Н.А. Кокориной типологии (Кокорина, 1994, с. 185–213). Схожие котлы отнесены исследователем к типу 1, характеризующемуся глубоким раздутым посередине туловом, низкой горловиной, двумя «горбатыми» ручками с подтреугольной площадкой сверху, в отделке отпечатки гребенки (Кокорина, 2002, с. 97–100, рис. 54, 3). Происхождение этой группы посуды Т.А. Хлебникова связывает с финно-угорскими родановскими памятниками Камско-Вятского междуречья X–XIV вв. (Хлебникова, 1988, с. 36–38). По мнению И.Н. Васильевой, керамика XVIII группы появилась в результате смешения культурных традиций нескольких групп населения, вероятно с прикамскими керамическими традициями (Васильева, 1993, с. 134, рис. 5).

Ближние аналогии «горновской» керамике XVIII группы встречены в материалах селищ Песчаный Остров и Лаишевское (Руденко, 1998, с. 60–71, рис. 11, 9; 17, 3); памятники песчаноостровного типа датируются концом XIII – первой четверти XIV вв. (Руденко, 2022, с. 175–180; Руденко, 2024, с. 145–157), Меллятамакского VI селища, существовавшего в пределах XIII–XIV вв. (Казаков и др., 2016, с. 219–243, рис. 7, 19).

3.2. Металлический инвентарь

Железные ножи (15 экз.). Ножи как универсальное хозяйственное орудие составляют самую многочисленную категорию находок. Ножи с Горновского селища, в большинстве своем, близки по формам, но сильно различаются размерами. В раскопе найдены железные ножи. Все они черешковые, однолезвийные, с прямой или слегка изогнутой спинкой. Ножи различаются размерами: встречаются крупные, но чаще попадались мелкие экземпляры (как правило с сильно сточенным лезвием – рабочие ножи). В основе нашей классификации лежат типологические разработки в различиях форм и функциональном назначении ножей, применяемые Р.Ф. Шарифуллиным при рассмотрении болгарских древностей (Культура Биляра..., с. 56 и др.).

Универсально-бытовые ножи объединены в *группу А* (8 экз.), которая представлена предметами с клиновидным лезвием, прямой спинкой, прямым черешком прямоугольной или приостренной формы.

Тип А-1 (2 экз.). У ножей этого типа прямая спинка, заканчивающаяся скосом у самого кончика. Лезвие прямое, но также имеет изгиб у кончика. Черешок отделен от лезвия посредством уступов с двух сторон (рис. 28, 1; 30, 2).

Тип А-2 (3 экз.) близко напоминает предыдущий тип с той лишь разницей, что спинка ножа полностью прямая, без изгиба. Большая часть этих ножей происходит с территории северо-востока Башкирии (Гумеровское городище, Юнусовское селище) (Лебедев, 1995, с. 122–135). На Горновском селище найден экземпляр этого типа с железной обоймой – фиксатором на месте перехода лезвия к рукояти (рис. 31, 2, 5; 33, 4; 44, 3).

Тип А-3 (3 экз.) объединяет ножи крупных размеров. Лезвие у них клиновидное в сечении. Спинки прямые. Черешки отделены от лезвия двусторонними уступами-плечиками. Главной отличительной чертой ножей этого типа являются длинные черешки прямоугольного или приостренного вида (рис. 26, 5; 30, 4; 33, 5).

Данный тип ножей важен тем, что он может маркировать поздние памятники (XIV–XV вв.). В лесостепном Предуралье они появляются в XIV в. (Виловатовский могильник, Юнусовское селище), бытуют в начале XV в. (Нижегородское поселение). На территории Удмуртии в начале второй половины II тыс. они становятся обычным явлением (Ципкинский, Малиновский, Назь-Ворцы, и др.) (Семенов, 1987, с. 96, рис. 4; Шапран, 1988, с. 65, рис. 5; Иванова, 1991, с. 115–118). Встречаются они в Зауралье (Иртышское городище, Аятский могильник) (Берс, 1958, с. 16; Викторова, 1962б, рис. 63, 6).

Специальные ножи, служившие для обработки кожи, кости и как столярный инструмент, сведены в *группу Б* (7 экз.).

Тип Б-1 (3 экз.) имеет черешок, отделенный двусторонними уступами от слабо изогнутой спинки. Лезвие также слегка вогнуто (рис. 31, 1, 3; 39, 1).

Тип Б-2 (1 экз.) имеет прямую, слегка изогнутую спинку, черешок с двухсторонними уступами. Характерной чертой этого типа является черешок, расположенный под углом к лезвию (рис. 39, 2). Встречаются они в Зауралье (Мысовский мог.) на жертвенном месте Чумойтло и других местах (Викторова, 1962б, рис. 58, 8; Голдина, 1987, рис. 6).

Тип Б-3 (3 экз.) представлен ножами с черешком, отделенным от лезвия с горбатой спинкой одним или двумя черешками. Лезвие вогнутое. Черешок часто расположен под тупым углом к лезвию (рис. 31, 4; 34, 2; 39, 3).

Особенностью Горновского селища является нахождение в культурном слое всех видов ножей категорий А и Б, что говорит о многообразии и комплексности хозяйственно-бытовой стороны жизни населения, оставившего памятник. Кроме ножей найдено три небольших оселка из сланцевых плиточек и песчаника (рис. 32, 2, 8; 42, 5, 6).

Свечец. На селище найден железный однолучинный свечец с раздвоенными концами (рис. 34, 4). Кончики зажимных пластин закруглены. Лучина вставлялась между этими пластинами. На основе новгородских материалов Б.А. Колчин разделил свечцы по форме на несколько типов. По количеству держателей и вставляемых в них лучин выстроена хронологическая эволюция свечцов (Колчин, 1959, с. 100). А.Н. Лобанов несколько расширил временные рамки бытования отдельных типов (Лобанов, 1989, с. 82). Свечцы в средневековой Руси довольно часто находят при раскопках русских городов в слоях XIII–XVIII вв. По типологии Б.А. Колчина, свечец с Горновского селища относится к первому типу – «однолучинному». Это самый простой и самый древний тип подобных

изделий. В Пскове и Новгороде верхней границей их бытования считается XV в.

Замок и ключи. На Горновском селище найден обломок выдвижной дужки замка с расширением – крылышком со стороны корпуса с пружиной. К сожалению, сам корпус цилиндрического замка не найден (рис. 26, 8, *прорисовка*; 44, 2, *фото*). Замки этого типа в Болгарах (*Савченкова*, 1996, с. 40–42) отнесены к типу А 1. На Руси подобные замки датируются второй пол. XII – нач. XV вв. (*Колчин*, 1958, с. 92–111), но в Волжской Булгарии пик их массового использования приходится на XIII–XIV вв. (*Руденко*, 2007, с. 163, рис. 52). Помимо замков на Горновском селище встречены железные ключи (4 экз.) (рис. 26, 7; 31, 8; 33, 3; 35, 6; 44, 4), которые имеют «Г-образную» форму и заканчиваются ушком для подвешивания. К сожалению, все они дошли до нас в обломках. Ключи напоминают тип В и VI среди аналогичных новгородских древностей, датировка их синхронна замку (*Колчин*, 1958, с. 92–111, рис. 3; *Хорошев*, 1997, с. 14–17). Известны они на болгарских сельских поселениях XII–XIII вв. (I Измерское и I Семеновские селища) (*Казаков*, 1991, с. 74, рис. 29, 12–15, 19, 20), а также на памятниках Западного Закамья конца XIII – второй пол. XIV вв. (*Руденко*, 1998, рис. 9, 16, 17), в Предуралье на Подымаловском (*Прибельская равнина...*, 2024, с. 57), Ябалаклинском 3 (*Хурмаев*, 2025), Азнаевском селищах.

Изделия из бронзы представлены четырьмя предметами: бронзовой пряжкой, двумя фрагментами бронзовых изделий и височным кольцом. В кв. 8, на глубине 0,62 м от уровня современной поверхности раскопа, на расстоянии 1,82 м к северо-востоку от юго-западной стенки, в выходе зольника обнаружен фрагмент бронзовой пряжки размерами 3,8×4 см. В кв. 4, на глубине 0,94 м, на расстоянии 0,14 м к северо-востоку от юго-западной стенки обнаружен фрагмент бронзового изделия размером 4,8×2,6 см, представляющий из себя свёрнутую в несколько раз бронзовую пластину, внутри которой сохранились остатки кожи. В кв. 19, на глубине 0,94 м, на расстоянии 2,06 м к северо-востоку от юго-западной стенки обнаружен фрагмент изделия из бронзы, представленный бронзовой пластиной 3,2×2,1 см (рис. 30, 5, 6, 9; 34, 1; 36, 1–3).

Бронзовое височное кольцо найдено в кв. 31, изготовлено из круглой проволоки, концы склепаны бронзовой заклепкой, размеры: 3,5×4,5 см (рис. 28, 2). Близкое по форме изделие, интерпретированное авторами как кольцевидная подвеска из склепанного медного прутка, происходит с уч. Г9 Меллятамакского VI селища (*Казаков и др.*, 2016, с. 233, рис. 9, 10).

Серпы. Всего найдено два целых экземпляра с выделенной рукоятью (черешком). Орудия имеют прямоугольный в сечении черешок и острие в форме клюва (рис. 27, 4, 5; 44, 5). Близкие по форме изделий известны в Брик-Алгинском, Нижнехозятовском, Большеабишевском, Казангуловском вещевых кладках золотоордынского времени, в слоях Чертового и Турналинского городищ (*Гарустович*, 2012б, с. 102, 103, рис. 12, 2; 29, 6–8; 37, 8, 9; *Гарустович и др.*, 2018, с. 32–42, рис. 2, 1; 4, 1–5), а также широко представлены в слоях синхронных сельских поселениях Древней Руси (*Завьялов и др.*, 2024, с. 50, рис. 22).

На селище не найдено костей рыб, но о рыболовстве можно судить на основании находок железных остроги и крючка. Оба предмета очень крупные, видимо они рассчитаны на сомов или крупных щук.

Острога. В кв. 31 найдена цельнокованая трезубая железная острога (рис. 27, 1). Общая длина изделия 25 см, длина зубьев 16 см. Массивные трезубые остроги встречены в Новгороде в слоях XIII–XV вв. Данный вид орудий предназначен для ловли больших рыб. Длина трезубых острог XIII в. равна 295 мм, а острог XIV в. – 245 мм. Горновская острога по размерным показателям близка изделиям XIV в. (Колчин, 1959, с. 77–78). Отдельные зубья, которые могли использоваться для изготовления двух и трезубых острог, в массе встречены при раскопках Брик-Алгинского местонахождения (Гарустович и др., 2005, с. 115, 138, рис. 25, 8–15, 18, 19; 48, 935, 936, 949–951).

Крючок. Обнаружен в кв. 9 на глубине 0,59 м, на расстоянии 0,94 м к северо-востоку от юго-западной стенки, размер 6,9×0,7 см, в сечении крючок подтрапециевидной формы (рис. 33, 6, прорисовка; 44, 1, фото). Схожие изделия происходят с Подымаловского селища (Прибельская равнина..., 2024, с. 59), Брик-Алгинского местонахождения (Гарустович и др., 2005, с. 115, рис. 25, 1–7, 16, 18).

К отходам металлургического производства относятся 11 кусков железного шлака размером 1,9–5×2–2,2 см (кв. 2/0,17²; кв. 4/0,63; кв. 19/0,58; кв. 18/0,91, выявлено 2 куска; кв. 16/0,74; кв. 16/0,76; кв. 5/0,93 найдено 2 куска; кв. 5/0,9).

Чугунные котлы. Среди обломков чугунных котлов имеются три фрагмента, по которым восстанавливаются диаметры горловины – 24, 41–44 и 48 см, толщина стенок 1,3–1,5 см (рис. 29, 1, прорисовка, реконструкция; 44, 6, фото; 32, 6, 7; 38). Котел меньшего диаметра имеет специальную закраину для крышки, а у большего котла имеется ручка. Чугунным котлам золотоордынского времени посвящено несколько определяющих исследований (Рязанов, 1997; Руденко, 2000; Постикэ, Бакуменко-Пырнэу, 2020, с. 181–200). В своей работе мы обратимся к классификации С.В. Рязанова, базирующейся на материалах предуральских чияликских памятников. Опираясь на выделенными классами, С.В. Рязанов отнес фрагменты котлов с Горновского селища к типам *B2C2*, *B4C1*, *B4C2*. Котлы открытой формы *B2C2* характеризуются венчиками с утолщенным краем или треугольным выступом внутри, профиль стенок усложнен. Такие котлы имеют выделенную верхнюю часть. В месте перехода стенки в придонную часть имеется резкий перегиб профиля, образующий угол. Котлы закрытых форм *B4C1*, *B4C2* имеют усложненный венчик и увеличенную толщину стенок. Котлы этих типов самые сложные в технологическом отношении и стоят на втором месте после котлов *B1* и *B2* по степени распространённости (Рязанов, 1997, с. 29–31, 49, табл. V). Чугунные котлы широко представлены в материалах поселенческих памятников золотоордынского времени. Близкие по форме венчиков и профиля стенок сосуды встречены в раскопе СХСIV Болгара на участке, функционировавшим в 1340–1360-е гг. (Лопан, 2024, с. 404–411) в слоях второй половины XIV – нач. XV вв. селищ Коминтерновское III, остров Восточный (Руденко, 2020, с. 198–213; Руденко, Казаков, 2022, с. 101–112), Джукетау в комплексе открытого характера вместе с монетами 1317/18, 1340/41, 1360/61 гг. (Набиуллин и др., 2017, с. 236–254), в материалах Саловского I и Никольского селищ, существовавших, как показывают нумизматические данные, с рубежа XIII–XIV вв. до 1363–1364 гг.

² кв. 2/0,17 – квадрат 2/глубина 0,17 м

(Винничек В., Винничек К., 2023, с. 52; Винничек В., Винничек К., 2024а, с. 61–67; Винничек В., Винничек К., 2024б, с. 16, 93, фото 6, рис. 4, 4, 5; 24), в комплексах Укека, Хмелевского I селища (в яме 5 первой половины XIV в.) (Недашковский, 2000, с. 85, рис. 20; Недашковский и др., 2024, с. 14, рис. 10, 1, 2).

Резюмируя краткий обзор находок из датированных комплексов отметим, что котлы, аналогичные встреченным на Горновском селище, появляются не ранее первых десятилетий XIV в.; наибольший же расцвет этот тип бытовой посуды получил в конце первой – второй половине столетия, как вероятно, и на всей территории Золотой Орды (Белорыбкин и др., 2024, с. 64–65).

Двусоставные удила с крупными кольцами (рис. 28, 6) относятся к Типу Г II по Г.А. Федорову-Давыдову (Федоров-Давыдов, 1966, с. 11–20), к типу IV по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1973, с. 16, 17, рис. 4, IV). Грызло и кольца изготавливались из круглого или квадратного в сечении прута. Подобные удила встречаются на памятниках XIV в. по всему региону. Аналогии удилам данного типа происходят с городищ и селищ Волжской Булгарии X–XIII вв. и памятников Южного Урала XII – нач. XIII вв. (Иванов, Кригер, 1988, рис. 16, 1, 2; Казаков, 1991, с. 103, рис. 36, 21, 22; Руденко, 2000, с. 54, рис. 14, 21).

Наконечник стрелы. В кв. 20, на глубине 0,64 м и на расстоянии 2,06 м к северо-востоку от юго-западной стенки обнаружен фрагмент железного черешкового наконечника стрелы (рис. 37, 3). Длину и ширину пера установить не удалось вследствие плохой сохранности стрелы (в сечении 0,3 см, общая длина наконечника 5,6 см). Наконечник относится к типу Руденко-А27. Аналогичные экземпляры, найденные в слоях селищ V Семеновское, Песчаный остров, датируются в пределах XIII–XIV вв., преимущественно XIV в. (Руденко, 2003, с. 83).

Тесло-мотыжка с Горновского селища найдена в кв. 28 (рис. 33, 9). Близкое по форме изделие происходит из чияликского погребения 1 могильника Кордон Миассово 1, с которого по C¹⁴: Le-10990: 660 ± 70 BP, 1σ: 1270–1330, 1340–1400 AD, 2σ: 1220–1420 AD (δ13 C – 18,6%, δ15 N – 13,1%) получена дата во временном интервале со второй четверти XIII по нач. XV вв. (Шорин и др., 2019, с. 63–70).

3.3. Изделия из глины, кости и стекла

Пряслица. К предметам, напрямую свидетельствующим о существовании домашних промыслов, относятся пряслица (рис. 30, 3; 32, 9; 34, 6; 40, 2; 42, 1). Традиционно ими называются грузики, служившие как утяжелители веретен. На селище найдены два изделия: одно биконическое из глины, другое сделано из фрагмента стенки кругового сосуда с примесью песка. Горновские пряслица имеют многочисленные аналогии среди синхронных памятников Предуралья (городища Кара-Абыз (верхний слой)), Чёртово, Гумеровское, селища Ибрагимовское III, Нижегородское III и др.). Пряслице биконической формы из хорошо обожжённой глины найдено в кв. 30 на глубине 0,65 м, на расстоянии 0,38 м к юго-востоку от северо-восточной стенки раскопа. Внешний диаметр составляет 3,4 см, внутренний – 0,6 см, высота – 1,9 см.

Бусы. В процессе раскопок найдены две бусины (*уз*) синего непрозрачного стекла, изготовленные методом навивки, поверхность в патине (рис. 30, 7, *прорисовка*; 40, 1, *фото*). Интересно, что найденная бусина относится к наиболее массовому типу бус, встреченному на чияликских памятниках Предуралья (*селища Ново-Какрыбашевское, Игимское III, Батраковское, Кармасанское, городища Абдуллинское, Кара-Абыз, Такталачукский мог., погр. 209*). Как правило, это небольшие шаровидные или зонные синие бусины (*уз*) полупрозрачного или непрозрачного стекла. Причина предпочтения бус этого типа у местного населения неясна, возможно, это отражение локальной моды. Этот тип бус относится к *разряду II, отдел А, тип 1* по классификации Н.П. Курышовой, который датируется в пределах XII–XIV вв. (Курышова, 2012, с. 204–215).

Вторая стеклянная зонная бусина непрозрачного стекла с светло-желтым глазчатым декором происходит с кв. 14 (рис. 41, 9). Изделие аналогично бусам *разряда V, отдел А, тип 2*. Подобные находки встречаются в Болгаре в слоях XII – начала XIII вв. (Курышова, 2012, с. 207, рис. 2).

Костяные путовые петли. Служили для закрепления ремней путлища. Представляли собой продолговатые уплощенные пластины с одним прямым и вторым приостренным концом. В центре застёжки сделаны подпрямоугольные прорезы для крепления ремня. Всего на Горновском селище найдено два экземпляра (рис. 35, 1, 3); обе находки относятся к типу петель треугольной спинкой и прямым основанием (Пальцева, 2022, с. 220–229). На русских памятниках петли такого типа датируются X–XIII вв. (Кирпичников, 1973, с. 144–145, рис. 44, 2). Петли, аналогичные найденным на селище, встречаются в слоях XIV в. Болгара (*Город Болгар...*, рис. 99, 11), а также в синхронных кочевнических памятниках (Федоров-Давыдов, 1966, с. 21, рис. 2, 3; Кирпичников, 1973, с. 78, рис. 44; Иванов, Криггер, 1988, с. 10, рис. 13, 34).

Костяные накладки на лук. Луки, несомненно, широко применялись приуральскими племенами как в военных целях, так и для охоты. На территории Горновского селища найдены два обломка срединных накладок. Концы их спилены под острым углом или обломаны. На обратной стороне видны насечки (рис. 27, 4; 35, 2); также найдена костяная накладка на лук в виде лопаточки (рис. 35, 5, *прорисовка*; 41, 5, *фото*). Подобные изделия довольно широко представлены в кочевнических комплексах Южного Урала и Центрального Казахстана конца XIII–XIV вв. (Усманова и др., 2018, с. 106–113; Иванов, 2020, с. 253–278, рис. 2, 25, 26).

Костяные проколки встречены массово, что говорит о широком распространении рукоделия и обработки шкур или кожи (рис. 19, 2; 26, 1–4; 30, 1, 8, 10, 11; 33, 1, 2, 10), что в целом было характерно для чияликского населения (Русланов и др., с. 129–142; Берсенёв, Тузбеков, 2024, с. 47–59). Все проколки изготовлены из грифельных костей лошади³.

Подвеска найдена в кв. 37, изготовлена из морской окаменевшей раковины, в нижней части которой просверлено отверстие для подвешивания (рис. 34, 7, *прорисовка*; 44, 7, *фото*).

Подводя итог, отметим, что абсолютно вся круговая посуда и

³ Определения А.В. Кисагулова (лаборатория проблем сохранения биоразнообразия и ООПТ, ФГБУН Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург).

металлокомплекс селищ Горново, Ябалаклы 1, 3, Подымалово, Нижнехозятово 5 и др., без исключения находит массовые аналогии в материалах Брик-Алгинского местонахождения. Создается впечатление, что Брик-Алга, если рассматривать этот памятник как остатки крупного торгового каравана, возвращался или шел в места компактного проживания «венгров Юлиана». Подобные, вероятно, многочисленные караваны, курсируя по отлаженным торговым коммуникациям, являлись трансляторами идей, посредниками и связующим звеном между удаленными провинциями и имперскими центрами, носителями золотоордынской улусной культуры, ярко отразившейся в материалах чияликских селищ Предуралья.

ГЛАВА IV. Горновский грунтовый могильник и стоянка

Трансформация языческих похоронных ритуалов в период распространения исламской религиозной системы у приуральских угроносителей чияликской культуры происходит на рубеже XII–XIII вв. Этот переход рельефно показан Е.П. Казаковым на материалах Такталачукского и I Азметьевского могильников, сохранивших языческие реликты в обрядовых правилах. Памятники с устоявшимся раннемусульманским погребальным обрядом XIII–XIV вв. освещены на порядок хуже. Возможно, это связано со стандартизацией погребальных процедур, неким «шаблоном», демонстрирующим кажущееся единство в границах некрополя, отсутствию вещевых комплексов и различных ритуальных манипуляций. Однако для уточнения времени окончательного установления ислама на территории Южного Урала важна публикация и анализ каждого исследованного памятника.

Горновский грунтовый могильник расположен в 1,1 км к северо-западу от пос. Горный Чишминского района Республики Башкортостан, на задернованной и частично залесенной площадке террасы левого берега р. Дёмы (рис. 6). Памятник открыт в 1962 г. разведочным отрядом Г.И. Матвеевой в составе С.М. Васюткина и М.Ш. Резяпова. 10 июня 1962 г. ими был осмотрен левый берег р. Дёмы, где по сообщениям местных жителей река ежегодно вымывала человеческие костяки. Предположительно в месте обнаружения костей был заложен разведочный шурф 2×2 м, в верхних слоях которого был выявлен скелет человека, лежавший на спине, головой на запад, со сложенными на груди руками, без вещей (погребение 1) (Матвеева, 1962, с. 6–17, рис. 25). В 1994 г. на памятнике производились раскопки под руководством Г.Н. Гарустовича – вскрыто 247 кв. м, расчищено 28 погребений. Изучение могильника в 2003 г. продолжено Ю.А. Морозовым, к раскопу 1994 г. был прирезан новый, площадью 64 кв. м, благодаря чему удалось изучить еще 4 погребения (Гарустович, 1994; Морозов, 2003). Таким образом, за три полевых сезона (1962, 1994 и 2003 гг.) исследовано 33 погребения (рис. 54–56).

4.1. Горновский грунтовый могильник

Погребение 1. Вскрыто в 1962 г. Обнаружен скелет человека, лежавший на спине, головой на запад, со сложенными на груди руками, без вещей (прорисовка погребения в отчете Г.И. Матвеевой отсутствует).

Погребение 2. Контуры могильной ямы зафиксированы на уровне - 1,11 м от условного нуля⁴, в квадрате 3. Яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами длиной 1,25 м, шириной 0,4–0,43 м, заглублена в материк на 0,03–0,05 м. Заполнение могилы – черный гумус с материковой супесью. В процессе расчистки захоронения над костяком и по сторонам от него фиксировались прослойки тлена от гроба. Костяк ребенка лежал в положении вытянуто на спине, с легким разворотом на правый бок, головой на запад, лицом к югу. Правая рука вытянута вдоль тела, левая – полусогнута, кисть лежала на тазовых костях. Ноги вытянуты. Сохранность

⁴ Здесь и далее приводятся глубины от условного нуля.

костяка удовлетворительна. На месте шейных позвонков найдены уплощенные глиняные шарики (рис. 57, 1, 6).

Погребение 3. Глубина 1,06 м. Квадрат 3. Могильная яма не прослежена, захоронение совершено в слое гумуса в материк не заглублялось. Костяк новорожденного младенца, очень плохой сохранности, лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад. Судя по тлену, руки и ноги имели вытянутое положение. На месте шеи обнаружены небольшие уплощенные глиняные шарики, аналогичные найденным в погребении 2 (рис. 57, 2, 3).

Погребение 4. Глубина 1,19–1,22 м, квадрат 3-А. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, длиной 1,38 м, шириной 0,45–0,9 м, сильно сужается в ногах, заглублена в материк на 0,05–0,1 м. Заполнение могильной ямы гумусное. Костяк ребенка 4–5 лет лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад с небольшим отклонением к ЮЗ, лицом к югу. Руки и ноги вытянуты. Костяк захоронен так, чтобы ноги лежали выше головы. Сохранность костей удовлетворительная. Вещей нет (рис. 57, 7).

Погребение 5. Глубина 1,16 м, квадрат 3. Могильная яма прямоугольная с закругленными углами, длиной 0,75 м, шириной 0,35 м, заглублена на материк на 0,05 м. Засыпь – черный гумус с прослойками материковой супеси. Костяк ребенка практически полностью истлел, сохранились лишь остатки черепа; фиксировался тлен трубчатых костей. Положение погребенного восстанавливается как вытянутое на спине с ориентировкой головы на запад. Правая рука и ноги, по всей видимости, лежали вытянуто. Левая рука не сохранилась. Вещей нет (рис. 57, 8).

Погребение 6. Глубина 0,6 м, квадрат 1. Могильная яма не прослежена. Костяк практически полностью истлел, найдены лишь обломки детского черепа и кости ног. Вещей нет. Костяк имел западную ориентировку головы, ноги вытянуты (рис. 58, 8).

Погребение 7. Глубина 1,25–1,3 м, квадрат 1, 2-А. Могильная яма овальная, ориентирована по линии восток-запад, длиной 1,85 м, южная стенка срезана осыпью берега реки. Ширина сохранившейся части могилы 0,25–0,42 м. Яма заглублена в материк на 0,15–0,2 м и засыпана гумусом. Погребение разрушено школьниками, которые обнаружили выпавший из обрыва череп взрослого человека и, подкопавшись в срез берега, выкинули оставшиеся кости. Сохранились *in situ* лишь кость левой ноги и левой руки. Положение костяка было вытянутое на спине с ориентировкой головы на запад. Ноги и левая рука лежали вытянуто. Вещей нет (рис. 57, 5).

Погребение 8. Глубина 0,72 м, квадрат 1. В гумусном слое найдены остатки черепа и трубчатых костей ребенка. Положение покойного восстанавливается как вытянутое на спине с ориентировкой головы на запад. Вещей нет (рис. 58, 1).

Погребение 9. Глубина 0,63 м, квадрат 2. Могильная яма не прослежена. В гумусном слое обнаружены мелкие обломки черепа ребенка, костяк истлел. Вещей нет (рис. 58, 2).

Погребение 10. Глубина 0,7 м, квадрат 2. В гумусном слое обнаружен сильно истлевший костяк ребенка, захороненный в положении вытянуто на спине, ориентированный головой на запад. Руки и ноги вытянуты. Вещей нет (рис. 58, 3).

Погребение 11. Глубина 1,27 м, квадрат 5. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, длиной 1,12 м, шириной 0,45 м, заглублена в материк на 0,16 м. Заполнение – черный гумус. Над костяком фиксирован тлен дерева от горобовища из плах толщиной 3,5 м–4,0 см. Гроб, по всей видимости, имел форму прямоугольного ящика с крышкой, но без дна, длиной около 1 м, шириной 0,3–0,32 м. Костяк ребенка лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад, лицом к югу. Туловище имеет легкий разворот на правый бок. Правая рука слабо согнута в локтевом суставе и отставлена вправо от тела. Левая рука согнута в локте и положена кистью на правый бок. Ноги слегка согнуты в коленях в правую сторону. Сохранность костяка удовлетворительная. Вещей нет (рис. 60, 5).

Погребение 12. Глубина 1,3 м, квадрат 5. Могильная яма подпрямоугольная, длиной 2,0 м, шириной 0,45–0,6 м, заглублена в материк на 0,18 м. Могила сужается в ногах. Заполнение – черный гумус с пятнами материковой супеси. Захоронение совершено в деревянном гробовище, изготовленном в виде прямоугольного ящика с крышкой, но без дна, длиной 1,86 м, шириной 0,36–0,49 м, высотой около 0,17 м. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад-юго-запад, лицом к северу. Правая рука полусогнута, кисть покоилась на тазовых костях. Левая рука согнута в локтевом суставе, кисть лежала на правом боку. Ноги вытянуты. Вещей нет. Сохранность костяка удовлетворительная. В ногах костяка найден камень и два фрагмента керамики с примесью раковины. Керамика абашевской культуры эпохи бронзы попала в захоронение из культурного слоя поселения эпохи бронзы (рис. 58, 10).

Погребение 13. Глубина 0,82 м, квадрат 8. Могильная яма не прослежена, захоронение совершено в гумусном слое. Костяк ребенка полностью истлел, сохранились лишь остатки черепа. Вещей нет (рис. 58, 4).

Погребение 14. Глубина 1,23 м, квадрат 7. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, длиной 0,8 м, шириной 0,4–0,55 м, заглублена в материк на 0,11 м. Костяк ребенка плохой сохранности, лежал вытянуто на спине, с легким разворотом на правый бок, ориентирован головой на запад. Правая рука полусогнута, кисть на тазовых костях. Левая рука не сохранилась. Ноги полусогнуты в коленях и склонены в правую сторону. Вещей нет (рис. 58, 5).

Погребение 15. Глубина 0,75 м от точки 0, квадрат 8. Могильная яма не прослежена, захоронение совершено в гумусном слое. Костяк ребенка полностью истлел, сохранились лишь мелкие обломки черепа. Вещей нет. Костяк был ориентирован головой на запад (рис. 58, 6).

Погребение 16. Глубина 1,09 м, квадрат 7-А. Могильная яма не прослежена, захоронение совершено в гумусном слое. Погребение взрослого человека разрушено осыпью берега, первоначальное положение костяка восстанавливается как вытянутое на спине, головой на запад. Левая рука и ноги вытянуты (рис. 58, 11).

Погребение 17. Глубина 0,7 м, квадрат 8. Могильная яма не прослежена, захоронение совершено в гумусном слое. Погребение ребенка сохранилось очень плохо, расчищены обломки черепа, сильно истлевшие тазовые кости и кость левой ноги. Положение костяка восстанавливается как вытянутое на спине с ориентировкой головы на запад. Вещей нет (рис. 58, 9).

Погребение 18. Глубина 1,4 м, квадраты 10–10-А. Могильная яма имела подпрямоугольную форму длиной 1,49 м, шириной 0,45–0,48 м на

уровне материка и шириной 0,43–0,5 м на уровне дна, глубиной 0,15 м в материк. Яма слегка сужается в ногах. Заполнение ямы представлено черным гумусом. Вдоль стенок фиксировались крупные плахи от стенок гробовища. Длина гроба – 1,41 м, ширина около 0,4 м, высота – 0,15 см. Костяк подростка лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад-юго-запад, лицом к северу. Кости рук сдвинуты грызунами, можно предполагать, что они были вытянуты. Ноги вытянуты. Вещей нет. В ногах, в пределах гроба, найден камень. Сохранность костяка удовлетворительная (рис. 60, 4).

Погребение 19. Глубина 1,23 м, кв. 12. Могильная яма прямоугольная, длиной 1,2 м, шириной 0,4 м, глубиной 0,05 м. Заполнение – черный гумус. Костяк ребенка лежал вытянуто на спине, с легким разворотом на правый бок, ориентирован головой на запад, лицом на юг. Руки полусогнуты в локтях и уложены кистями на кости таза. Ноги вытянуты. Вещей нет. С правой стороны от костяка, вдоль южной длинной стенки, фиксировались остатки деревянных плах от стенки гробовища. Сохранность костей плохая (рис. 57, 4).

Погребение 20. Глубина 1,34 м, кв. 10-А. Могильная яма имела неправильную овальную форму длиной 0,55–0,6 м, шириной 0,2–0,28 м, глубиной 0,05 м (в материк). Заполнение – черный гумус с крупными древесными угольками. Костяк младенца лежал на спине, с разворотом на правый бок, ориентирован головой на юго-запад. Кости рук сдвинуты грызунами, ноги согнуты в коленных суставах и склонены на правую сторону. Вещей нет. Сохранность костей очень плохая (рис. 58, 7).

Погребение 21. Глубина 1,27 м, кв. 13–14. Могильная яма овальная, длиной 2,0 м, шириной 0,55–0,65 м, глубиной 0,14 м. Костяк находился в гробовище, от которого сохранилась верхняя крышка из плах. Взрослый человек лежал вытянуто на спине, с разворотом тела на правый бок, ориентирован головой на запад, лицом к югу. Правая рука и ноги вытянуты. Левая рука полусогнута, кисть на тазовых костях. Рядом с головой, справа (на глубине 1,26 м) лежал зуб лошади, а вблизи него – уголь. Сохранность костей хорошая (рис. 60, 3).

Погребение 22. Глубина 1,11 м, кв. 11–13. Могильная яма длиной 1,2 м, шириной 0,5–0,6 м, глубиной 0,1 м форма ее – овальная. Заполнение – гумус с мелкими древесными угольками. Костяк ребенка сохранился очень плохо, лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад. Ноги вытянуты. Вещей нет (рис. 60, 6).

Погребение 23. Глубина 1,49 м, кв. 9, 11. Могильная яма подпрямоугольной формы длиной 2,13 м, шириной 0,6–0,7 м, глубиной 0,27 м. Вдоль южной и западной стенки сделаны уступы шириной 0,1–0,17 м, на глубине 0,1 м от материка. Заполнение могилы – черный гумус с угольками. Костяк находился в гробовище, от которого сохранились бревна продольных стенок и обугленные плахи крышки. Ширина гроба 0,58 м. Взрослый человек лежал вытянуто на спине, с легким наклоном на правый бок, ориентирован головой на запад, лицом к югу. Руки полусогнуты в локтях и уложены на тазовые кости. Ноги вытянуты. Вещей нет. В ногах, справа обнаружены камни (рис. 59, 1).

Погребение 24. Глубина 1,45 м, кв. 9, 11. Могильная яма прямоугольная, длиной 2,5 м, шириной 0,65–0,7 м, глубиной 0,2 м в материк. Костяк находился в гробовище, сделанном из толстых брусьев длиной около 2,2 м, шириной 0,45–0,5 м, высотой 0,2 м. Взрослый человек лежал вытянуто

на спине, с разворотом тела на правый бок, ориентирован головой на запад, лицом к югу. Правая рука и ноги вытянуты, левая рука полусогнута в локтевом суставе, кисть на тазовых костях. Вещей нет. Сохранность костей удовлетворительная (рис. 59, 2).

Погребение 25. Глубина 1,1 м кв. 11. Могильная яма имела неправильную овальную форму длиной 1,45–1,48 м, шириной 0,55–0,7 м, глубиной 0,1 м. Заполнение – черный гумус. Костяк ребенка лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад, лицом кверху. Ноги вытянуты. Руки полусогнуты в локтях и уложены кистями на тазовые кости. Вещей нет. Сохранность костей плохая (рис. 59, 7).

Погребение 26. Глубина 1,33 м, кв. 11. Могильная яма овальная, длиной 1,07 м, шириной 0,35–0,38 м, глубиной 0,03 м. Заполнение – черный гумус. Костяк младенца лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад. Руки сдвинуты грызунами. Ноги вытянуты. Вещей нет. Сохранность костей плохая (рис. 60, 7).

Погребение 27. Глубина 0,78 м, кв. 18–19. Могильная яма овальная, длиной 1,07 м, шириной 0,43–0,5 м, глубиной 0,2 м от уровня материка. Могильная яма ориентирована по линии север-юг, длина ее составляла около 1,75–1,8 м, но северная поперечная стенка была разрушена могильной ямой погребения 28. Заполнение – черный гумус с мелкими древесными угольками. Костяк взрослого человека (женщины) плохой сохранности, лежал полускорченно на правом боку, ориентирован головой на юг, лицом к востоку. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги полусогнуты в коленных суставах и склонены в правую сторону. Вещей нет. Кости ступней сдвинуты при захоронении покойного погребения 28 (рис. 59, 5).

Погребение 28. Глубина 0,66 м, кв. 19. Могильная яма овальная, длиной 1,8 м, шириной 0,7–0,84 м, глубиной 0,1 м в материке. Заполнение – черный гумус. Костяк взрослого человека (мужчины) лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад, лицо слегка развернуто вправо. Руки полусогнуты в локтевых суставах и уложены кистями на тазовые кости. Ноги вытянуты. Вещей нет. Сохранность костей хорошая, часть из них сдвинута грызунами. При вскрытии была сделана прирезка в восточной стенке траншеи II, куда уходила могила (рис. 59, 6).

Погребение 29. Глубина 0,6 м, кв. 22. Контуры могилы зафиксированы на глубине 0,48 м, основная ее часть выходила за пределы траншеи, поэтому была сделана прирезка в западной стенке траншеи II. Могильная яма имела прямоугольную форму длиной 2,0 м, шириной 0,6 м, глубиной 0,13 м в материк. Заполнение – черный гумус с мелкими угольками. Костяк взрослого человека (женщины) лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад, лицом кверху. Правая рука и ноги вытянуты. Левая рука полусогнута, кисть на тазовых костях. Вещей нет. Сохранность костей плохая, череп раздавлен (рис. 59, 3). Погребения раскопа I и траншеи II одновременны и идентичны по обряду захоронения.

Погребение 30. Располагалось в кв. А3. Контуры могильной ямы выявлены на глубине 0,94 м. Могильная яма имела овальную форму, ориентирована по линии запад-восток, длиной 1,8 м, шириной 0,5 м, заглублена в материк на 0,2 м. Стенки отвесные, ровные. Заполнение могилы – гумус темного цвета с примесью материковой супеси. Дно ровное. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад. Череп слегка развернут на правый висок, лицом к югу (в сторону

Мекки). Руки согнуты в локтевых суставах и уложены на уровне пояса покойного. Ноги вытянуты и скрещены в районе ступней. Вероятно, они были связаны при захоронении. Вещей нет (рис. 59, 4).

Погребение 31. Обнаружено в кв. 5-6Б. Контуры могильной ямы выявлены на глубине 0,77–0,85 м. Могильная яма прямоугольной формы, с закругленными углами, имеет отвесные прямые стенки, ориентирована по линии запад-восток, длиной 2,35 м, шириной 0,75–0,82 м, заглублена в материк на 0,16–0,22 м. Заполнение могилы – гумус темного цвета с примесью материковой супеси. Дно ровное. В заполнении могилы зафиксирован тлен деревянных плах, расположенных вдоль тела погребенного. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, с небольшим разворотом тела на правый бок. Голова ориентирована на запад лицом к югу. Руки согнуты в локтевых суставах и развернуты в правую сторону. Ноги вытянуты, ступни близко сдвинуты: они, по всей видимости, были связаны при захоронении. Вещей нет (рис. 60, 2).

Погребение 32. Обнаружено в кв. Б7. Контуры могильной ямы не зафиксированы. На глубине 0,59–0,63 м найден костяк ребенка, лежащий вытянуто на спине, с ориентировкой головы на запад. Череп расположен на темени, лицевой частью кверху. Захоронение имеет небольшой наклон на правый бок. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – полусогнута, кисть руки лежала на тазовых костях. Ноги вытянуты и сведены вместе в районе ступней. Вещей нет (рис. 57, 10).

Погребение 33. Располагалось в кв. 7-8Б. Контуры могильной ямы выявлены на глубине 0,73–0,82 м. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, простая, с отвесными прямыми стенками, ориентирована по линии З-В. Длина 2,02 м., ширина 0,78 м, заглублена в материк на 0,15 м. Заполнение могилы – гумус темного цвета с примесью материковой супеси. Дно ровное. Костяк взрослого человека (женщины?) лежал вытянуто на спине. Череп повернут на правый висок, лицом к югу. Руки немного согнуты в локтевых суставах, кисти лежали на тазовых костях. Ноги вытянуты. Вещей нет (рис. 60, 1).

Таким образом, в 1994 г. обнаружено 28 грунтовых захоронений (25 – в раскопе I, 3 – в траншее II). На современной поверхности погребения никак не выделялись. Больше всего найдено детских захоронений – 19 и лишь в 9 погребениях расчищены костяки взрослых людей. Глубина захоронений зависела от возраста: для взрослых людей могильные ямы делались наиболее глубокими, подростки и дети погребены ближе к поверхности. Костяки младенцев в материк не заглублялись и обнаружены в гумусном слое (погребения 3, 6, 8–9, 15, 17). Сохранность костяков также зависела от глубины захоронений и от возраста: кости младенцев большей частью истлели или были сдвинуты грызунами. Погребения 4, 5, 10, а также 2, 3, 11, 12 образуют два ряда, ориентированные по линии северо-запад-юго-восток. Другие ряды составлены погребениями: 6, 8, 15, 13; 16, 14, 23, 24; 20, 18, 19, 22, 25 с той же ориентировкой. В 2003 г. выявлено 4 захоронения: детское (погребение 32), подростковое (погребение 30) и два взрослых (погребения 31, 33). Детское захоронение было совершено на материковом уровне.

В соответствии с погребальным обрядом данные захоронения можно отнести к раннемусульманскому периоду. Могильные ямы прямоугольные или овальные, простые. Ориентировка костяков – западная, черепа, как правило, лицевой частью развернуты к югу, в сторону Мекки. Покойные

лежали вытянуто на спине, иногда с небольшим разворотом тела на правый бок. Взрослые уложены в гробовища, изготовленные из плах в виде прямоугольных ящиков с крышкой, но без дна. Практически все захоронения не имели вещей. Выделяется своим положением погребение 27 (траншея II, раскоп 1994 г.). Здесь костяк расположен полускорченно на правом боку и ориентирован головой к югу. Интересной особенностью могильника является наличие пережитков языческих погребальных обрядов, таких, как фрагменты древесного угля в могильной яме (погр. № 20–23, 27, 29), сопроводительный инвентарь в виде низок из уплощенных глиняных таблетковидных бусинок в детских погребениях 2 и 3, остатков заупокойной пищи, представленной зубами лошади (погр. 21). Все это указывает на продолжающийся в конце XIII – нач. XIV вв. в среде чиялыкского населения процесс установления мусульманских погребальных канонов, постепенно вытесняющих прежние нормы.

В целом же обряд могильника типичен для раннемусульманских некрополей лесостепного Предуралья (Такталачукский, Азметьевский I, Казакларовский и т.д.). Могильник своим появлением связан с населением, оставившим Горновское селище. Оба памятника можно рассматривать как единый комплекс.

4.2. Горновская стоянка

Памятник открыт в 1962 г. Г.И. Матвеевой. Стоянка расположена в 1,1 км к северо-западу от пос. Горный, на задернованной и частично залесенной площадке террасы левого берега р. Дёмы (рис. 6). В 1962 г. С.М. Васюткин, по заданию Г.И. Матвеевой обследовал памятник, и в срезе берега обнаружил несколько фрагментов керамики эпохи бронзы (срубная культура), кости животных. В 1994 г. на памятнике производились раскопки под руководством Г.Н. Гарустовича. Поскольку здесь были обнаружены материалы эпохи бронзы (керамика абашевской, срубной и межовской культур), каких-либо конструкций в раскопе 1994 г. не выявлено. К эпохе бронзы относятся фрагменты керамики, кости животных, обломки камней. Кроме того, в раскопе 1 найдены зубы барана (кв. 3, шт. 3) и обломки известняковых терочников (кв. 7, шт. 3 и кв. 14, шт. 3). Всего находок в раскопе 1 – 241 экз. В кв. 22 на глубине 2 штыка (+20 см) найден оселок из песчаника; в кв. 19 на 2 шт. обнаружен обломок железа (+21 см). Всего находок в траншее 2 – 35 экз. Всего находок в раскопе 1 и траншее П – 276 экз. Керамика: несколько найденных обломков плоскодонных лепных сосудов принадлежали абашевской культуре. Абашевская керамика толстостенная, желтого (снаружи) и черного (изнутри) цвета, с примесью раковины и шамота в глиняном тесте. Встречаются сосуды с налепами по краю венчика. Венчики орнаментированы горизонтальными поясами, насечками, вдавлениями, штрихованными треугольниками, выполненными резными линиями и т.д. По всей видимости, абашевской культуре принадлежали обломки литейных чаш, вылепленных из глины с примесью шамота. У трех чаш удалось восстановить диаметры: 8, 12 и 13,5 см. Две чаши имели весьма оригинальные формы – с поддонами. На внутренней стороне чаш заметны следы отшлаковок и прилипшие капельки меди.

Абашевская керамика и чаши обнаружены в кв. 1–6, располагавшиеся на склоне высоты (рис. 62, 1–4, 6, 7, 9). Вблизи вершины высоты данная

керамика не встречается. Основная масса керамики эпохи бронзы имеет иной облик. Это обломки слабо профилированных (баночных) сосудов, черного или желто-черного цветов, с примесями органики или шамота. Сосуды лепные, кострового обжига. Плохо заглаженные. Орнамент единообразный – оттиски гладкого штампа, сгруппированные зигзагом с бахромой или штриховкой.

К периоду поздней бронзы относится фрагмент венчика от слабопрофилированного горшка с примесью органики в глиняном тесте. Венчик украшен резной горизонтальной елочкой. Подобная керамика относится к межовской культуре (рис. 62, 5, 8).

Небольшое количество слабопрофилированных сосудов с ямочно-резной орнаментацией, с примесью шамота в тесте глины можно отнести к курмантауской культуре начального этапа эпохи раннего железа, датируемой исследователями VII–VI вв. до н.э. (рис. 43, 11–16; 61, 1–8). Основной ареал культуры локализуется в среднем и нижнем течении р. Белая, предгорных долинах Предуралья и горного течения р. Белая (Русланов, 2015, с. 181–186; Савельев, 2018, с. 24–42). На данный момент это одна из самых западных точек распространения курмантауского населения и вторая в долине р. Дёма (маклашеевско/курмантауская керамика происходит с Казангуловского I поселения) (Овсянников, 2017, с. 70–88, рис. 1).

Изучение стоянки было продолжено в 2003 г. Согласно разрабатываемой Институтом истории, языка и литературы темы «Охранные археологические исследования в зонах новостроек Башкортостана», к существующему раскопу 1994 г. был прирезан новый раскоп общей площадью 64 кв. м. Стратиграфия раскопа 2003 г. следующая: под 0,1–0,2 м слоем дерна залегал чернозем, мощность которого составляла 0,45–0,60 м. Предматериковый слой – слабогумусированная супесь (0,1–0,15 м). Материковой основой служила светло-коричневая супесь. Каких-либо остатков конструкций в раскопе и на материке не обнаружено. При вскрытии раскопа в восточной части на глубине 0,4–0,8 м обнаружены фрагменты керамики эпохи бронзы. К этому же времени, вероятно, относятся и кости животных.

В раскопе обнаружено незначительное количество керамики эпохи бронзы. Все сосуды лепные, кострового обжига. К межовской культуре относятся два слабопрофилированных венчика, по которым проведена частичная реконструкция сосудов (рис. 63, 1; 64, 1). Один из них имеет короткую прямую шейку, плавно переходящую в тулово, верхний срез округлый. Сосуд орнаментирован по шейке горизонтальной елочкой, ограниченной сверху и снизу горизонтальными рядами мелкозубчатого штампа. Цвет сосуда серый, в тесте примесь раковины. У второго сосуда венчик отогнут и срезан с внешней стороны. Шейка плавно переходит в тулово. Орнамент нанесен по шейке мелкозубчатым штампом. Он представляет собой горизонтальную елочку, ограниченную сверху и снизу двумя горизонтальными полосами, а ниже – рядом коротких наклонных линий, спускающихся, видимо, на тулово сосуда. Венчик также орнаментирован мелкозубчатым штампом. Цвет фрагмента серый, поверхность заглажена, в тесте примесь раковины. К межовской культуре относятся также мелкие фрагменты сосудов, орнаментированные наклонными и пересекающимися рядами мелкозубчатого штампа (рис. 64, 3, 4).

Несколько фрагментов относятся к срубной культуре (рис. 63, 3–5; 64, 2, 5, 6). Один из них представляет собой слабопрофилированный венчик со слегка отогнутым округлым краем. Поверхность заглажена, цвет темный. К срубной культуре относятся также неорнаментированные фрагменты керамики. Большинство фрагментов серого цвета, в тесте примесь шамота. Один фрагмент в результате обжига имеет красноватый цвет.

К черкаскульской культуре отнесен слабопрофилированный венчик с прямой короткой шейкой (рис. 63, 2). В месте перехода к тулову отмечен небольшой валик. По шейке нанесен орнамент, состоящий из двух рядов отпечатков горизонтальной елочкой, нанесенных гладким штампом. В раскопе также обнаружен фрагмент неорнаментированного венчика от сосуда закрытого типа. Цвет от обжига красный, поверхность заглажена, в тесте примесь слюды и талька. Полученные материалы дополняют наше представление о процессах культурогенеза в среднем течении р. Дёма в эпоху бронзы. Синхронные памятники расположены в ближней округе (не более 10 км) (Ново и Старо-Ябалклинские курганные могильники, Кара-Якуповский одиночный курган, поседение Новый Беркадак-1, Нижнехозятово-5 и др.) (Матвеева, 1963, с. 73–90; Горбунов, 1977, с. 149–161; Горбунов, Морозов, 1991; Хурмаев и др., 2025).

Таким образом, стоянка расположена на высокой пойме, сформированной в доабашевское время. Площадка памятника заселялась как минимум четырежды: абашевским и срубным населением в эпоху поздней бронзы, черкаскульским в финале эпохи и курмантаускими группами в раннем железе. Схожая ситуация, проявляющаяся в многослойности пойменных и дюнных памятников в среднем течении р. Дёма, прослежена в ходе раскопок селища Ябалаклы-1, стоянок Калиновка-4, Караякуповская, Старо-Япаровская III. Анализ топографической ситуации указывает на несомненное сходство условий обитания древнего и средневекового населения, связанное с заселением доминирующих высот (высоких пойм и дюн). Выделение таких останцов может оказаться перспективной исследовательской стратегией в деле поиска поселений эпохи камня и бронзы, а также грунтовых могильников позднего средневековья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Весь комплекс находок позволяет сделать вывод о том, что жители Горновского селища занимались выпасом скота на пойменных лугах. В то же время следует выделить находки серпов и жерновов. Эти предметы связаны с земледелием. Обломков жерновов найдено много, по отдельным экземплярам можно восстановить диаметр (263–2 см) и высоту 4–6 см. Например, в 1994 г. в кв. 21 шт. 3 найден жернов диаметром 31 см (рис. 25, 3), высотой 4 см. Жернова изготавливались из песчаника и известняка. К сожалению, не найдены обломки центральных частей жерновов, поэтому сложно судить, имелись ли там отверстия. Жители Горновского селища занимались черной металлургией. Можно еще отметить, что, скорее всего, металл плавил где-то на поселении или вблизи от него. Так, в раскопе 1994 и 2005 гг. найдены капелька железа, отливка железа и шлаки. Следов бронзолитейного производства меньше, но и здесь можно назвать находки бронзовых шлаков, кусков медистых песчаников и обрезки листовой бронзы. По результатам раскопок можно датировать селище второй половиной XIII–XIV вв. Имеющиеся материалы (булгарская керамика, чугунные котлы, бусина, глиняные котлы, чияликская керамика) не позволяют сузить эту дату. Таким образом, раскопки 1994 и 2005 гг. позволили поставить селище в разряд опорных поселенческих объектов чияликской культуры.

В рамках относительной хронологии Горновский некрополь датируется XIII–XIV вв. Имеющиеся абсолютные даты, полученные по костям человека из погребений 2 и 4, позволяют отнести время функционирования кладбища между 1178 и 1276 гг. (см. табл. 16). Приведенные в таблице сведения отражают современное состояние процесса накопления хронологической информации о родственных культурных образованиях по обе стороны Уральских гор.

Нужно признать, что существующей аналитической базы пока недостаточно. Тем не менее каждая дата, являясь отдельным звеном, позволяет получить общее представление о времени существования чияликской культуры и макушинского типа и о их реальном соотношении. Е.А. Третьяков, опираясь на встречаемость в культурных слоях памятников, содержащих керамику макушинского типа чугунных котлов, а также распространение черт мусульманского погребального обряда в некрополях лесостепного Притоболья, актуализирует вопрос о взаимодействии представителей макушинского типа и носителей чияликской культуры (Третьяков, 2024, с. 207). В этой связи можно предположить два варианта упомянутого взаимодействия: первый связан с периодическими контактами, а второй, учитывая в целом поздние даты макушинских памятников, мог маркировать уход в самом конце XIV в. чияликовского населения из лесостепи Предуралья и оседании его в лесостепном Притоболье (рис. 65–68; 71; таблица 16). Сдвиг чияликских (макушинских) популяций отмечен материалами верхних горизонтов ряда городищ (Папское, Боровиковское I, Прыговское, Красногорское, Усть-Терсюк I, Юдинское), что недвусмысленно указывает на определенную военную угрозу, вынудившую «венгров Юлиана» (Bea Szeifert et al., 2022, pp. 3266–3280) искать себе защиту, покинув относительно спокойное до того Предуралье.

Произошедший эффект «обратной миграции» после широкого проникновения чияликовского (макушинского) населения из Притоболья на

запад в Предуралье на рубеже XII–XIII вв. (*Матвеева и др.*, 2024, с. 39–58; *Balázs Gyuris et al.*, 2024) связан, как видится, с бурными и кровопролитными событиями Великой Замятни, повлекшими за собой упадок и деградацию устоявшихся социально-экономических связей в границах Улуса Джучи.

В заключении отдельно хотелось бы еще раз вернуться к теме, впервые поднятой в исследованиях А.П. Смирнова, Г.В. Юсупова, А.Х. Халикова и др. (*Смирнов*, 1957, с. 5–113; *Юсупов*, 1960; *Халиков*, 1971, с. 30–37). Суть ее сводится к поиску следов насильственного или мирного переселения болгар на территорию Бельско-Дёмского междуречья (начавшегося, вероятно, еще в конце I тыс. н.э.) (*Проценко и др.*, 2024, с. 15–16, рис. 43–45), факторов, повлиявших на эту миграцию, ее направленность и последствия для проживавшего здесь населения носителей керамики чияликской археологической культуры.

Последними, кто затрагивал эту проблематику, были Г.Н. Гарустович, И.В. Антонов и Е.П. Казаков (*Антонов*, 2012, с. 128–129; *Антонов*, 2018, с. 105–114; *Гарустович*, 2015а, с. 195–205; *Казаков*, 2022, с. 102–113). Недавно по теме опубликована статья Е.В. Русланова (*Русланов*, 2024б, с. 141–147). Опираясь на выводы упомянутых исследователей, можно вкратце охарактеризовать болгарскую миграцию в Предуралье как: «...инфильтрацию небольшой группы болгарского населения, не оставившего никаких следов в культурных слоях памятников эпохи позднего средневековья...» (по И.В. Антонову) и как «...наличие на территории п. Чишмы центра Башкирского улуса на основании болгарских надгробий (Сынташ, Красный Ключ, Хусейн-бек) и мавзолеев...» (по Г.Н. Гарустовичу).

Авторы вслед за А.П. Смирновым, Г.В. Юсуповым и А.Х. Халиковым приходят к выводу о наличии в центральной Башкирии, вблизи п. Чишмы, административного болгарского центра (*Гарустович, Нечвалода*, 2020, с. 338; *Иванов, Злыгостев*, 2021, с. 124–125). Наличие этого центра (или его отсутствие) носит определяющую роль для появления на этой территории таких уникальных памятников каменного зодчества, как мавзолеи Тура-хана, Хусейн-бека и Малого кэшэне.

Также остаются неясными причины появления мавзолеев. Идея, связанная с возведением мавзолея над могилой Хусейн-бека, занимавшегося миссионерской и судебной деятельностью в среде чияликского населения, кажется малоубедительной. Дело в том, что Г.Н. Гарустович отмечал, что «чияликцы», уже в конце XIII в., по всей видимости, широко исповедовали ислам, с чем связано появление погребений с мусульманской обрядовой практикой (обзор см. *Боталов и др.*, 2019, с. 322–338; *Русланов*, 2020а, с. 77–85; *Русланов*, 2020б, с. 134–140; *Вальков и др.*, 2020, с. 120–133; *Гарустович, Нечвалода*, 2020; *Верования...*, 2022, с. 351–352).

Суть процессов, повлиявших на появление мавзолеев, видится глубже. Связаны они в первую очередь непосредственно с проникновением в Предуралье групп болгарского населения, активно занятого, по мнению С.В. Рязанова, поисками новых залежей болотного железа и выплавкой чугуна для вывозки готовых изделий в города Поволжья и, возможно, в степь (бассейн р. Урал) (*Рязанов*, 2011, с. 68, 69). Вероятно, следствием болгарской миграции являлась инкорпорация выходцев из золотоордынского Поволжья в среду чияликского населения, примером чего служат селища (Горново,

Ябалаклы-1, Подымалово-1 и др.) и металлургические комплексы с находками гончарной красноглиняной керамики (Тузбеков, 2021, с. 157–165; Русланов, 2022, с. 253–267; Русланов, 2022, с. 288–290; Русланов, 2023а, с. 118–130; Прибельская..., 2024).

Опираясь на материалы исследованных поселенческих и надгробных памятников, наиболее достоверной датой начала проникновения болгарского населения в Предуралье в золотоордынский период, по всей видимости, нужно считать самое начало (первые десятилетия) XIV в. В подтверждении этого имеются 4 даты, установленные по надгробиям: 1329/30 гг. н. э (Урсаево), 1331 г. (Сынташ), 1339 г. (Хусейн-бек), 1346/47 гг. (Старокалмашево). Могильные камни маркируют и пути расселения по рр. Чермасан, Кармасан, Дёма, Белая и видимо Уршака (хотя на данный момент памятники этого времени здесь неизвестны). Практически на всех изученных в Предуралье, даже небольшими раскопками, селищах встречена красноглиняная гончарная посуда. Известны и типично болгарские вещи: замочки, желудевидные подвески, топоры и т.д. Если эти вещи можно объяснить торговыми связями, то в настоящее время не ясно, как относиться к керамическим коллекциям Горновского, Подымаловского и Ябалаклинского 1 селищ, где более 80% это поливная и красноглиняная круговая посуда. Данный факт сложно объяснить только торговыми сношениями.

В этой связи одним из факторов появления каменных мавзолеев на территории лесостепного Предуралья и улусных чиновников такого ранга как Хусейн-бек, наряду с утверждением ислама в среде чияликских племен, вероятно, являлся контроль за деятельностью выходцев из Булгарского улуса, хорошо знакомых с черной металлургией, а самое главное – с выплавкой чугуна. После смерти Хусейн-бека сюда из Булгарского улуса прибыли камнетесы, возведшие привычное сооружение – каменный мавзолей.

Многолетние работы по анализу металлических изделий, центров добычи руды, позволили С.В. Рязанову на юго-востоке Предуралья выделить металлургический центр, где не известно ни одного расположенного поблизости чияликского памятника. По данным С.В. Рязанова, технология выплавки чугуна в печах этого центра черной металлургии, со всеми слагающими (футеровочные кирпичи, воздухопроводные трубки, печи), имеет аналогии в металлургических центрах Булгара, а готовая продукция (по его мнению, это чугунные котлы и крицы чугуна) поставлялась напрямую в Булгар. Возникает резонный вопрос: могло ли чияликское население само начать добычу железной руды и выплавку чугуна? Археологические материалы, полученные в последние годы, говорят, что предпосылки к выплавке чугуна на чияликских селищах существовали, а там, где выявлены следы плавки и производственный брак, присутствует болгарская гончарная посуда (Горново, Подымалово, Ябалаклы-1). Эти средневековые «заводы» работали не только на поволжский рынок сбыта. По последним данным котлы, аналогичные произведенным на Южном Урале, найдены в Притоболье в 550–650 км от предполагаемого места производства. Здесь целые изделия и отдельные фрагменты зафиксированы в памятниках с макушинскими и юдинскими материалами на р. Нице и в Приисетье (городища Боровиково-1, Папское, могильник Медный Борок). На основании радиоуглеродного анализа памятники функционировали в конце XIII – нач.

XV вв. (Третьяков, 2023, с. 40–43), что полностью укладывается в относительную хронологию золотоордынского этапа чияликской культуры.

До известных торговых маршрутов, начинающихся в низовьях Белой, готовую продукцию нужно было как-то доставить: вероятно, для этого использовались реки (Дёма, Уршак, Белая). По торговым путям поступала поливная и круговая посуда, украшения, сельскохозяйственные орудия. Ассортимент ввозимых вещей прекрасно демонстрирует разоренный караван у д. Брик-Алга (Гарустович и др., 2004, с. 246–256; Гарустович и др., 2005). Караван маркирует второстепенный торговый путь в Болгар и золотоордынское Поволжье («Чугунный путь»), проходивший по лесостепной и степной зоне. Свой путь торговый маршрут начинал от центра добычи и выплавки чугуна в районе Ярук-Месели-Асавбашево в среднем течении р. Уршак, и далее держал путь по Иско-Усеньскому водоразделу в пределах Бугульминско-Белебеевской возвышенности, доходя до района современного г. Туймазы, где известно скопление вещевых кладов золотоордынского времени (Русланов, 2024а, с. 195–205). Торговые маршруты XIII–XIV вв., как считал Г.А. Фёдоров-Давыдов, в Прикамье, Приуралье и в Приобье могли быть проложены по известным путям, действовавшим еще в I тыс. до н.э. (Фёдоров-Давыдов, 1998, с. 51).

Важным в этой связи являются данные, полученные с Брик-Алгинского местонахождения, где в ходе раскопок Г.Н. Гарустовича и А.Ф. Яминова получена значительная серия изделий из черного металла бытового назначения (наральники, ножницы, серпы), чугунные крицы, анализ которых, проведенный С.В. Рязановым, показал, что они получены на территории металлургического центра Месели-Асавбашево-Ярук. Вещи с Брик-Алги находят прямые аналогии вкладах с территории лесостепного Предуралья (Нижне-Хозятковский) и в вещах, найденных на памятниках (селище Горново, Ябалаклы-1, Подымалово-1, Чертово городище) (Гарустович и др., 2004, с. 246–256).

По всей видимости, концом 70-х – началом 80-х гг. XIV в. (опираясь на монетные клады Брик-Алга, Петровский, Якты-куль (в 40 км к северу от Ярук-Месели)) датируется конечный этап деятельности булгар по добыче чугуна в Предуралье, и вероятно вообще булгарский этап в истории чияликовского населения прекращается, как и выплавка чугуна. Все это напрямую связано с началом Великой Замятни в Золотой Орде, продолжавшейся с 1359 по 1380 г., вызванной общим кризисом и дестабилизацией обстановки в евразийских степях (Миргалеев, 2004, с. 96–99; Маслюженко, 2008, с. 60). Наивно было бы думать, что улусная администрация не контролировала объемы выплавки чугуна в печах, его логистику и распространение готовой продукции в виде криц.

Какая на самом деле ни была роль этой территории в экономическом обеспечении Булгарского улуса, ее внутренняя и внешняя торговля пока остаются предметом изучения. Принятие предложенной гипотезы о миграции булгар в поисках рудных выходов и плавки чугуна в Предуралье, на наш взгляд, встраивает местное позднесредневековое чияликовское население в сложную экономическую модель взаимодействия с региональным гегемоном – Булгаром, раскрывая причины появления развитого металлургического производства, каменных мавзолеев, эпитафийных памятников и окончательного установления ислама как сопутствующих явлений процесса экономической интеграции.

Таким образом, чияликское население опосредованно было включено в деятельность болгарских (или шире – золотоордынских) купцов в рамках функционирования важнейших торговых артерий, объединяющих Поволжье, Южный Урал, Прикамье и Сибирь. Созданный в Предуралье металлургический центр служил поставщиком продукции для региональных и мегарегиональных торговых и меновых сношений. Концентрация кочевого и оседлого населения из Булгарского улуса, занятого в контроле и обслуживании торговой и производственной деятельности, привела к появлению мавзолеев болгарского типа, эпитафий, появлению поливной и круговой посуды, других престижных вещей на рассматриваемых памятниках. Если же учитывать накопленную информацию, то можно утверждать, что сами насельники чияликских селищ значимой роли в ведении торговых операций не играли, вероятно, поставляя лишь скот, т.к. всецело были включены в орбиту хозяйственно-культурных и религиозных интересов Булгарского улуса Золотой Орды.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

С.В. Рязанов

Металлографический анализ кузнечных изделий Горновского селища⁵

Металлографическое исследование образцов проведено по методике, разработанной Б.А. Колчиным. В работе использован металломикроскоп МИМ-7, измерение микротвердости выполнено на ПМТ-3 в кабинете металлографии ИИЯЛ Уфимского научного центра РАН. Для анализа был отобран 21 предмет (рис. 69–70). Основные аналитические данные отображены в таблице 1.

Ножи представлены 10 экземплярами, из которых 4 отличаются небольшими размерами (рис. 69, 112–114, 118), два крупных ножа являются обломками клинков (рис. 69, 108–109). На одном ноже в качестве упора для рукояти использована овальная пластинка, насаженная на черенок (рис. 69, 107).

Металлографическое изучение образцов показало, что ножи изготовлены с применением трех технологических схем.

Цельностальные ножи (рис. 69, 106, 109, 114, 117) по качеству стали распадаются на две группы. Один нож (рис. 69, 106) откован из неравномерно науглероженной мягкой сырцовой стали с максимальным содержанием углерода 0,3%, плохо прокованной. Три других ножа изготовлены из качественной высокоуглеродистой стали, причем на один (рис. 69, 109) пошла сталь заэвтектоидного состава. Этот нож, единственный из всех цельностальных, закален на мартенсит. Высокое содержание углерода, однородная структура позволяют определить сталь этих ножей как полученную способом сквозной цементации заготовок.

Следующие четыре ножа откованы в технике пакетования заготовок. В одном случае (рис. 69, 105) сварены две пластины сырцовой, неравномерно науглероженной стали, одна из которых имела наибольшее содержание углерода до 0,8% – несколько большее, чем во второй.

Второй нож из этой группы (рис. 69, 113) изготовлен из пластин мягкой сырцовой стали и высокоуглеродистой (заэвтектоидной) цементованной. На лезвии выведена высокоуглеродистая пластина.

Структура двух ножей представляет собой многослойный пакет. Первый (рис. 69, 108) пакетован из стальных пластин с различным содержанием углерода. Структура его неравновесная (сорбит отпуска), поэтому содержание углерода в каждой из пластин нельзя определить даже приблизительно. Судя по однородной структуре в пределах отдельных пластин, сталь этого ножа также цементована. Нож закален в воде и подвергнут высокому отпуску. Второй многослойный пакет (рис. 69, 118), напротив, отличается неравномерной структурой, содержащей в сердцевине участки феррита. В этом случае, вероятно, использована сырцовая сталь. Два ножа выполнены в технике трехслойного пакета – наиболее функционально оправданной при выделке ножей, клинкового оружия и некоторых орудий труда. Один нож (рис. 69, 112) сварен из среднеуглеродистой сырцовой стали и

⁵ В приложении использована отредактированная и дополненная статья С.В. Рязанова и Г.Н. Гарустовича (Рязанов С.В., Гарустович Г.Н. Кузнечные изделия Горновского селища // УАВ. 2007. Вып. 6-7. С. 185-190).

железных пластин. При изготовлении второго ножа (рис. 69, 107) все три пластины из сырцово-й стали. Пластина с наиболее высоким содержанием углерода помещена в середину.

Серпы также изготовлены по разным технологическим схемам. Один (рис. 70, 124) откован из цементованной высокоуглеродистой стали, второй (рис. 70, 125), вероятно, из заготовки, предварительно подвергнутой односторонней цементации. Последний способ более предпочтителен для изделий подобного рода – сохранение мягкой железной основы компенсирует хрупкость стального цементованного слоя.

Тесло (рис. 70, 123) отковано из пакетованных железных полос, некоторые из которых отличаются незначительной степенью науглероживания. В середине, с выходом на лезвие, помещена полоса твердого высокофосфорного железа, заменяющего в данном случае сталь. Втулка наварена на лезвие (рис. 70).

Ключ от цилиндрического замка (рис. 70, 120) изготовлен пакетованием, причем по краям пакета размещены полосы из сырцово-й стали, а в середину вварена железная полоса.

На светец (рис. 70, 122) использована высокоуглеродистая цементованная сталь, что, вероятно, совершенно неоправданно – в данном случае мог быть использован более дешевый материал, например, сырцовая сталь.

Рыболовный крючок (рис. 69, 116) и две пластины (рис. 69, 110–111) откованы из сыродутного железа с повышенным содержанием фосфора. Пластины, видимо, являются кузнечными заготовками для ножей. Третья пластина (рис. 69, 115) пакетована из сырцово-й стали и закалена. Возможно, это обломок какого-либо орудия. Еще одна пластина (рис. 69, 119) откована из хорошей цементованной стали.

Обломок гвоздя (рис. 69, 121) изготовлен путем сварки железа с мягкой сырцово-й сталью, причем качество сварки невысокое.

Более половины проанализированных предметов составляют орудия труда, (серпы, тесло), а также ножи – наиболее массовая и наиболее восприимчивая к технологическим инновациям категория кузнечных изделий. Даже с учетом того, что количество металлографически изученных вещей невелико, можно выделить основные черты, характерные для горновской кузнечной продукции. Прежде всего нужно отметить примерно равное соотношение изделий из качественной цементованной стали и из сырцово-й. Примерно пятая часть всех поковок на селище изготовлена с применением высокофосфорного железа, что косвенно указывает на использовавшиеся источники сырья – железные руды осадочного происхождения или болотного.

По технологииковки можно отметить отсутствие сварных и наварных стальных лезвий, немногочисленность ножей, изготовленных с применением трехслойного пакета и примерно равное количество пакетованных и цельностальных конструкций. Металл поковок в основном хорошо очищен от шлаковых включений, кузнечная сварка в большинстве случаев проведена на высоком уровне. При ковке ножа (рис. 69, 107) кузнец среди трех заготовок с небольшой разницей по содержанию углерода правильно определил более твердую сталь и вывел ее на лезвие ножа. Отличается также нож (рис. 69, 109), где применена заэвтектоидная сталь, в которой, при определенном режимековки, по границам зерен выделяется цементит – непластичная структурная составляющая, придающая соответственно хрупкость всему изделию. Но в данном случае мастер при ковке подобрал правильный

температурный режим и включения цементита приобрели округленную форму –так обрабатывают заэвтектоидную сталь в современном производстве.

Другой нож отличается низким технологическим уровнем (рис. 69, 106): металл его слабо прокован и имеет микротрещины, появившиеся из-за нарушения температурного режимаковки. И последний важный момент: в подавляющем большинстве изделий наблюдается сильное обезуглероживание поверхностей и режущих частей орудий. Это сводит на нет все качества высокоуглеродистой цементованной, даже правильно обработанной, стали. Но в данном случае стоит обратить внимание на присутствие во многих образцах явных следов отжига – сфероидизации и коагуляции цементита, иногда в довольно высокой степени. Возможно, часть изученных предметов побывала в сильном огне, например, при пожаре, что вызвало отжиг металла и выгорание углерода с поверхности.

Было бы корректнее сопоставить результаты изучения структуры горновских кузнечных изделий с металлообработкой Поволжья XIII–XIV вв., но, к сожалению, таким сравнительным материалом мы не располагаем. Если обратиться к результатам исследований кузнечного ремесла Прикамья (Завьялов, 1984, с. 16–20; Завьялов, 1988, с. 119–142; Завьялов, 1989, с. 65–77; Зыков, 1987, с. 145–155; Толмачева, 1982, с. 56–62) в первой половине II тыс. н. э. и домонгольской Булгарии (Семыкин, 1991, с. 80), то можно отметить следующее: использование цементованной стали не характерно для родановского, чепецкого и болгарского «провинциального» ремесла. В Биляре, напротив, ножи из цементованной стали количественно преобладают над ножами из сырцово́й. Интересно, что часть немногочисленных изделий с использованием цементованной стали, найденных в Муромском городке, М.М. Толмачева считает привозными из «развитых ремесленных» центров (Толмачева, 1982, с. 62). Возникает предположение о подобном же происхождении цементованной стали на Горновском селище, например, из Болгара, где местные кузнецы для производства качественной продукции использовали цементованную сталь (Семыкин, 2015, с. 96). Но прояснить этот вопрос может только сопоставление наших изделий с синхронными поволжскими материалами.

Изучение технологии горновского кузнечного дела показывает, что его характеристики близки поволжским из Муромского городка. В Прикамье пакетование – редкость, в то время как для Муромского городка и Биляра – довольно распространенная технологическая схема. Трехслойный пакет, правда, в Муромском городке неизвестен вообще; в Биляре и Горново составляет незначительный процент (примерно восьмую и шестую части соответственно) от общего количества ножей и серпов, тогда как среди чепецких и родановских изделий наиболее часто встречается именно трехслойный пакет. Необходимо еще отметить, что технологические схемы сварки и наварки стального лезвия на Горново отсутствуют. В Муромском городке сделанных в соответствии с ними изделий немного (часть имеющих М.М. Толмачева, как было отмечено выше, относит к привозным), но они широко применялись в Биляре и древнеудмурдскими кузнецами. Кроме того, поверхностное обезуглероживание стали отмечено для кузнечной продукции Муромского городка.

Необходимо еще раз отметить, что приведенные сравнения весьма приблизительно определяют место горновского кузнечного ремесла в

ближайшем культурном окружении. Дело усугубляется еще и тем, что материал, использованный нами для сравнения, датирован достаточно широко (X–XIV вв.).

Описание микроструктур

Нож (рис. 69, 105). Шлаковых включений немного, но они довольно крупные. Остаточная кричная пористость. При травлении выявлена неоднородная феррито-перлитная структура с максимальным содержанием углерода 0,6–0,8%. На поверхности и лезвии металл обезуглерожен до 0,05–0,1%. Примерно по середине поля шлифа заметна продольная цепочка шлаковых включений с обезуглероженными участками рядом (феррит и феррито-перлит до 0,1% C) – результат сварки. Перлит тонкопластинчатый, частично сфероидизирован.

Нож (рис. 69, 106). Большое количество шлаковых включений и крупных остаточных пор. Феррито-перлитная полосчатая структура с неравномерным содержанием углерода (до 0,3%). Межкристаллитные трещины. На острие содержание углерода снимается до менее 0,1%. Весь эвтектоидный цементит сфероидизирован, частично выделился по границам зерен.

Нож (рис. 69, 107). Небольшое количество шлаковых включений, в основном мелких, но имеется несколько довольно крупных остаточных кричных пор (до 0,15–0,2 мм в поперечнике). По центру шлифа, с выходом на лезвие, расположена полоса с феррито-перлитной полосчатой структурой (до 0,6% C).

По краям шлифа расположены полосы неравномерно науглероженной стали с несколько меньшим содержанием углерода (до 0,3–0,494), но резкой границей между ними и центральной полосой. Сварные швы не читаются. На лезвии содержание углерода снижается до менее 0,194. Сфероидизация и коагуляция эвтектоидного цементита высокой степени (карбиды крупные, хорошо заметны при кратном увеличении 70–100), хотя наблюдаются отдельные зерна перлита с разорванными, укороченными пластинками цементита.

Материалом для изготовления ножа послужила сырцовая сталь с различной степенью науглероживания (приведенные значения содержания углерода очень приблизительны из-за сильной коагуляции цементита).

Нож (рис. 69, 108). Небольшое количество в основном мелких шлаковых включений, хорошо деформированных. При травлении выявлено пять хорошо читающихся сварочных швов с расположенными между ними полосами стали различной степени травления. По всей площади шлифа – структура сорбита отпуска, относительно равномерная в пределах каждой из полос.

Нож (рис. 69, 109). Шлаковых включений немного, хорошо деформированы при ковке. После травления выявлена следующая структура: на лезвии «пакетный» мартенсит соломенного цвета, слабо травящийся; в поверхностных слоях по краям шлифа – мартенсит и феррит; в сердцевине клинка – мартенсит, троостит и вторичный цементит в сфероидах и мелких зернах. Мартенсит мелкоигльчатый, микротвердость 946 кг/мм².

Нож откован из высокоуглеродистой стали хорошего качества (содержание углерода более 0,8 0/0). Ковка проведена при пониженных температурах, что обусловило сфероидизацию и укрупнение вторичного

цементита. Но, вместе с тем, во времяковки произошло сильное обезуглероживание поверхности и, в меньшей степени, лезвия. Нож закален на мартенсит.

Нож (рис. 69, 112). Клинок ножа сильно сработан. Большое количество крупных шлаковых включений и остаточных кричных пор. По центру клинка расположена полоса неравномерно науглероженной стали с максимальным содержанием углерода (около 0,40/0) с полосчатой структурой. По краям приварены полосы с ферритной структурой. Сварные швы незаметны. Высокая степень сфероидизации эвтектоидного цементита.

Нож (рис. 69, 113). Лезвие сильно сработано. Шлаковых включений относительно немного, хорошо деформированы при ковке. При травлении выявлены две полосы стали. Одна имеет полосчатую феррито-перлитную структуру с содержанием углерода до 0,2–0,3 0/0. Во второй, выходящей на лезвие ножа, структурными составляющими являются перлит и тонкая разорванная сетка цементита – содержание углерода здесь более 0,8 0/0. Сварочный шов незаметен. К поверхности ножа содержание углерода снижается до 0,5–0,6 0/0, на лезвии до 0,3–0,4 0/0. Наблюдаются участки сильной сфероидизации перлита. Вторичный цементит также частично сфероидизирован.

Нож (рис. 69, 114). Шлаковых включений немного, хотя они слабо деформированы. Выявлена однородная феррито-перлитная структура (содержание углерода 0,6–0,794), но с плавным снижением содержания углерода к поверхностям (до менее 0,1 0/0) и лезвию (до 0,494), но, если учесть, что лезвие сильно корродировано, то содержание углерода на режущем крае ножа было намного меньше. Весь перлит сфероидизирован или выделился по границам зерен.

Нож (рис. 69, 117). Довольно много шлаковых включений сильно деформированы при ковке. В центральной части шлифа – структура перлита (0,8 0/0). Содержание углерода постепенно убывает к краям. Поверхностные слои обезуглерожены до феррита, лезвие до 0,1–0,2 0/0, причем лезвие очень сильно корродировано, поэтому степень обезуглероживания была явно выше.

Нож (рис. 69, 118). Очень сильно корродирован. Шлаковых включений немного, мелкие, хорошо деформированы. Структура «пакетного» мартенсита (микротвердость 624 кг/мм²) с трооститом и небольшим количеством феррита. В поверхностном слое – феррит. Хорошо читаются три сварочных шва, один из которых расположен под углом к плоскости клинка.

Серп (рис. 70, 124). Шлаковых включений немного, мелкие. Феррито-перлитная однородная структура. Поверхность обезуглерожена до 0,1–0,2 0/0, но на лезвии содержание углерода максимальное (0,5–0,6 0/0). Перлит полностью сфероидизирован.

Серп (рис. 70, 125). Шлаковых включений немного, не крупные, хорошо деформированы. Вдоль одной из поверхностей клинка расположена зона перлита с сеткой феррита (содержание углерода 0,7–0,8 0/0). Поверхность и лезвие обезуглерожены до 0,1 0/0 и менее. Вдоль другой поверхности расположена широкая (почти половина толщины образца) зона феррита. Переход по содержанию углерода плавный, признаков сварки нет. В слое, переходном к ферриту, наблюдается видманштеттова структура.

Тесло (рис. 70, 123). Много шлаковых включений, несколько остаточных кричных пор. При травлении выявлено не менее 8 пластин

ферритной структуры и феррита с редкими зернами перлита (содержание углерода менее 0,1 0/0). Пластины различаются по крупности и различной интенсивности травления феррита, а также по наличию и количеству цементита. Балл зерна феррита от 1–2 до 6–7.

На лезвие выходит пластина со структурой крупнозернистого феррита, слабо травящегося. Его микротвердость 254 кг/мм² – вероятно, это высокофосфорный металл.

Ключ (рис. 70, 120). Довольно много шлаковых включений. По центру шлифа проходит полоса со структурой феррита, расположенная между двумя полосами неравномерно науглероженной стали (полосчатая феррито-перлитная структура, максимальное содержание углерода 0,4–0,5 0/0). Сварочных швов не заметно, но границы между железом и сталью довольно резкие.

Свинец (рис. 70, 122). Шлаковых включений мало, хорошо измельчены и деформированы. Сравнительно равномерная феррито-перлитная структура, содержание углерода 0,7–0,894. По краям шлифа заметны участки, обезуглероженные до 0,10/0 и менее. Перлит тонкопластинчатый. Применена нормализация стали с целью повышения ее прочности и твердости.

Рыболовный крючок (рис. 69, 116), пластины (рис. 69, 110, 111). Шлаковых включений мало, мелкие. Ферритная структура с зерном 1–2 балла, слаботравящаяся. Микротвердость 181, 254, 236 кг/мм² соответственно. Откованы из сыродутного железа с повышенным содержанием фосфора.

Пластина (рис. 69, 115). Шлаковых включений немного, хорошо измельчены и деформированы. Выявлен сварочный шов, засоренный шлаковыми включениями, соединяющий две пластины. Одна со структурой «пакетного» мартенсита, вторая имеет структуру феррита с отдельными небольшими участками мартенсита.

Пластина (рис. 69, 119). Немного шлаковых включений, но они довольно крупные и слабо деформированы. Феррито-перлитная структура с максимальным содержанием углерода (0,6–0,7 0/0). Поверхностные слои обезуглерожены до 0,1 % и менее. Перлит сильно сфероидизирован.

Гвоздь (рис. 69, 121). Много шлаковых включений. Выявлена структура феррита на большей площади шлифа и зона, науглероженная до 0,1–0,294 вблизи одной из поверхностей. Заметен засоренный шлаками сварочный шов. В пограничной зоне между сталью и ферритом наблюдается видманштеттнова структура.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Таблицы

Пред- меты	№ образца	Железо (<0,1%С)	Сырьцовая сталь	Цементов. сталь	Макс. содерж. С, %			Цельностальные	Односторонн. цементация	Трехслойный пакет	Пакетованные	Закалка, мартенсит	Обезуглерож. поверхности
					0,6	0,6-0,8	0,8						
Ножи	105		X			X					X		X
	106		X		X			X					X?
	107		X		X					X			X
	108			X?	?	?	?				X	X	
	109			X			X	X				X	X
	112	X	X		X					X			X
	113		X	X			X				X		X
	114			X		X		X					X
	117			X		X		X					X
	118		X?		X?						X	X	
Серпы	124			X	X			X					
	125			X		X			X				X
Тесло	123	X									X		

Табл. 1. Сводные данные металлографического анализа железных изделий Горновского селища

№ п/п	Квадраты раскопа	Форма	Размеры	Глубина	Наличие прокала	Обкладка песчанни ком	Находки	Мощность золяника в м
1.	2, 12	округ.	0,9×0,75	-	-	+	-	0,05
2.	15	овальн.	1×0,8	-	-	-	-	0,05
3.	21	овальн.	0,7×0,45	-	слабый	-	-	0,07
4.	23	округ.	0,32×0,2	-	слабый	-	кости жив.	0,1
5.	33	округ.	0,68×0,65	0,05-0,1	слабый	-	кости жив.	0,
6.	38	овальн.	0,75×0,55	-	слабый	-	кости жив.	0,05
7.	24	овальн.	1,64×1	0,05-0,1	слабый	+	кости жив.	0,15

Табл. 2. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Характеристика зольников

Яма №	Квадрат	Форма	Диаметр или размеры в м	Глубина в м от материка	Заполнение	Находки
1.	3-4	овальная	1×0,75	0,5	г	-
2.	4, 14	овальная	1,88×1,2	0,62	г, з, у	+
3.	7	овальная	1,15×0,74	0,52	г, з, у	+
4.	9	округлая	ок. 0,65	0,4	г	-
5.	10	округлая	ок. 0,45	0,3	г	+
6.	10	овальная (?)	1,12×0,75	1,05	г, у	+
7.	9	овальная	0, 7×0,5	0,55	г, з, у	+
8.	12-13	овальная (?)	2×2	1,0	г, у	+
9.	18	овальная (?)	2,25×1,2-1	0,38	г, з, у	+
10.	8-9, 18-19	вытянутая	3,25×1-0,5	0,35	г, у	+
11.	18-19	овальная	1,55×1,25	0,26	з, у	+
12.	19	округлая	0,45	0,3	г	-
13.	20	округлая	0,4	0,27	г	-

14.	22	?	0,75×0,2	0,3	г	-
15.	26А	?	3,23×1,6	1,3	г	-
16.	32	?	1,5×0,75	0,71	г, у, з	+
17.	35	овальная	0,65×0,4	0,18	г, у	-
18.	35	овальная	0,33×0,22	0,2	г, у	-
19.	36	округлая	0,3	0,33	г	-
20.	36	овальная (?)	1,2×1,7	0,2	г, у, з	+
21.	37	овальная (?)	0,56×0,55	0,15	г, у	-
22.	37	овальная (?)	0,45×0,4	0,2	г, у	+
23.	38	овальная (?)	3,05×1,75-1,5	1,27	г, у, з	+
24.	24	округлая	0,5×0,4	0,35	г	-

г – гумус, у – уголь, з – зола

Табл. 3. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Характеристика хозяйственных ям и очагов

№п/п	Кв.	Диаметр в м	Глубина в м	Заполнение
1.	27	0,17	0,15	г, з
2.	27	0,15	0,15	г, з, у
3.	27	0,18	0,18	г, з
4.	27	0,14	0,15	г, з
5.	28	0,2	0,2	г, з, у
6.	28	0,18	0,2	г, з, у
7.	28	0,19	0,22	г, з
8.	28	0,16	0,2	г
9.	28	0,2	0,15	г
10.	22	0,25	0,3	г, у
11.	22	0,22	0,2	г, у
12.	22	0,27	0,2	г, у
13.	22	0,25	0,2	г, у
14.	22	0,23	0,25	г, у
15.	23	0,25	0,2	г, у, з
16.	23	0,22	0,25	г, у
17.	23	0,3	0,25	г, у
18.	23	0,25	0,23	г
19.	23	0,25	0,2	г
20.	18	0,16	0,12	г
21.	18	0,16	0,15	г, з
22.	18	0,15	0,15	г, з, у
23.	18	0,17	0,2	г, з, у
24.	18	0,15	0,15	г, у
25.	19	0,15	0,15	г
26.	7	0,15	0,18	г, з
27.	40	0,25	0,2	г
28.	40	0,23	0,22	г
29.	40	0,28	0,2	г
30.	40	0,25	0,3	г
31.	40	0,23	0,28	г, у
32.	24	0,24	0,25	г
33.	24	0,25	0,32	г
34.	24	0,27	0,3	г, з
35.	24	0,3	0,25	г, у
36.	24	0,2	0,2	г, з, у
37.	24	0,23	0,25	г, у
38.	24	0,32	0,3	г
39.	24	0,25	0,27	г
40.	36	0,16	0,2	г, у
41.	36	0,21	0,15	г
42.	36	0,26×0,21	0,17	г

Предуралье в золотоордынское время

43.	36	0,15	0,15	г, у
44.	37	0,2	0,2	г
45.	37	0,2	0,15	г, у
46.	36	0,25	0,2	г, у
47.	36	0,17	0,15	г, у

г – гумус, у – уголь, з - зола

Табл. 4. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Характеристика столбовых ям

Находки (кв/шт.)	3/1-2	39/1	16/2	13/2	17/2	18/2	19/2	20/2	21/2	32/2	33/2	34/2	36/2	37/2	35/2	38/2	39/2	40/2
Кости животных	5	30	200		34	87	55	55	33	18	1	31	49	41	82	14	135	16
Зубы и челюсти животных			8	1		3											3	
Камни			10		2	2	3	4			10				1			3
Раковины					1							1						
Обмазка	2	2		7														
Керамика лепная (неорнамент.)		1	4		1		2	1	2	1								3
Керамика лепная (орнамент.)			1						1								4	
Керамика круговая (неорнамент.)		1	1		1	3	1	2			3		6	1	1		3	1
Керамика круговая (орнамент.)											1						1	
ВСЕГО: 998	7	34	224	8	39	95	61	62	25	19	28	32	55	42	84	14	146	23

Табл. 5. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Находки, штыки 1 и 2

Находки (кв/шт.)	2/3	3/3	4/3	5/3	6/3	7/3	8/3	9/3	10/3	11/3	12/3	13/3	14/3	15/3	18/3	21/3
Кости животных	15	9	72	72	122	114	22	19	1	4	8	30	76	100	1	1
Зубы и челюсти животных	2		3									4	4	2		
Камни	1	10	14	12	4	6	2	2				6		5	1	
Раковины			1										1			
Обмазка			1						2			1	2			
Керамика лепная (неорнамент.)											1		6	1	1	8
Керамика лепная (орнамент.)									1				1			3
Керамика круговая (неорнамент.)		4				1	2	1			1	1	9			22
Керамика круговая (орнамент.)													3			7
ВСЕГО: 825	18	23	91	84	126	121	26	22	4	4	10	42	102	108	3	41

Табл. 6. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Находки, штык 3

Находки (кв/шт.)	19/3	20/3	36/3	27/3	28/3	21/3	22/3	23/3	32/3	33/3	34/3	35/3	36/3	37/3	38/3	39/3
Кости животных	121	21	2	2	15	498	286	45	243	26	44	17	145	82	35	96
Зубы и челюсти животных								2	9							
Камни	12		1	1	20		20			16						
Раковины							1									
Обмазка		1				1	1									
Керамика лепная (без орнамента)	1					11	2	3	5	1			2	8		4
Керамика лепная (орнамент.)		1				2	3			1			2	1		1
Керамика круговая (без орнамента)	6	8			1	28	8	7	1		4		4	6	1	3
Керамика круговая (орнам.)	1						2	6					2			1
ВСЕГО: 1900	141	31	3	3	36	540	323	63	258	44	48	17	155	97	36	105

Табл. 7. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Находки, штык 3

Находки (кв/шт.)	40/3	3/4	4/4	5/4	6/4	7/4	8/4	9/4	10/4	17/4	18/4	20/4	19/4	23/4	36/4	35/4	37/4	38/4
Кости животных	105		50	5	203	40	55	130	4	290	212	177	32	167	93	93	63	35
Зубы и челюсти животных	1		1		2			6		2	2		1	8		8	1	
Камни			10		6	3	3	17		12	12	20	5	1		1	11	
Раковины										3							1	
Обмазка													1				2	
Керамика Лепная (неорнам.)	1				1						2	2		2		2	1	1
Керамика лепная (орнамент)	1										1							
Керамика круговая (неорнамент.)	1	4	3		1	2	2	4	1	1	8	10	7	41	1	1	2	7
Керамика круговая (орнамент.)	1					1					2	1						2
Днища круговые	11											1						
ВСЕГО: 2013	111	4	64	5	213	46	60	157	5	308	239	211	46	219	94	105	81	45

Табл. 8. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Находки, штыки 3 и 4

Находки (кв/шт.)	39/4	40/4	39/5	23-24/5	40/5	кв. 10, яма 6	кв. 32, яма 16	кв. 38, яма 23	кв. 4, 14, яма 2
Кости животных	358					220	165	252	93
Зубы и челюсти животных	2					2	9	7	7
Камни	12			8	1	20	10	18	8
Раковины						1		1	
Обмазка									

Керамика лепная (неорнам.)	17	1	1			1	3	12	1
Керамика лепная (орнам.)	3						1	2	
Керамика круговая (без орнамента)	14	19	2	6	1			4	3
Керамика круговая (орнам.)	3						1	2	
Днища круговые	1					1		5	
ВСЕГО: 1580	410	176	21	89	35	245	189	303	112

Табл. 9. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Находки в раскопе

Находки (кв/шт.)	кв. 7, яма 5	кв. 10, яма 5	кв. 9, яма 7	кв. 12-13, 14, яма 8	кв. 18, яма 9	кв. 18-19, яма 10	кв. 18-19, яма 11	кв. 36, яма 20	кв. 37, яма 22
Кости животных	36	3	3	75	9	7	28	18	7
Зубы и челюсти животных	1		1	3		1	4		1
Камни	4	1	1	21	13	3	12	4	2
Раковины				1			1		1
Обмазка			1	3			1		1
Керамика лепная (орнамент.)				1					
Керамика круговая (неорнамент.)				3		3	41		
Днища круговые				1					
ВСЕГО: 316	41	4	6	108	22	14	87	22	12

Табл. 10. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Находки в раскопе

№ ям	№ кв.	Размеры (м)	Глубина (м)	Заполнение
1	14/15, 29/30	1,05x2,64	0,71	Керамика, кости, камни, фр. железного ножа
2	30а	0,18x0,21	0,18	Кости, камни
3	12	0,36x0,25	0,26	-
4	28	0,13x0,14	0,09	-

Табл. 11. Горновское селище. Раскоп 2005 г. Характеристика ям

Штык	Керамика	Кости	Камень	Индивидуальные находки
1	1	15	7	метал. шлак – кв. 2. Всего – 1 ед.
2	12	169	28	метал. шлак, кв. 8, гл. 0,32 м. Всего – 1
3	34	567	41	железный крючок – кв. 9, фрагмент железного изделия – кв. 7, чугунный котел – кв. 8, метал. Шлак – кв. 19. Всего – 4 ед.
4	32	90	11	Фр. железного кольца – кв. 4, фр. железной стрелы – кв. 20, фр. железного изделия – кв. 8, фрагмент железного ножа – кв. 30, фрагмент железного ножа – кв. 23, метал. шлак – кв. 4, 16, бронзовая пряжка – кв. 8, глиняное пряслице – кв. 30. Всего – 10 ед.
5 (зачистка)	4	33	-	Фрагмент бронзового изделия – кв. 4, 19, фр. поливной керамики – 17, глиняная бусина – кв. 3, метал. шлак – 18, 5. Всего – 9 ед.
Итого	83	874	87	
Всего находок	1069			

Табл. 12. Горновское селище. Раскоп 2005 г. Характеристика находок по штыкам

Штык	Венчики		Стенки		Днища, придонные части	Всего
	Орнамент.	Неорнамент.	Орнамент.	Неорнамент.		
1	-	-	-	-	-	-
2	-	-	-	-	-	-
3	1	-	1	1	-	3
4	1	-	1	-	-	2
Итого	2	-	2	1	-	5

Табл. 13. Горновское селище. Раскоп 2005 г. Лепная керамика

Штык	Венчики		Стенки		Днища, придонные части	Ручки	Всего
	Орнамент.	Неорнамент.	Орнамент.	Неорнамент.			
1	-	-	-	1	-		1
2	-	-	1	10	1		12
3	2	1	7	19	-	2	31
4	-	1	7	16	4	2	30
5	-	-	4	-	-	-	4
Итого	2	2	19	46	5	4	78

Табл. 14. Горновское селище. Раскоп 2005 г. Круговая посуда

Штык	Венчики		Стенки		Днища, придонные части	Ручки	Всего
	Орнамент.	Неорнамент.	Орнамент.	Неорнамент.			
1	-	-	-	1	-		1
2	-	-	1	10	1		12
3	3	1	8	20	-	2	34
4	1	1	8	16	4	2	32
5	-	-	4	-	-	-	4
Итого	4	2	21	47	5	4	83

Табл. 15. Горновское селище. Раскоп 2005 г. Сводная таблица по керамике

Памятник	Культура	Комплекс/ шифр	Материал	Дата ВР	Калибровка (calAD)	
					68.2%	95.4%
Горновский могильник [Bea Szeifert at al., 2022, pp. 42-43, tabl. 1]	Чияликская культура	Погребение 4/женщина Poz-136209	Кость человека	810±30	1221-1264	1178 -1276
Горновский могильник [Bea Szeifert at al., 2022, pp. 42-43, tabl. 1]		Погребение 2/мужчина Poz-136209	Кость человека	810±30	1221-1264	1178 -1276
Нижне-Хозятковский могильник [Bea Szeifert at al., 2022, pp. 42-43, tabl. 1]		Погребение 1/мужчина Poz-136208	Кость человека	650±30	1295-1388	1281-1395
Нижне-Хозятковский могильник [Bea Szeifert at al., 2022, pp. 42-43, tabl. 1]		Погребение 2/женщина Poz-136246	Кость человека	650±30	1310-1397	1300-1406
Нижне-Хозятковский могильник [Bea Szeifert at al., 2022, pp. 42-43, tabl. 1]		Погребение 6/мужчина Poz-136324	Кость человека	655±30	1291-1388	1280-1395
Нижне-Хозятковский могильник [Bea Szeifert at al., 2022, pp. 42-43, tabl. 1]		Погребение 9/женщина Poz-136325	Кость человека	685±30	1280-1380	1274-1389
Нижне-Хозятковский могильник [Bea Szeifert at al., 2022, pp. 42-43, tabl. 1]		Погребение 10/мужчина Poz-136326	Кость человека	745±30	1233-1288	1225-1295

Нижне-Хозятковский могильник [Bea Szeifert at al., 2022, pp. 42-43, tabl. 1]		Погребение 11/мужчина Poz-136327	Кость человека	735±30	1265-1291	1226-1377
Нижне-Хозятковский могильник [Bea Szeifert at al., 2022, pp. 42-43, tabl. 1]		Погребение 13/женщина Poz-136327	Кость человека	735±30	1265-1291	1226-1377
Папское городище [Матвеева и др., 2020, табл. 1]	Макушинский тип	Основание вала (Л2) СОАН-9725	Дерево	550±45	1325-1425	1300-1440
Боровиковское I городище [Третьяков, 2024, с. 92-93, табл. 16]		Шурф №1, (кв. А1) СОАН-10005	Дерево	560±30	1326-1415	1312-1428
Прыговское городище [Морозов, Ковригин., 1997, с. 70]		Le-5040	Кость верблюда	700±80	1232-1393	1170-1412
Кордон Миассово I, мог. [Шорин, Шорина, Зыков, 2019, с. 66]		Погр. 1 Le-10990	Кость человека	660±70	1279-1394	1231-1420

Табл. 16. Серия радиоуглеродных дат памятников чияликской культуры
Предуралья и макушинского типа Притоболья

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Раскопки в Южной Башкирии // АО 1969 года. М.: Наука. 1970. С.170-171.
- Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. III. М.: АН СССР, 1940. С. 71-112.
- Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.
- Антонов И.В. К вопросу о болгарской миграции на территории Башкирии в период Золотой Орды // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 2. С. 105-114.
- Арматынская О.В. Тураевский II могильник и Икское III поселение // УАВ. Вып. 6-7. 2007. С. 120-130.
- Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 263 с.
- Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. 936 с.
- Ашихмина Л.И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1977. С. 139-166.
- Бартольд В.В. Башкиры // Сочинения. Т. V. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. С. 494-496.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. 278 с.
- Белорыбкин Г.Н., Иконников Д.С., Мельниченко О.В., Винничек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В. Средневековый город Мохши. Серия «Материалы и исследования по археологии». №4. 2-е изд. доп. Пенза: Изд-во ИРРПО, 2024. 264 с.
- Берс Е.М. Некоторые данные о древней истории Среднего Урала // ВАУ. Вып. 1. Свердловск: Уральский государственный университет, 1958. С. 3-21.
- Берсенёв Е.В., Тузбеков А.И. Результаты трасологического изучения костяных изделий с селища эпохи Золотой Орды Подымалово-1 (по материалам раскопок 2022 года // АЕС. 2024. №3. С. 47–59.
- Болдырева Е.М., Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д. Юртообразные жилища и постройки X–XII вв. на Самосдельском городище // НАВ. 2020. Т. 19, № 1. С. 211–229.
- Боталов С.Г., Маслюженко Д.Н., Миргалеев И.М., Парунин А.В., Русланов Е.В., Сорогин Е.И. История Южного Урала. Т. 5. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века). Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 424 с.
- Булгаков Р.М., Надергулов М.Х. Башкирские родословные. Вып. 1. Уфа: Китап, 2002. 480 с.
- БШ – Башкирские шежере. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 304 с.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Вальков Д.В., Русланов Е.В., Семин Д.В., Фахретдинов А.И. Стоянка и грунтовый могильник Калиновка-4 – многослойный памятник в лесостепном Приуралье // УАВ. 2020. № 20. С. 120-133.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X-XIV вв. Екатеринбург: Урал. изд. фирма «Наука», 1993. 246 с.

Васюткин С.М. Сынтыш-Тамакский курганный могильник // V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1967. С. 121-123.

Васюткин С.М., Горбунов В.С. Археологические исследования Башкирского государственного университета // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 215-216.

Верования и культы древнего и средневекового населения Южного Урала. АЭБ. Т. VI. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. 478 с.

Викторова В.Д. Могильник и поселение у д. Мыс на р. Нице // ВАУ. Вып. 4. Свердловск: УГУ, 1962а. С. 135-153.

Викторова В.Д. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // ВАУ. Вып. 4. Свердловск: УГУ, 1962б. С. 155-173.

Викторова В.Д. Курганы у с. Макушино на р. Нице. АЭБ. Т. 2. Уфа: Башкиргиздат, 1964. С. 247-250.

Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X-XIII вв. н.э. // УЗ ПГУ. №191 / Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV. Пермь, 1968. С. 240-256.

Викторова В.Д. Археологический факт // ВАУ. 1975. Вып. 13. С. 17-26.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 173-192.

Винничек В.А., Винничек К.М. Средневековые древности Никольского селища. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 88 с.

Винничек В.А., Винничек К.М. Изучение чугунных котлов и шлаков с Саловского I селища // ПА. 2024а. № 2 (48). С. 61-67.

Винничек В.А., Винничек К.М. Золотая Орда в Верхнем Посурье. Серия «Материалы и исследования по археологии». №5 (Труды пензенской археологической экспедиции. Том 4). Пенза: Изд-во ИРР ПО, 2024б. 144 с.

Воробьева С.Л. М.И. Касьянов (1895-1944) – основатель археологического отдела Национального музея Республики Башкортостан // АЕС. 2021. №6. С. 69-80.

Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 130-139.

Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических работах 1994 г. на территории Чишминского района Республики Башкортостан // Архив ИА РАН, ф. 1, р. 1 №18676. 159 л.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998а. 340 с.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Уфа, 1998б. 27 с.

Гарустович Г.Н. Захоронения эпохи средневековья Шиповского грунтового некрополя (Шиповский поздний могильник) // От древности к

новому времени (проблемы истории и археологии). Вып. VIII. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 37-44.

Гарустович Г.Н. Еще раз о датировках мусульманских кирпичных мавзолеев степной полосы Волго-Уральского региона // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012а. С. 126–136.

Гарустович Г.Н. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: АН РБ, Гилем, 2012б. 222 с.

Гарустович Г.Н. Башкирские земли в составе Улуса Джучи // ПИФК. 2015а. №4. С. 195–205.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // УАВ. 2015б. №15. С. 181-198.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. С. 17-30.

Гарустович Г.Н., Сунгатов Ф.А., Яминов А.Ф. Брик-Алгинские древности XIV века на западе Башкортостана // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 246-256.

Гарустович Г.Н., Рязанов С.В., Яминов А.Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкортостане. Уфа: Тау, 2005. 152 с.

Гарустович Г.Н., Овсянников В.В. Средневековое святилище на горе Уклякая на Южном Урале // ПИФК. 2012. №1(35). С. 179-187.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX-XV вв.). Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 328 с.

Гарустович Г.Н., Овсянников В.В., Русланов Е.В. Городище Уфа-II в золотоордынский период // Oriental Studies. 2018. №11(4). С. 32-42.

Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана: история, археология, биоантропология. Уфа: Китап, 2020. 400 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.

Голдина Р.Д. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 84-106.

Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. 1988. 280 с.

Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Дёмы // СА. 1977. № 1. С. 149–161.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1991 161 с.

Древности Башкирского Урала: коллективная монография / Составитель и научный редактор Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.

Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 179-180.

Завьялов В.И. Результаты металлографического исследования предметов из черного металла с памятников ломоватовской и родановской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск: Удмуртский университет, 1984. С. 16-20.

Завьялов В.И. Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1988. С. 119-142.

Завьялов В.И. Прикамский очаг черной металлургии первой половины II тысячелетия н.э. // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1989. С. 65-77.

Завьялов В.И., Терехова Н.Н., Щербаков В.Л. Металлургия и железообработка на сельских поселениях Древней Руси. М.: Таус, 2024. 216 с.

Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. М.: Наука, 1970. С. 40-127.

Зиливинская Э.Д. Жилые постройки Сарая по материалам раскопок 1984 года // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ. С. 114–120.

Зиливинская Э.Д. Домостроительство в Золотой Орде: синтез кочевнических и оседлых традиций // ЭО. 2011. №5. С. 141-155.

Зыков А.П. Технология кузнечного производства в Верхнем Прикамье в начале II тыс. н.э. (по материалам родановских и сылвенских памятников) // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1987. С. 145-155.

Иванов В.А. Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища // СА. 1977. №1. С. 292-295.

Иванов В.А. Исследование памятников эпохи железа в нижнем течении р. Белой // АО 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 132.

Иванов В.А. Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) // АЕС. 2020. №6. С. 253-278.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.: Наука, 1988. 96 с.

Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Археологические исследования поселенческого памятника эпохи позднего средневековья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1990-1966). Уфа: Изд-во Китап, 2007. С. 427-431.

Иванов В.А., Злыгостев В.А. Башкирский юрт Золотой Орды (1236-1437). Уфа: Китап, 2021. 272 с.

Иванова М.Г. Удмуртский могильник XVI-XVIII вв. у д. Нязь-Ворцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1991. С.115-118.

Казаков Е.П. Отчет Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1971 г. Т. 2. Исследования средневековых памятников в зоне затопления Нижнекамского водохранилища. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4647. 161 л., 126 ил.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 131 с.

Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции // АО 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 150-151.

Казаков Е.П. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 25-33.

Казаков Е.П. О взаимодействии болгаро-салтовского и приуральского населения (по материалам керамики Волжской Болгарии) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ, 1989. С. 122-133.

Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АНТ, 2007. 208 с.

Казаков Е.П. Постпетрогром в системе средневековых угорских культур Урало-Поволжья // ПА. 2022. №2(40). С. 102-113.

Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. Меллятамакское VI селище чияликской культуры // ПА. 2016. №2(16). С. 219-243.

Карпини П. История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: ГИГЛ, 1957. 287 с.

Касьянов М.И. На могиле Аташ-хана // «Красная Башкирия». 27 июня 1929 г.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / САИ. Е1-36. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1973. 213 с.

Клейн Л.С. Глубина археологического факта и проблемы конверсии // Stratum plus. 1996. №6. С. 337-361.

Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология. СПб.: «Бельведер», 2004. 470 с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси (IX–XVII вв.). М.: Наука, 2010. 269 с.

Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте в болгарской и болгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Вып. 23. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 185–213.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Болгарии второй половины XI – начала XV в. Казань: Издательство Института истории АН РТ, 2022. 383 с.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. №2. С. 92-111.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 191 с.

Корякова Л.Н., Ражев Д.И., Ковригин А.А., Шарапова С.В., Берсенева Н.А. Средневековый комплекс Большеказакбаевского 2 курганного могильника // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Часть 2. Материалы конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал, 1999. С. 73-89.

Костюков В.А. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. // Археология Южного Урала (проблемы культурогенеза). Челябинск: ЮУФИИА, 2006. С. 444-457.

Котов В.Г. Реликты культа гор у башкир по данным фольклора, этнографии и археологии // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 131-136.

Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X-XIX вв. // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. С. 261-321.

Курышова Н.П. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени // ПА. 2012. №1. С. 204-215.

Культура Биляра: болгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М.: Наука, 1985. 216 с.

Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. С. 130-147.

Куфтерин В.В., Насретдинов Р.Р. Антропологическая экспертиза останков из погребений некрополя у мавзолея Тура-хана // УАВ. 2023. Т. 23, №1. С. 84–108.

Лебедев А.И. Новые средневековые памятники на северо-востоке Башкирии // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа, 1995. С. 122–135.

Лебедев А.И. Жизненный путь Бориса Андреевича Койшевского (1902-1945) // УАВ. Вып. 18. 2018. С. 119-124.

Лобанов А.Н. Некоторые бытовые находки из Пскова // КСИА. № 195. М., 1989.

Лопан О.В. Чугунные котлы с раскопа СХСIV в Болгаре // Международный научный журнал «Вестник науки» № 10 (79) Том 2. 2024. С. 404-411.

Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях на территории Башкирской АССР в 1969 г. // Научный архив Института этнологических исследований УНЦ РАН. Ф.1. Оп.6. Ед.хр.52. 25 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977. 239 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII-XII вв. М.: Наука, 1981. 166 с.

Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века.: Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. 168 с.

Матвеева Г.И. Отчет археологической экспедиции Башкирского государственного университета за 1962 г. // Архив ИА РАН, ф. 1, р. 1, №18318. 68 л.

Матвеева Г.И. Памятники эпохи бронзы на р. Дёме. // Учёные записки Башкирского государственного университета. Вып. 14. Серия исторических наук. №3. Ч. 2. Уфа, 1963. С. 73-90.

Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Третьяков Е.А., Овчинников И.Ю. Хронологические комплексы раннего железного века и Средневековья в Зауралье (по материалам Папского городища) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 31–48.

Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С. Хронология средневекового вещевого комплекса Папского городища (лесостепь Западной Сибири) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 43-52.

Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Третьяков Е.А. Роль миграций в культурогенезе средневекового населения лесостепи и подтаежной зоны Западной Сибири // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1(64). С. 39–58.

Матюшко И.В. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 146-155.

Миргалеев И.М. К вопросу об единстве Золотой Орды в 1359-1380 гг. // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии // Серия: «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». Вып. 4. Казань. 2004. С. 96-99.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 163-235.

Морозов В.М. Поселение и жилище в системе хозяйственно-культурных типов // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: Тез. докл. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С.128-130.

Морозов В.М. История изучения петрогромской культуры // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. С. 110-114.

Морозов В.М., Ковригин А.А. Средневековый комплекс Прыговского городища // III Берсовские чтения. К 95-летию А.А. Берса и 90-летию Е.М. Берс. Екатеринбург: БКИ, 1999. С. 65-71.

Морозов Ю.А. Научный отчет о результатах археологических исследований в Чишминском районе Башкортостана в 2003 году // Научный архив УФИЦ РАН. Уфа, 2004.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Вост. лит., 2000. 224 с.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б., Аськеев И.В., Егорьев А.Н., Кочанова М.Д., Семькин Ю.А., Спиридонова Е.А., Шаймуратова Д.Н. Материальная культура золотоордынских селищ центральной части Саратовского Поволжья. М.: Вост. лит., 2024. 239 с.

Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. // МАВГР. Т. 3. М., 1899. С. 42-74.

Нечвалода А.И. Антропология носителей чияликской культуры по краниологическим материалам из могильников Центральной Башкирии // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы. Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019б. С. 447–452.

Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М. Чугунная посуда Джукетау: предварительные результаты междисциплинарных исследований // ПА. 2017. № 2 (20). С. 236-254.

Обыденнова Г.Т. Отчет об исследовании Горновского селища в 2005 году. Том №1, 2 // Архив ИА РАН, №32610, 32611. 123 л.

Обыденнова Г.Т., Иванов В.А., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Археологические исследования поселенческого памятника эпохи позднего средневековья в Чишминском районе Республики Башкортостан в рамках программы «Башкирский аул XVI-XIX веков: историко-археологическое исследование» // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа: Китап, 2007. С. 55-66.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Итоги работы археологической экспедиции БГПУ им. М. Акмуллы за последние 10 лет (1998-2008) // Труды КАЭЭ. Вып. 5. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 76-83.

Овсянников В.В. Предкараабызские памятники Прибелья (некоторые историографические и источниковедческие аспекты) // АЕС. 2017. № 4. С. 70-88.

Овсянников В.В., Юсупов Р.М. Золотоордынское погребение у д. Удрякбаш Благоварского района // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 283-285.

Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // УАВ. 2005. Вып. 5. С. 218-240.

Овсянников В.В., Русланов Е.В. Мончазинское городище — многослойный памятник в Южном Предуралье // Oriental Studies. 2021. №14(2). С. 301-313.

Останина Т.И. Раннемусульманский могильник у д. Алтаево в Башкирской АССР // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 33-38.

Пальцева Д.У. Булгарские костяные детали снаряжения коня и всадника X-XIV вв. // АЕС. 2022. №1. С. 220-229.

Пастушенко И.Ю. История изучения так называемой «сылвенской» культуры // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск: Издат. дом «Удм. ун-т», 2002. С. 171-187.

Пастушенко И. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. 2005-2006. №9. С. 40-70.

Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // УАВ. 2007. Вып. 6-7. С. 162-184.

Перевоицков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 2. Ижевск: ИИКНП, 2002. 176 с.

Перевоицков С., Волкова З. Результаты металлографического анализа железных предметов из Кишертских могильника и I поселения в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. 2006. №9. С. 71-80.

Прибельская равнина в эпоху Золотой Орды. Новые исследования. Альбом-каталог. Уфа: Мир печати, 2024. 88 с.

Проценко А.С., Сафуанов Ф.Ф., Камалеев Э.В., Кисагулов А.В. Древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2022-2023 годов. Уфа: Первая типография, 2024. 88 с.

Постикэ Г.И., Бакуменко-Пырнэу Л.В. Чугунные котлы Шехр Ал-Джедида (Орхейул Веке — Старый Орхей, Республика Молдова) // ПА. 2020. № 2 (32) С. 181-200.

Ражев Д.И. Антропологическое исследование Пылаевского грунтового могильника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. С. 147-152.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.

Решетников Н.Л. Исследования Дербешкинского поселения и могильника в устье реки Белой // Finno-Ugrica. 2007. №10. С. 155-164.

Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: ГИГЛ, 1957. С. 87-194, 222-245.

Руденко К.А. К вопросу о сельских булгарских поселениях XIII- начало XIV вв. // Закавказье: Проблемы истории и культуры. Тезисы. Казань, 1995. С. 38.

Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993-94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. С. 60–71.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII-XIV вв. Казань: Репер, 2000. 157 с.

Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI– XIV вв. Казань: РИЦ «Школа», 2001. 220 с.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: «Заман», 2003. 512 с.

Руденко К.А. Волжская Булгария в XI-начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: РИЦ «Школа», 2007. 244 с.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды (по данным археологии) // ПА. 2013. №2(4). С. 189-211.

Руденко К.А. Датировка археологических памятников XIV – начала XV в. Низовий Камы // АЕС. 2020. №5. С. 198–213.

Руденко К.А. Пойменные поселения Западного Закамья в XI – начале XV в. и кочевники // АЕС. №3. 2022. С. 175-180.

Руденко К.А. Раннеордынский комплекс находок на пойменных селищах низовий Камы // АЕС. №2. 2024. С. 145-157.

Руденко К.А., Казаков Е.П. Коминтерновское III селище эпохи Золотой Орды в Татарстане // ПА. № 4 (42) 2022. С. 101-112.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Академия наук СССР, Башкирский филиал, Институт истории, языка и литературы. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 394 с.

Рудь (Постникова) Н.М. Одонтологическая характеристика населения из могильника Такталачук // В кн.: Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. С. 120-128.

Русланов Е.В. Памятники финальной бронзы Береговского археологического микрорайона // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: Челяб. гос. краеведч. музей, 2015. С. 181-186.

Русланов Е.В. Разведка в Чишминском районе Башкирии // АО 2017 г. М.: ИА РАН, 2019. С. 362-364.

Русланов Е.В. Позднесредневековые погребения с площадки Нижегородского III поселения в районе Уфимского полуострова // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных: матер. V междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2019. С. 185–187.

Русланов Е.В. Результаты исследования Новотроицкого грунтового могильника в контексте древностей золотоордынского времени Башкирии // ВГО. 2020а. №2(18). С. 77 – 85.

Русланов Е.В. Несколько раннемусульманских погребений из грунтовых могильников лесостепного Предуралья // УАВ. 2020б. № 20. С. 134-140.

Русланов Е.В. Стратиграфия и культурная идентификация городища Чукраклы и селища Кармасан в лесостепном Предуралье // ВГО. 2021. №1(21). С. 101-109.

Русланов Е.В. Селища чияликской культуры золотоордынского времени в Южном Предуралье: планировка, хронология и культурные связи // В сборнике: XXII Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны. Курган: КГУ, 2022. С. 288-290.

Русланов Е.В. Мавзолей Бэндэбикэ – статусный погребальный памятник с территории Улуса Шибана: история изучения и окружающий контекст // АЕС. 2022. №3. С. 106-113.

Русланов Е.В. Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023а. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 118–130.

Русланов Е.В. Археологические микрорайоны Южного Урала: теория и практика научного изучения. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023б. 260 с.

Русланов Е.В. Работы Золотоордынской экспедиции в центральной Башкирии // Археологические открытия. 2021 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. – М.: Институт археологии РАН, 2023в. С. 419-420.

Русланов Е.В. Кашинная керамика золотоордынского времени с чияликских селищ Южного Урала // АЕС. 2024а. №3. С. 195-205.

Русланов Е.В. О возможных причинах болгарской миграции в Предуралье в золотоордынское время // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024б. Т. 11, № 3 (43). С. 141–147.

Русланов Е.В., Русланова Р.Р., Ляскович В.И. Исследования памятников эпохи бронзы и средневековья в центральной Башкирии // АО 2018 г. М.: ИА РАН, 2020. С. 393-395.

Русланов Е.В., Ахметова Е.А., Кисагулов А.В. Использование фаланг лошади населением чияликской культуры по материалам селища Ябалаклы-1 (Южный Урал) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. №23(5). С. 129-142.

Русланов Е.В., Кисагулов А.В. Структура стада у населения чияликской культуры Южного Урала // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025. Вып. 1. (47). С. 118-129.

Русланов Е.В., Савельев Н.С., Курманов Р.Г. Динамика освоения горно-лесной зоны Южного Урала в эпоху бронзы – Нового времени по данным междисциплинарных исследований в приустьевой части р. Кана // АЕС. 2025 (в печати).

Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды (Итоги предварительного исследования). Уфа: УНЦ РАН, 1997. 68 с.

Рязанов С.В. Металлургия железа на Южном Урале в XIII – XIV вв. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 125 с.

Рязанов С.В., Гарустович Г.Н. Кузнечные изделия Горновского селища // УАВ. 2007. Вып. 6-7. С. 185-190.

Савельев Н.С. На границе Европы и Азии: факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир / Институт этнологии и антропологии РАН. М.А.Бермишева, В.А.Иванов, Г.А.Киньябаева и др. СПб.: Алетейя, 2011. С. 11-24.

Савельев Н.С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // УАВ. 2014. Вып. 14. С. 191-206.

Савельев Н.С. Памятники гамаюнской и курмантауской культур юго-западной оконечности Уральской горной страны // УАВ. 2018. Вып. 18. С. 24-42.

Савельев Н.С., Савельева А.Г., Николаев С.Ю. Комплекс находок Нового времени со стоянки Первомайский-1 (Южное Зауралье): к вопросу о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности памятника // Oriental Studies. 2020а. Т.13. №4. С. 843–865.

Савельев Н.С., Николаев С.Ю., Румянцев М.М. Исследования стоянки Первомайский-1 (эпоха камня, ранние кочевники, Новое время) в Южном Зауралье // УАВ. 2020б. Вып. 20. С. 141–154.

Савельев Н.С., Николаев С.Ю., Румянцев М.М., Русланов Е.В., Савельева А.Г., Сулейманов Р.Р., Хурмаев А.А., Кунгурцев А.Я. Комплекс материальной культуры башкир Южного Урала XVIII–XIX вв. (по данным селища Имсяк-Тау-1 в горно-степном Зауралье) // УАВ. 2023. Т. 23. № 2. С. 300–319.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 5-88.

Садыкова М.Х. Археологические материалы о хозяйстве башкир в IX–XIV вв. // АЭБ. Т. IV. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1971. С. 143-147.

Семенов В.А. Ципкинский могильник XVII–XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск: НИИ при СМ Удмуртской АССР, 1987. С. 89-112.

Семыкин Ю.А. Технология кузнечного производства Биляра // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань: Ин-т яз., лит. и истории, 1991. С. 79-108.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 21. Казань: Отечество, 2015; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2015. 168 с

СМИЗО, 1884: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург, 1884. 588 с.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: АН СССР, 1957. С. 5–113.

Стрельцов Ф.В. Шихан на правом берегу р. Белой // Известия Сарапульского земского музея. Вып. IV. М., 1914. С. 97-98.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким // МИА. 1952. № 27. 226 с.

Толмачева М.М. Техника металлического производства в Волжской Булгарии в X–XIII вв. по данным металлографии // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.: Наука, 1982. С. 56-62.

Третьяков Е.А. Урало-Сибирский регион в развитом средневековье (к вопросу о памятниках макушинского типа) // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной. Курган: КГУ, 2022. С. 300-303.

Третьяков Е.А. Культура населения Притоболья в эпоху развитого средневековья: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2024. 457 с.

Тузбеков А.И. Кашинная керамика с селища Подымалово-1 (по результатам раскопок 2019 года) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. №4. С. 157-165.

Тузбеков А.И., Камалеев Э.В. Поливная кашинная керамика XIII–XV вв. с территории Башкирского Приуралья // ПИФК. 2021. № 1 (71). С. 126–139.

Турикешев Г.Т.-Г., Данукалова Г.А., Кутушев Ш.-И.Б. Южное Предуралье: география, геология, тектоника и геоморфология: монография. М.: Изд-во «ИНФРА-М», 2016. 260 с.

Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр (Улытау, Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2, С. 106-113.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ. 1966. 276 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царёвского городища (Новый Сарай) в 1959 – 1966 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 68 – 171.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 229 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1: Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1998. С. 38-59.

Халиков А.Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // АЭБ. Т. IV. Уфа: БФ ОИ АН СССР, 1971. С. 30–37.

Харламов П.В. Золотоордынские кирпичные мавзолеи западного Оренбуржья // АЕС. 2018. №4. С. 193–196.

Хасанова З.Ф. Временные летние жилища башкир инзерского бассейна в XIX-начале XXI // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37). С. 127-136.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.

Хлебникова Т.А. Неполивленная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

Хорошев А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М. Наука, 1997. С. 14-17.

Хурмаев А.А. Новые исследования памятников эпохи энеолита и позднего средневековья в лесостепном Предуралье // АЕС. 2025 (в печати).

Хурмаев А.А., Алексеева А.Ю., Фаррахов А.А. Новые данные по динамике культурного развития и освоения среднего течения р. Дёма в эпоху бронзы (Южный Урал) // ВГО. 2025 (в печати).

Чаиркин С.Е. Культовые комплексы восточного склона Северного Урала // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: материалы III Междунар. истор. конгресса финно-угроведов (28 октября – 1 ноября 2003 г.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 443.

Шапран И.Г. Малиновский могильник XVI-XVII вв. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УО АН СССР, 1988. С. 112-123.

Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX - первая четверть XX в. М.: Наука, 1984. 252 с.

Шорин А.Ф., Волков Р.Б., Ражев Д.И. Средневековый могильник на поселении Перегон V около г. Екатеринбурга // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. III. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1999. С. 183-188.

Шорин А.Ф., Шорина А.А., Зыков А.П. О датировке и культурной принадлежности средневекового могильника Кордон Миассово 1 в горно-

лесном Зауралье // История и современное мировоззрение. 2019. №2. С. 63-70.

Эрдели И. «Большая Венгрия» // Acta archeologica. Т. XIII. Budapest, 1961. С. 307-319.

Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: АН СССР, 1960. 165 с.

Юсупов Р.М., Султангареева Р.А., Шитова С.Н. Башкирская юрта. Методическое пособие. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. 60 с.

Ютина Т.К. Исследования Дербешкинского могильника в Актанышском районе Республики Татарстан // Finno-Ugrica. 2007. №10. С. 73-98.

Янбухтина А.Г. Народные традиции в убранстве башкирского дома. Уфа: Башк. изд-во «Китап», 1993. 131 с.

Balázs Gyuris, Leonid Vyazov, Attila Türk, Pavel Flegontov, Bea Szeifert, Péter Langó, Balázs Gusztáv Mende, Veronika Csáky, Andrey A. Chizhevskiy, Ilgizar R. Gazimzyanov, Aleksandr A. Khokhlov, Aleksandr G. Kolonskikh, Natalia P. Matveeva, Rida R. Ruslanova, Marina P. Rykun, Ayrat Sitdikov, Elizaveta V. Volkova, Sergei G. Botalov, Dmitriy G. Bugrov, Ivan V. Grudochko, Olexii Komar, Alexander A. Krasnoperov, Olga E. Poshekhonova, Irina Chikunova, Flarit Sungatov, Dmitrii A. Stashenkov, Sergei Zubov, Alexander S. Zelenkov, Harald Ringbauer, Olivia Cheronet, Ron Pinhasi, Ali Akbari, Nadin Rohland, Swapan Mallick, David Reich, Szécsényi-Nagy A. Long shared haplotypes identify the Southern Urals as a primary source for the 10th century Hungarians // bioRxiv [Preprint]. 2024 Jul 23:2024.07.21.599526.

Bea Szeifert, Dániel Gerber, Veronika Csáky, Péter Langó, Dmitrii A. Stashenkov, Aleksandr A. Khokhlov, Ayrat G. Sitdikov, Ilgizar R. Gazimzyanov, Elizaveta V. Volkova, Natalia P. Matveeva, Alexander S. Zelenkov, Olga E. Poshekhonova, Anastasiia V. Sleptsova, Konstantin G. Karacharov, Viktoria V. Ilyushina, Boris A. Konikov, Flarit A. Sungatov, Alexander G. Kolonskikh, Sergei G. Botalov, Ivan V. Grudochko, Olexii Komar, Balázs Egyed, Balázs G. Mende, Attila Türk, Szécsényi-Nagy A. Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6th–14th century populations of the Volga-Ural region // Human Molecular Genetics. 2022. Vol. 31, 19. P. 3266–3280.

Bea Szeifert, Attila Türk, Dániel Gerber, Veronika Csáky, Péter Langó, Dimitrij A. Sztashenkov, Szergej G. Botalov, Ayrat G. Szitgyikov, Alekszandr Sz. Zelenkov, Balázs Gusztáv Mende, Szécsényi-Nagy A. A korai magyar történelem régészeti és archeogenetikai kutatásának legfrissebb eredményei Nyugat-Szibériától a Középső-Volga vidékig // Archaeologiai Értesítő. Volume 147, Issue 1. 2022. P. 33–74.

ПРИНЯТЫЕ СКОКРАЩЕНИЯ

АЕС – Археология евразийских степей
АО – Археологические открытия
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
БГПУ им. М. Акмуллы – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВГО – Вестник гуманитарного образования
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
ПА – Поволжская археология
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
УАВ – Уфимский археологический вестник
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
шт. – штык
ЭО – Этнографическое обозрение

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

РУСЛАНОВ Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, руководитель Золотоордынской археологической экспедиции ИИЯЛ УФИЦ РАН, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, проспект Октября, д. 71, лит. У, У1, г. Уфа, 450054, Россия; e-mail: butleger@mail.ru

ОБЫДЕННОВА Гюльнара Талгатовна – доктор исторических наук, профессор, кавалер ордена «Салавата Юлаева», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, проспект Октября, д. 71, лит. У, У1, г. Уфа, 450054, Россия; e-mail: gto1104@mail.ru

ГАРУСТОВИЧ Геннадий Николаевич (27.08.1957 – 24.05.2017) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. В область научных интересов входили вопросы, связанные с изучением средневековых тюркоязычных кочевников степной полосы Евразии, лесостепного населения эпохи средневековья, вопросы религиоведения и распространения ислама на Южном Урале.

РЯЗАНОВ Сергей Владимирович (26.10.1963 – 15.07.2022) – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Специалист в области черной металлургии Золотой Орды.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

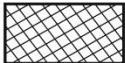
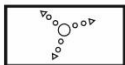
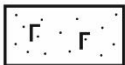
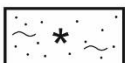
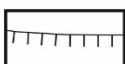
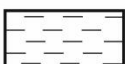
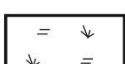
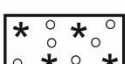
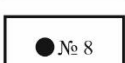
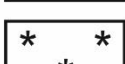
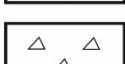
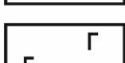
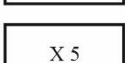
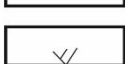
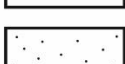
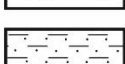
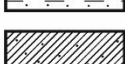
	- лес		- средне гумусированная супесь
	- кусты		- гумусные прослойки (погребенная почва)
	- луг		- серая гумусированная супесь
	- пашня		- светло-серая супесь перемешанная с золой (выбросы из печи)
	- обрыв		- серая супесь (предматериковый слой)
	- проселочная дорога		- материк (светло-серая супесь)
	- границы культурного слоя		- прокалы красного цвета
	- болото		- прокалы серо-коричневого цвета
	- зольник		- столбовые ямы
	- камни		- хозяйственные ямы
	- кости животных		- контуры жилищных сооружений замеченные на поверхности по небольшим западинам
	- угольки		- чёрный жирный гумус
	- скопление керамики		- развал сосуда
	- гумус		- индивидуальные находки
	- дёрн		- контуры каркасно-столбового жилища (сооружение «О»)
	- жёлто-серая супесь (наносы)		
	- прослойка серой супеси (в наносах)		
	- супесь слабо гумусированная (погребенный наносами почвенный слой)		

Рис. 1. Условные обозначения

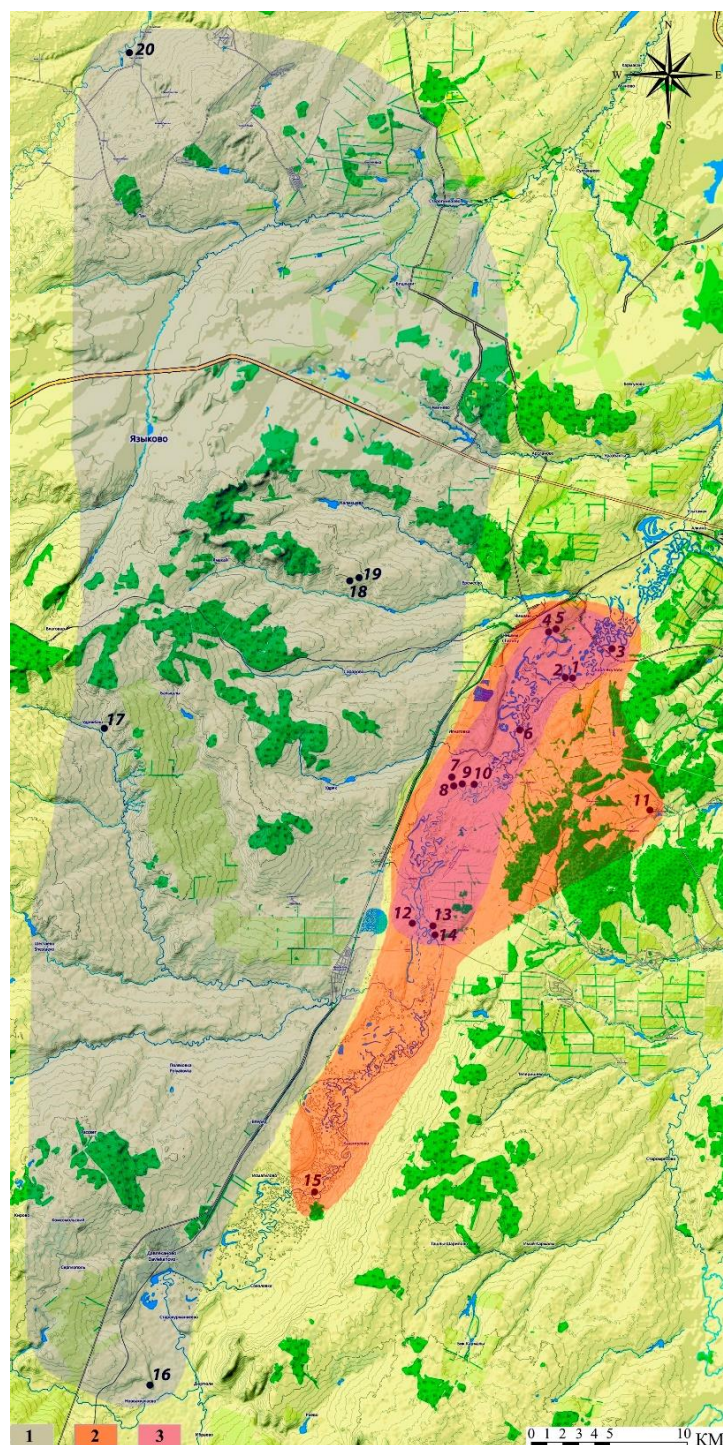

Рис. 2. Памятники золотоордынского времени в бассейне р. Дёма.

На карте цветом обозначены: 1 – территория кочевания позднесредневековых номадов в долине р. Дёмы; 2 – границы Дёмской группы памятников чияликской культуры по Г.Н. Гарустовичу; 3 – границы Горновского археологического микрорайона. Памятники, указанные на карте: 1 – Горновское селище; 2 – Горновский грунтовый могильник; 3 – Кара – Якуповский грунтовый могильник; 4 – Чишмы – 1, селище; 5 – Мавзолей Хусейн бека; 6 – Кучумово – 3, селище; 7 – Нижнехозятовское селище; 8 – Нижнехозятовский грунтовый могильник; 9 – Нижнехозятково – 2, селище; 10 – Нижнехозятково – 3, селище; 11 – Новотроицкий грунтовый могильник; 12 – Ябалаклы – 1, селище; 13 – Новые Ябалаклы – 1, селище; 14 – Новые Ябалаклы – 2, селище; 15 – Калиновка – 4, стоянка и грунтовый могильник; 16 – Аккулаевский курган; 17 – Удрякбашевский курган; 18 – Мавзолей «Малый кешене»; 19 – Мавзолей Тура-хана; 20 – Сынтыштамакский могильник.

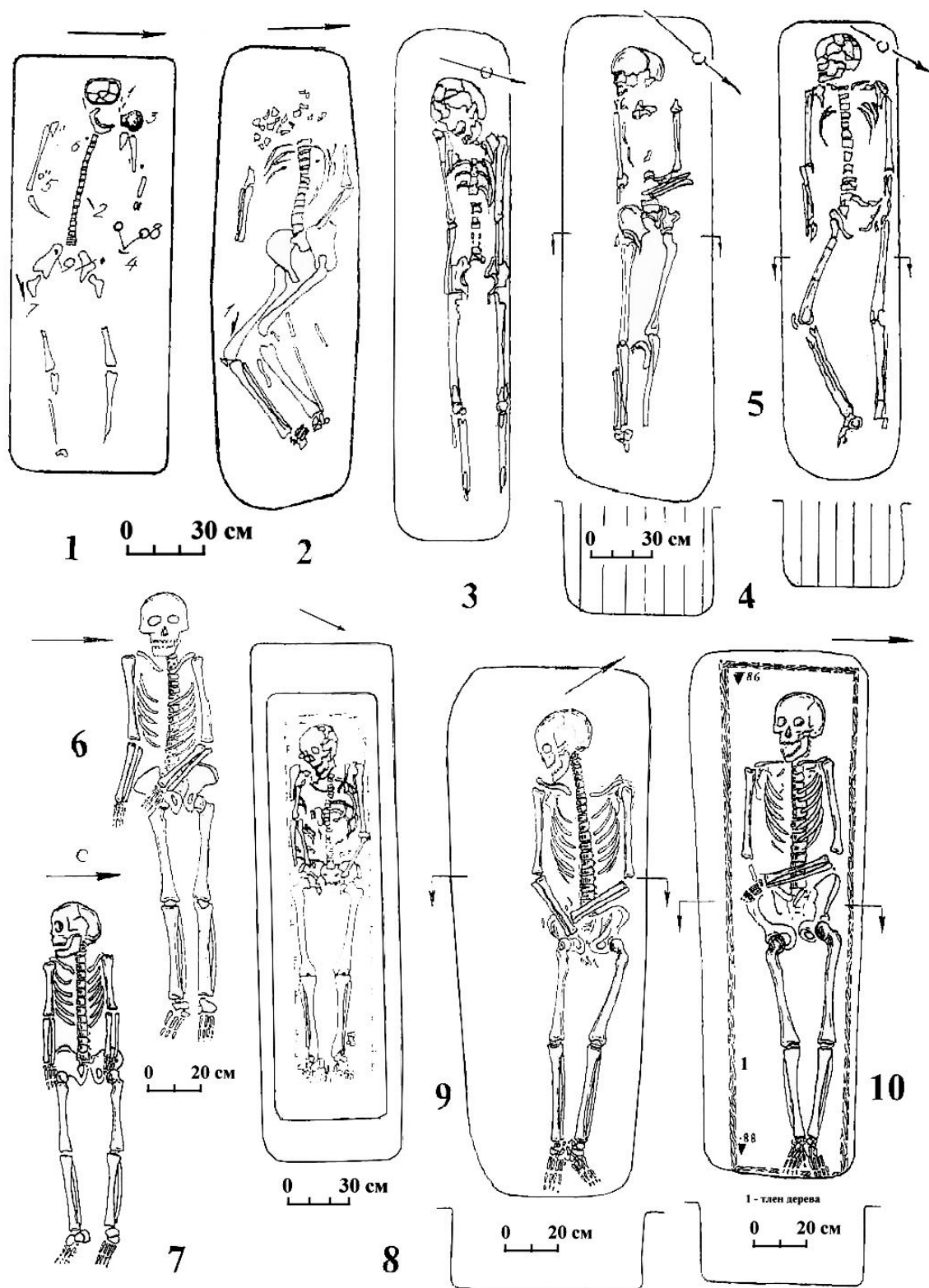

Рис. 3. Погребения чияликской культуры:

1-5 – захоронения первого (постпетрогромского или мрясимовского) этапа;
 6-10 – захоронения второго (позднего) этапа (1-2 – Кишертский грунтовый могильник;
 3-5 – Тураевский II; 6-7, 9-10 – Нижне-Хозятовский могильник; 8 – Азметьевский I
 могильник)

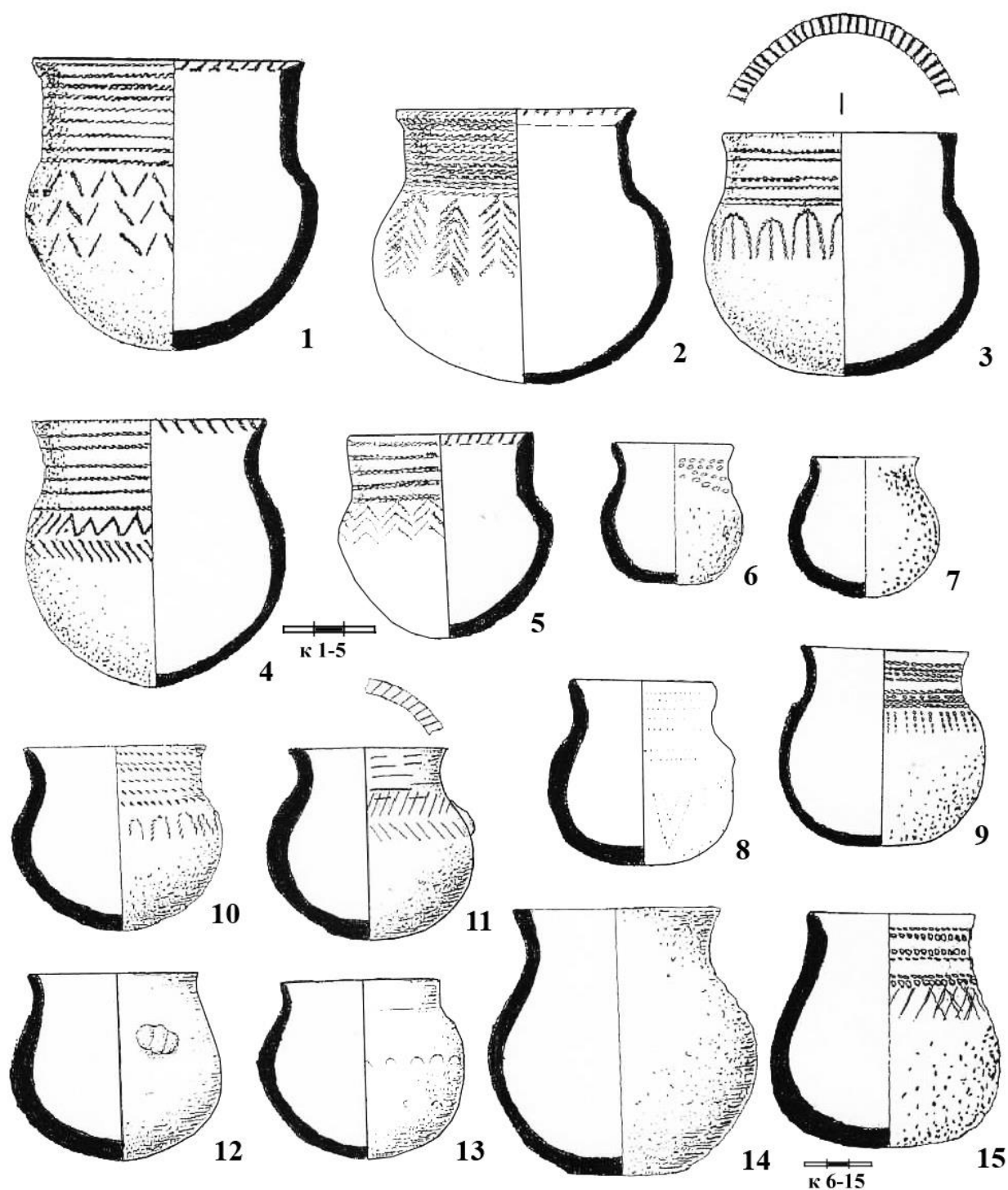

Рис. 4. Лепная керамика чиялыкской культуры:
 1-5 – сосуды первого (постпетрогромского или мрясимовского) этапа;
 6-15 – сосуды второго (позднего) этапа
 (1-5 – Кишертский могильник; 6-15 – Такталачукский могильник)

Рис. 5. Площадка Горновского селища. Фотография 2023 г.

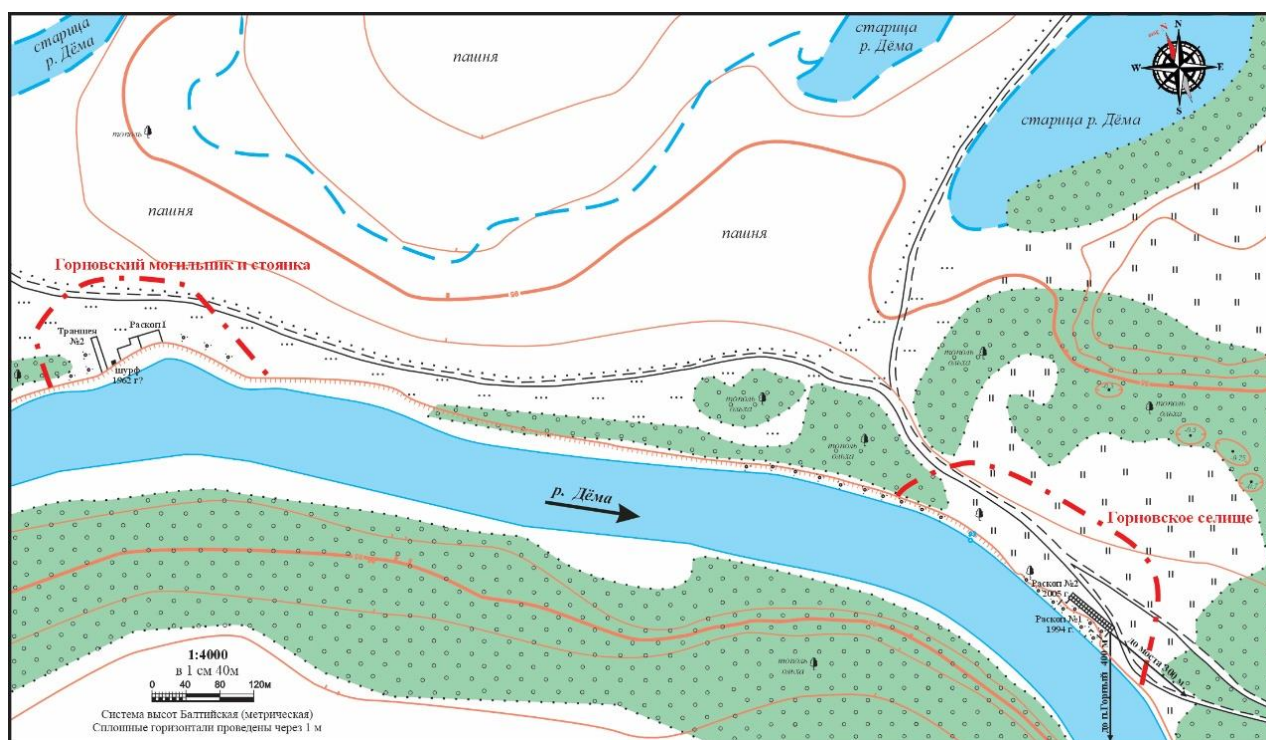

Рис. 6. Горновский комплекс памятников: селище, могильник и стоянка

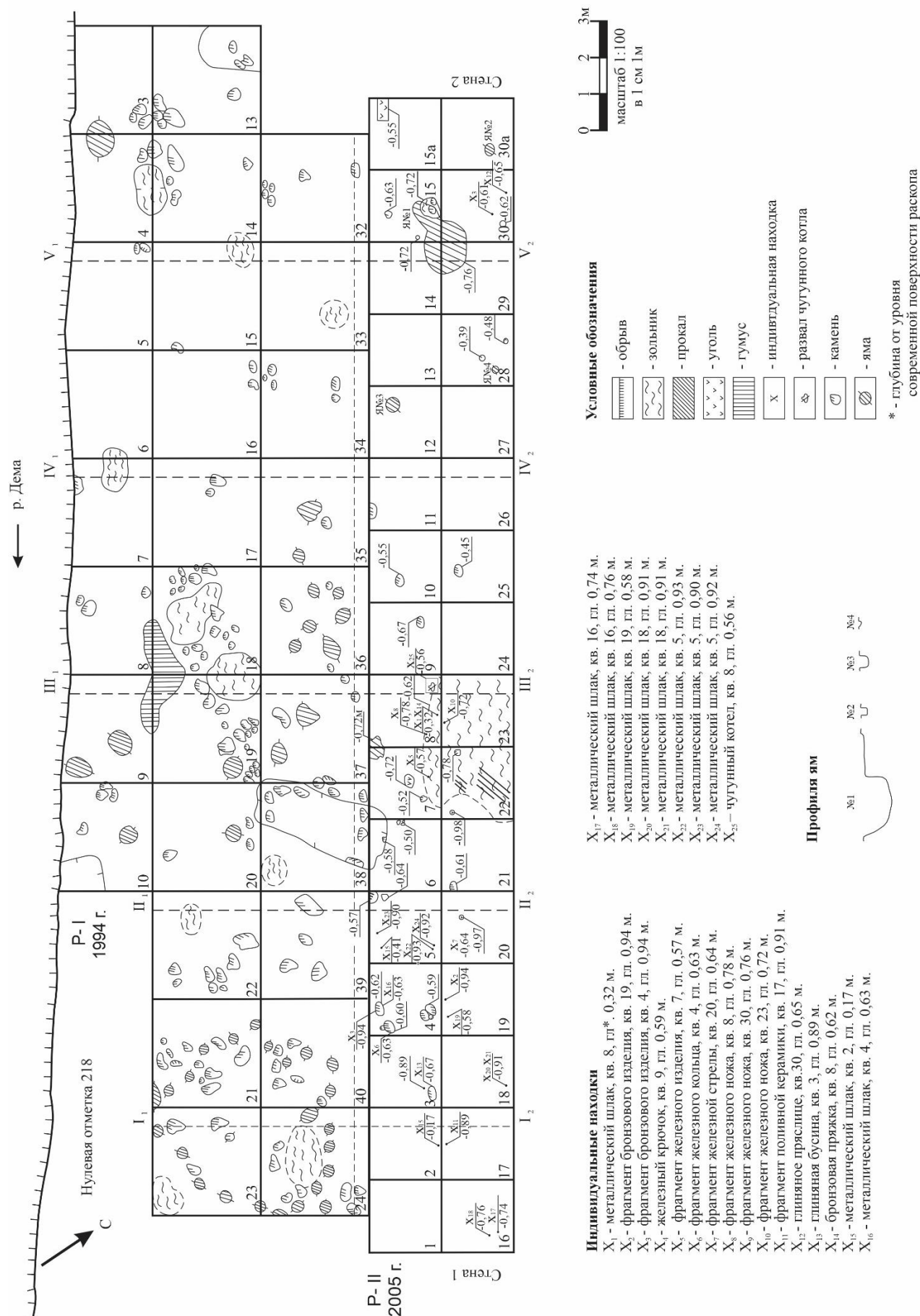

Рис. 7. Горновское селище. Совмещенный план раскопок 1994 и 2005 гг.

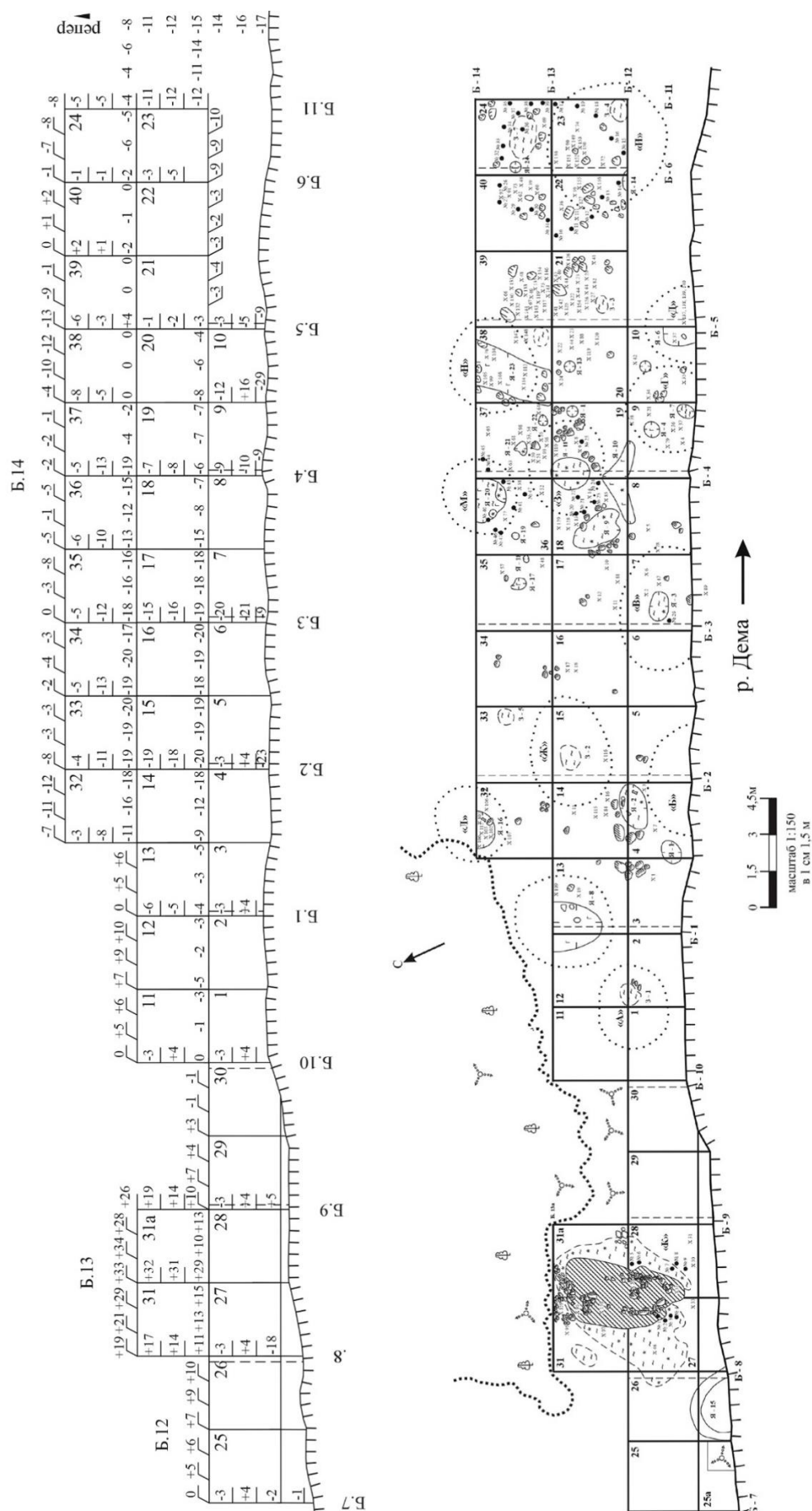

Рис. 8. Горновское селище. План раскопа 1994 г.

Archaeological map of the B-2, B-3, and B-4 sites. The map is divided into a grid of numbered plots (3-19). Various archaeological features are marked, including pits (Я-1, Я-2, Я-3, Я-8, Я-9, Я-10, Я-11, Я-16, Я-20, Я-21, Я-22), ditches (3-2, 3-5), and other structures. A scale bar at the bottom right indicates 1:50 scale, 1 cm = 50 cm. A north arrow is in the top left. The map is labeled with 'Б-2', 'Б-3', and 'Б-4' at the bottom, and 'р. Дема' (Deima River) with an arrow pointing right.

95

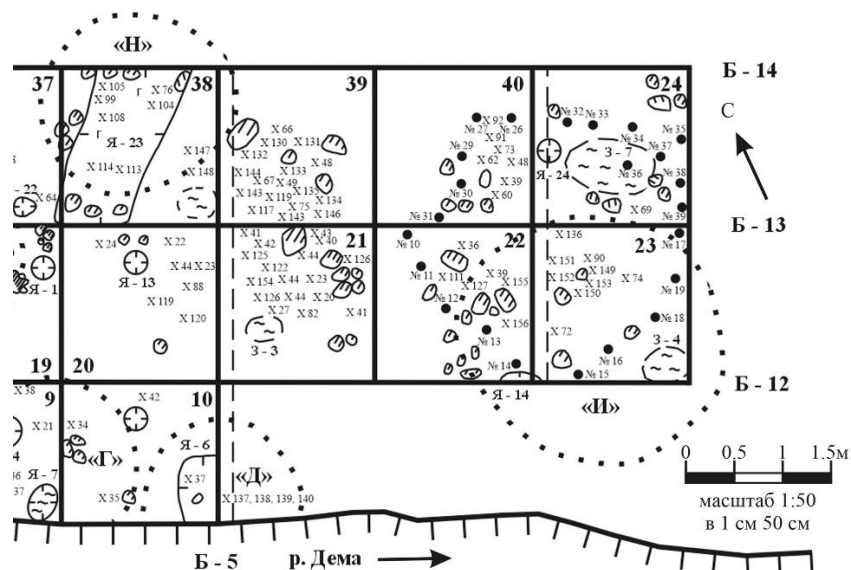

Рис. 10а. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Сооружения «В», «Г», «Д», «З», «М», «Н», зольник-3, ямы 3-7, 9-13, 17-23 (продолжение)

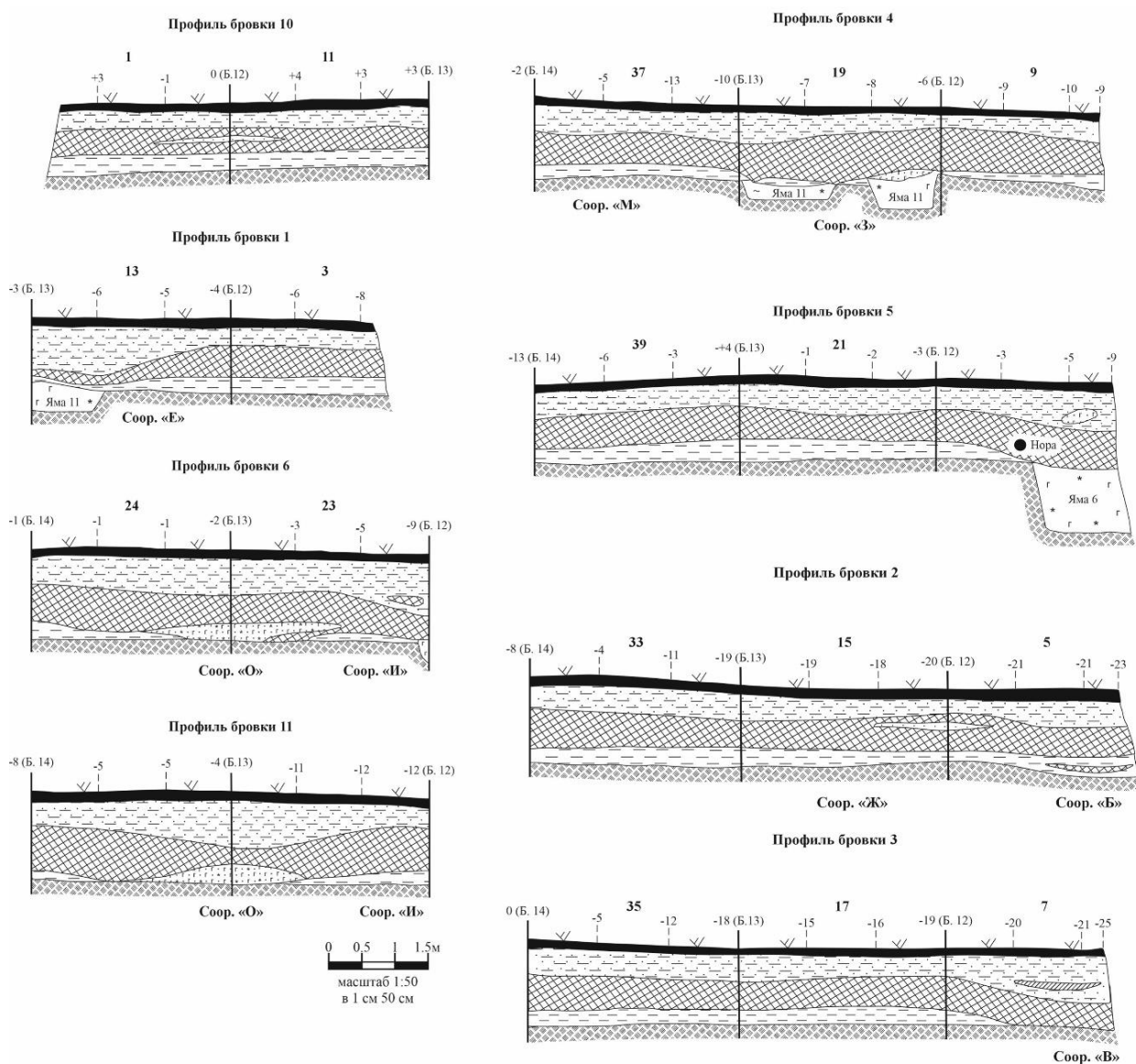

Рис. 11. Горновское селище. Стратиграфия раскопа 1994 г.

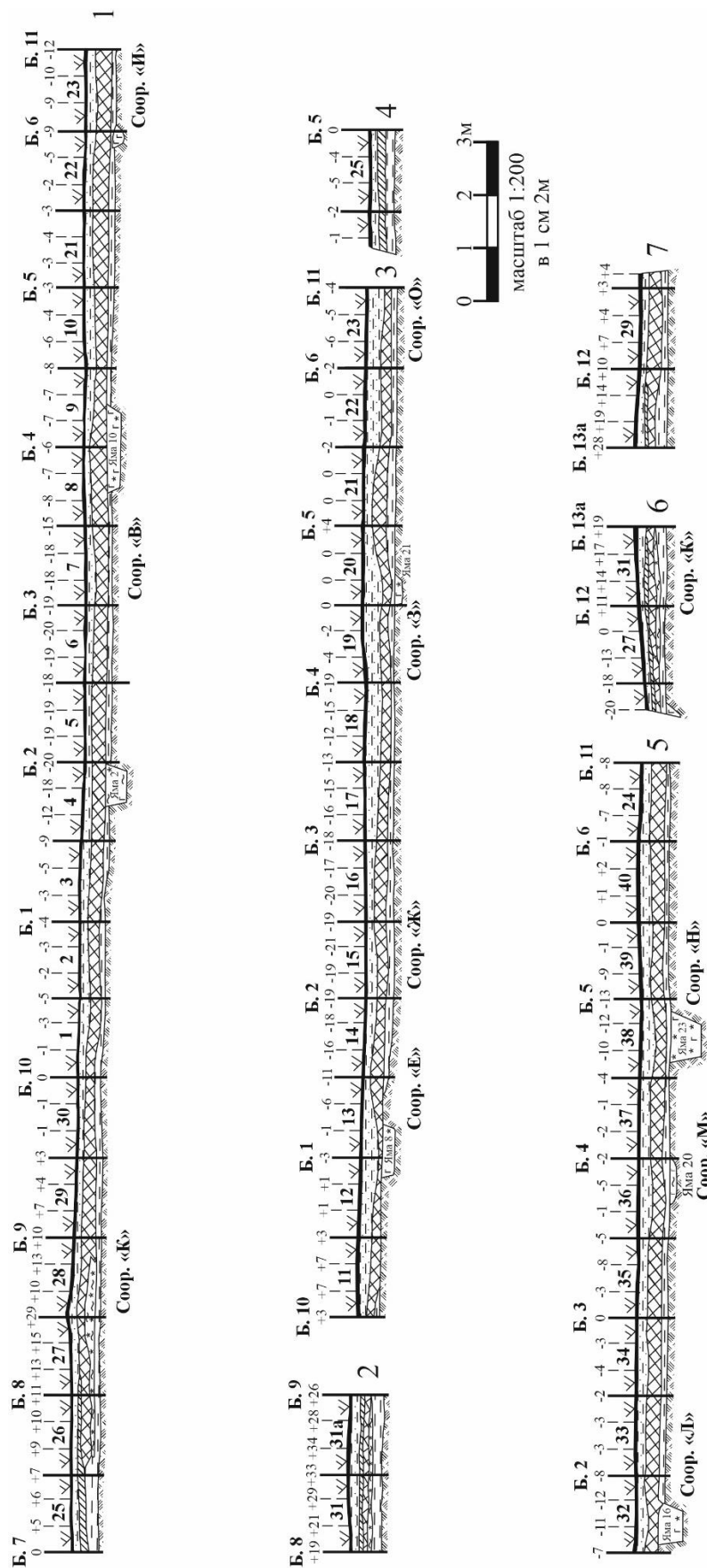

Рис. 12. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Профили бровок раскопа. 1-бровка №12; 2-бровка №13-а; 3-бровка №13; 4-западная стенка раскопа (бровка №7); 5-северная стенка раскопа (бровка №14); 6-бровка №8; 7-бровка №9

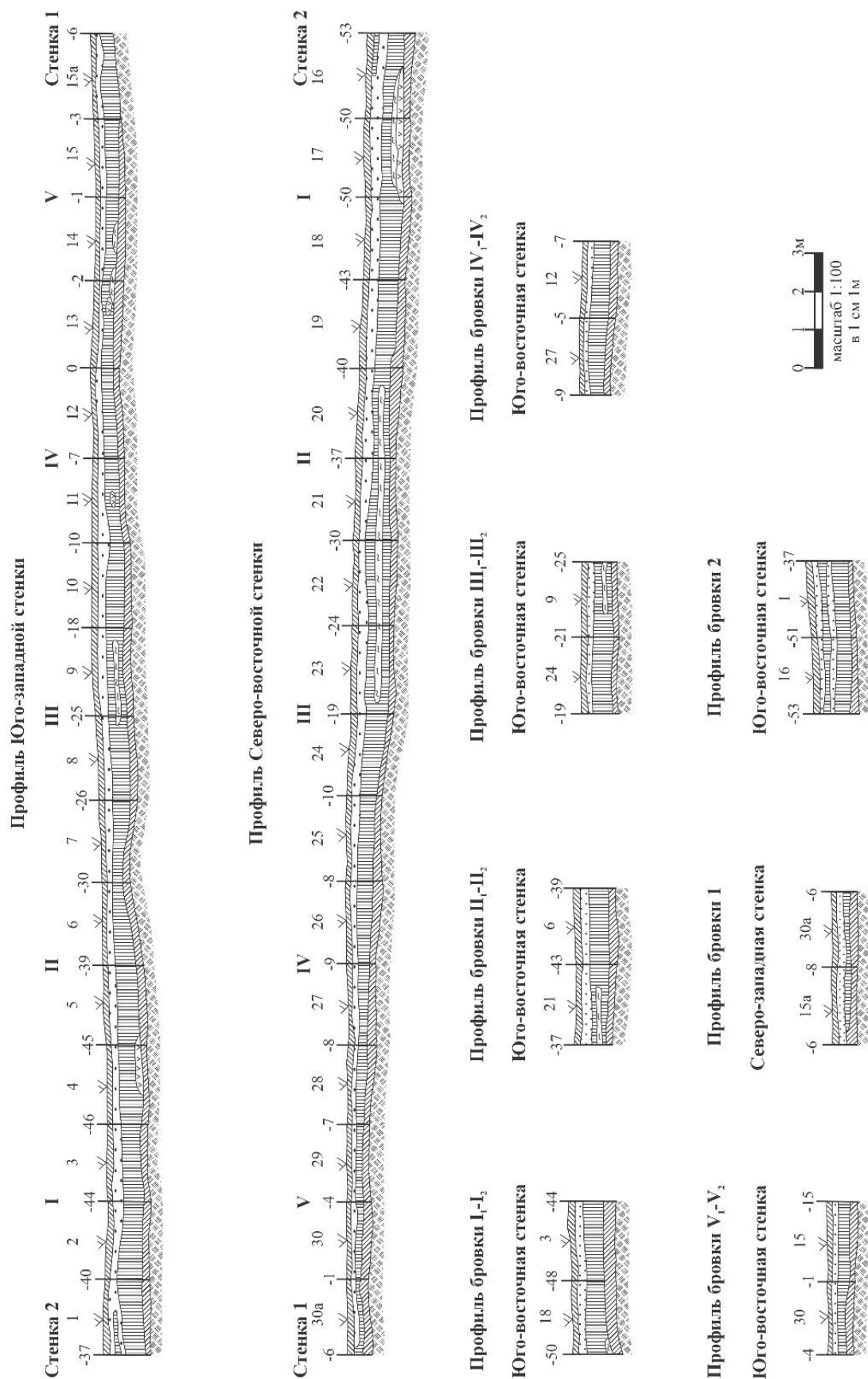
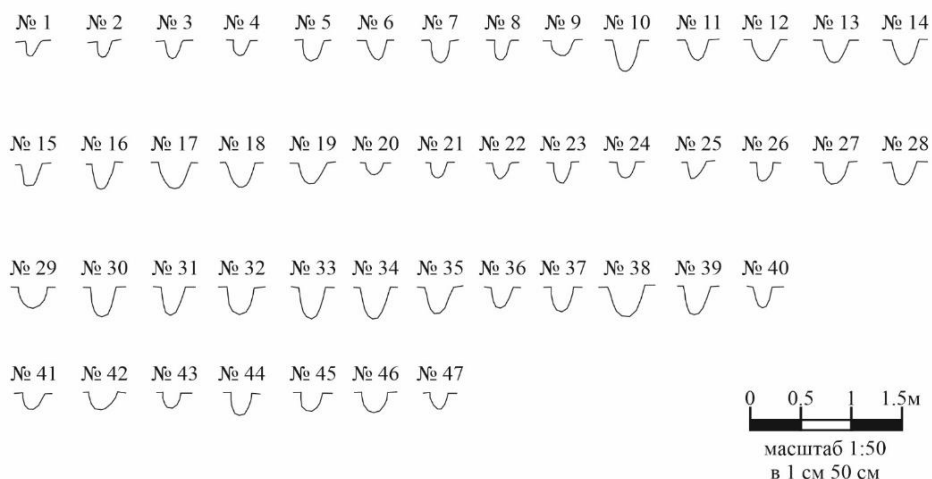

Рис. 13. Горновское селище. Раскоп 2005 г. Профиля стенок и бровок

Профили зольников (в материк)

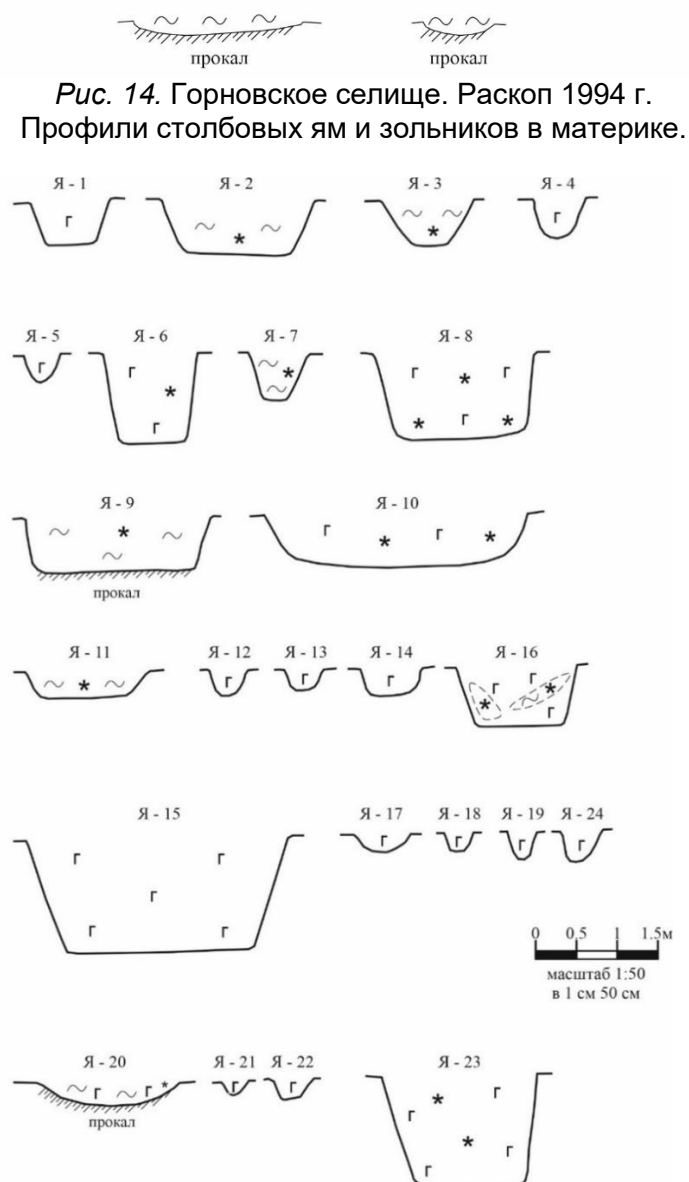

Рис. 15. Горновское селище. Раскоп 1994 г.
Профили хозяйственных ям в материке

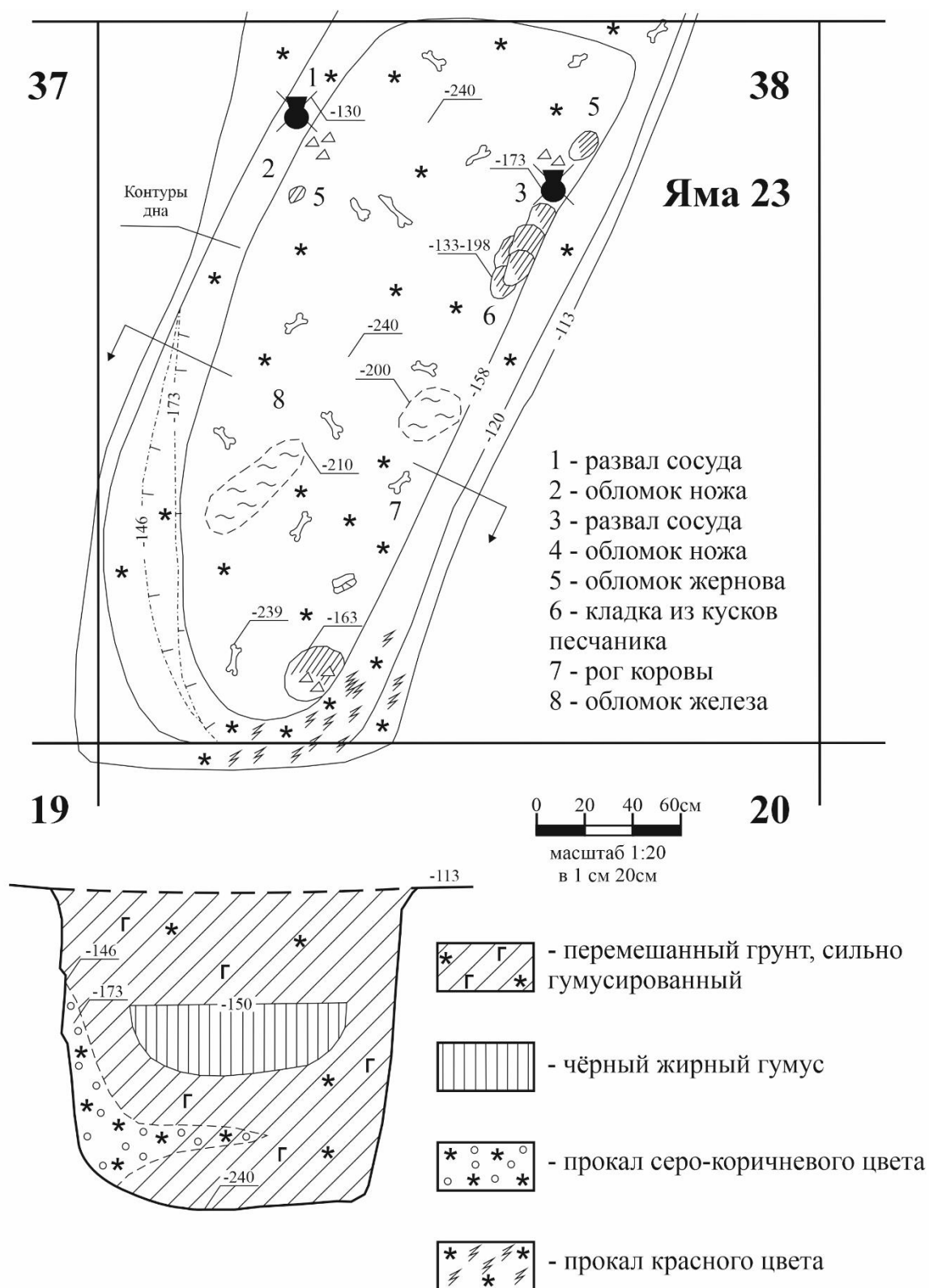

Рис. 16. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Хозяйственная яма в кв. 38

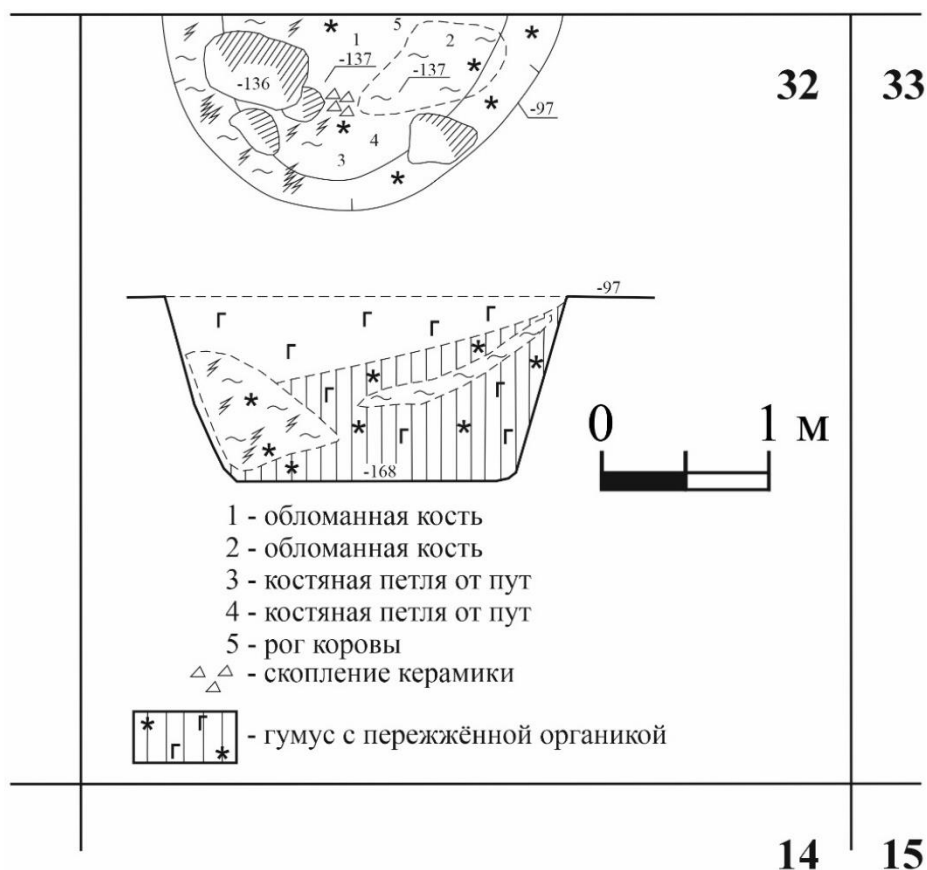

Рис. 17. Горновское селище. Раскоп 1994 г. Хозяйственная яма в кв. 32. Сооружение «Л»

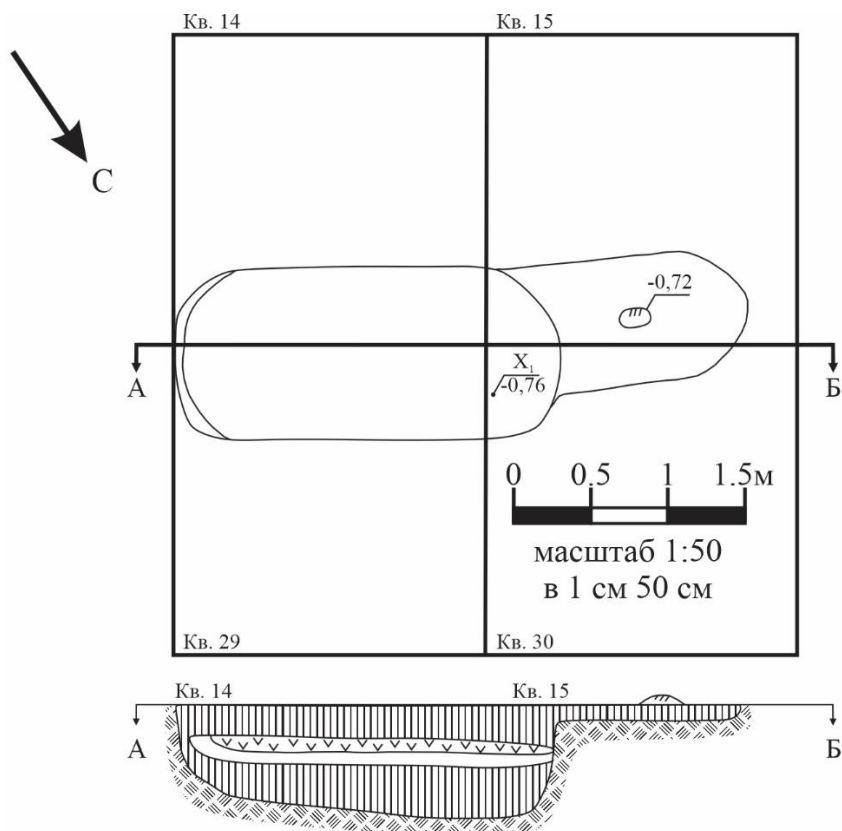

Рис. 18. Горновское селище. Раскоп 2005 г. Врезка ямы №1 кв. 14/15, 29/30. Вид с северо-востока

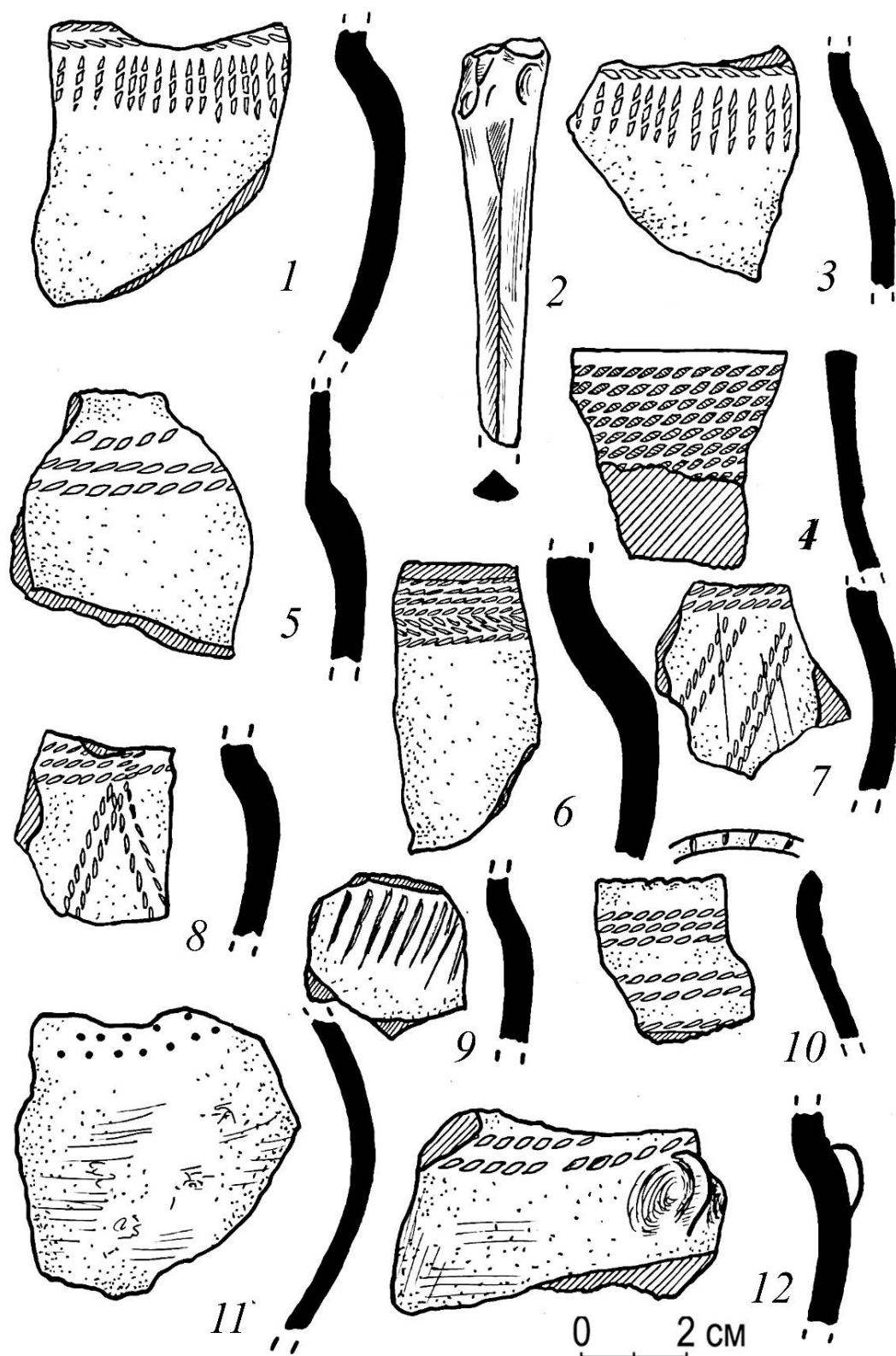

Рис. 19. Горновское селище, раскоп 1994 г.

Пласт 2, кв. 39. 3 4, 5-фрагменты стенок лепных сосудов.

Пласт 3. 1-фрагмент стенки лепного сосуда (кв. 39); 6-фрагмент стенки лепного сосуда (кв. 35); 7-фрагмент стенки лепного сосуда (кв. 35); 11-фрагмент стенки лепного сосуда (кв. 23); 12-фрагмент стенки лепного сосуда (кв. 39). **Пласт 4**. 2-кость (кв. 23); 8-фрагмент стенки лепного сосуда (кв. 39); 9-фрагмент стенки лепного сосуда (кв. 39); 10-фрагмент венчика лепного сосуда (кв. 35).

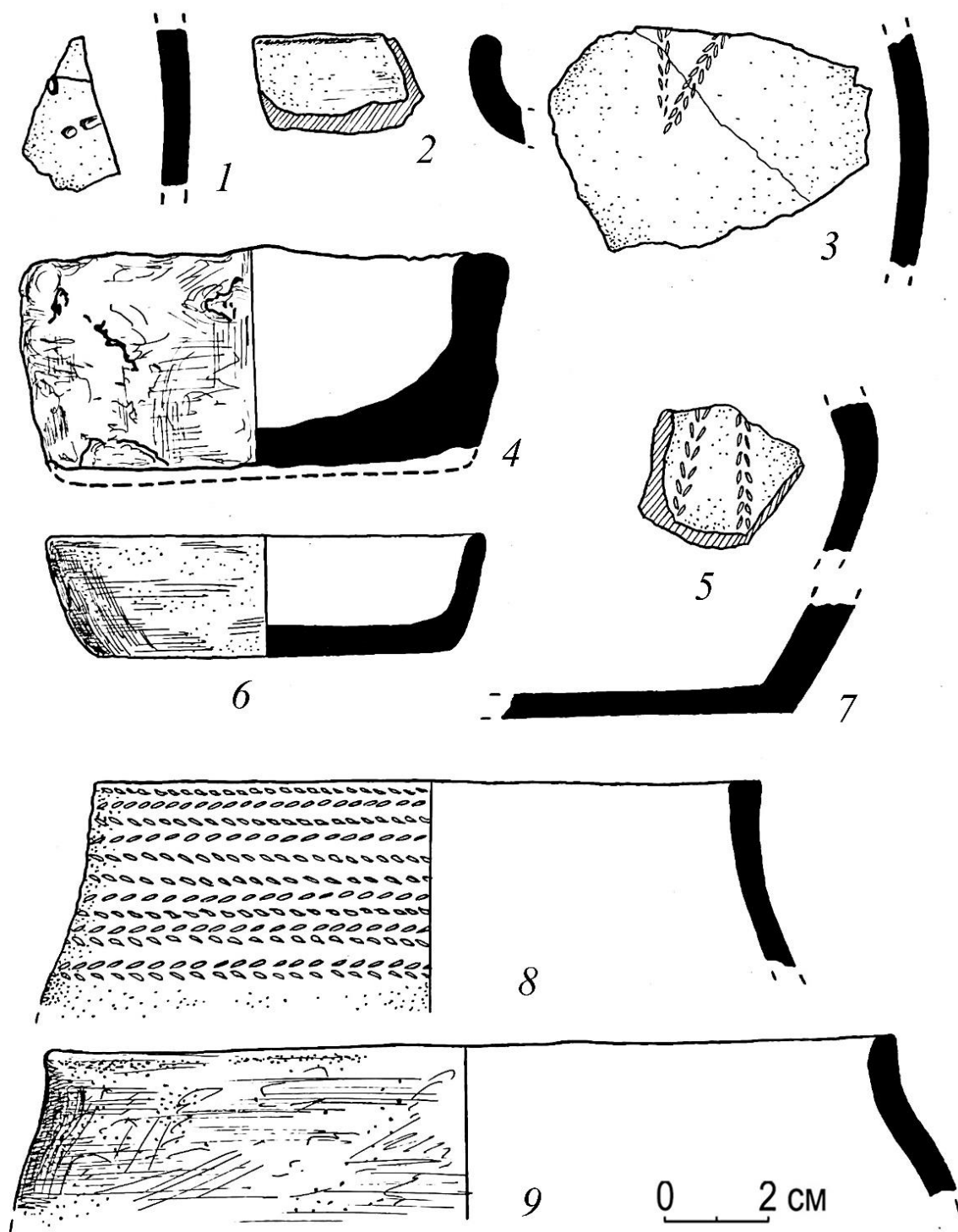

Рис. 20. Горновское селище, раскоп 1994 г.

Пласт 1. 1-фрагмент стенки лепного сосуда (кв. 20); 9- лепной сосуд, $\varnothing$ 16см (кв. 14).

Пласт 3. 2-фрагмент венчика лепного сосуда (кв. 20); 3-фрагмент стенки лепного сосуда (кв. 35); 6-круговой сосуд, $\varnothing$ 8см (кв. 35); 7-круговой сосуд, $\varnothing$ 11см (кв. 23); 8- лепной сосуд, $\varnothing$ 12см (кв. 21). **Пласт 4.** 4- лепной сосуд, $\varnothing$ 8см (кв. 17). **Яма 23.** 5-фрагмент стенки лепного сосуда (кв. 38)

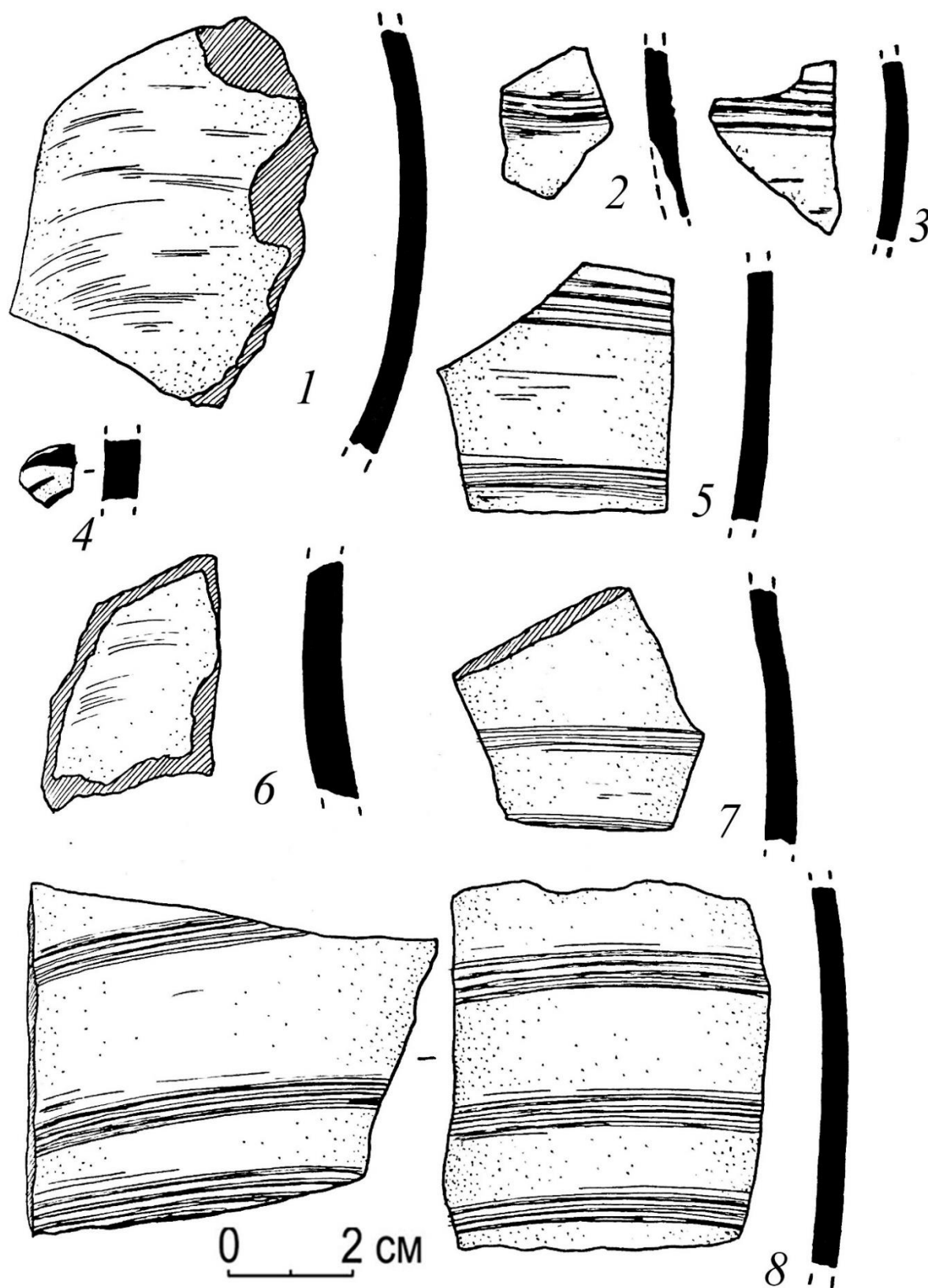

Рис. 21. Горновское селище, раскоп 1994 г. Круговая посуда
1-кв. 7, пласт 3; 2-кв. 7, пласт 3; 3-кв. 9, пласт 2; 4-кв. 13, пласт 3; 5-кв. 8, пласт 1; 6-кв.
13, пласт 2; 7-9-кв. 9, пласт 3

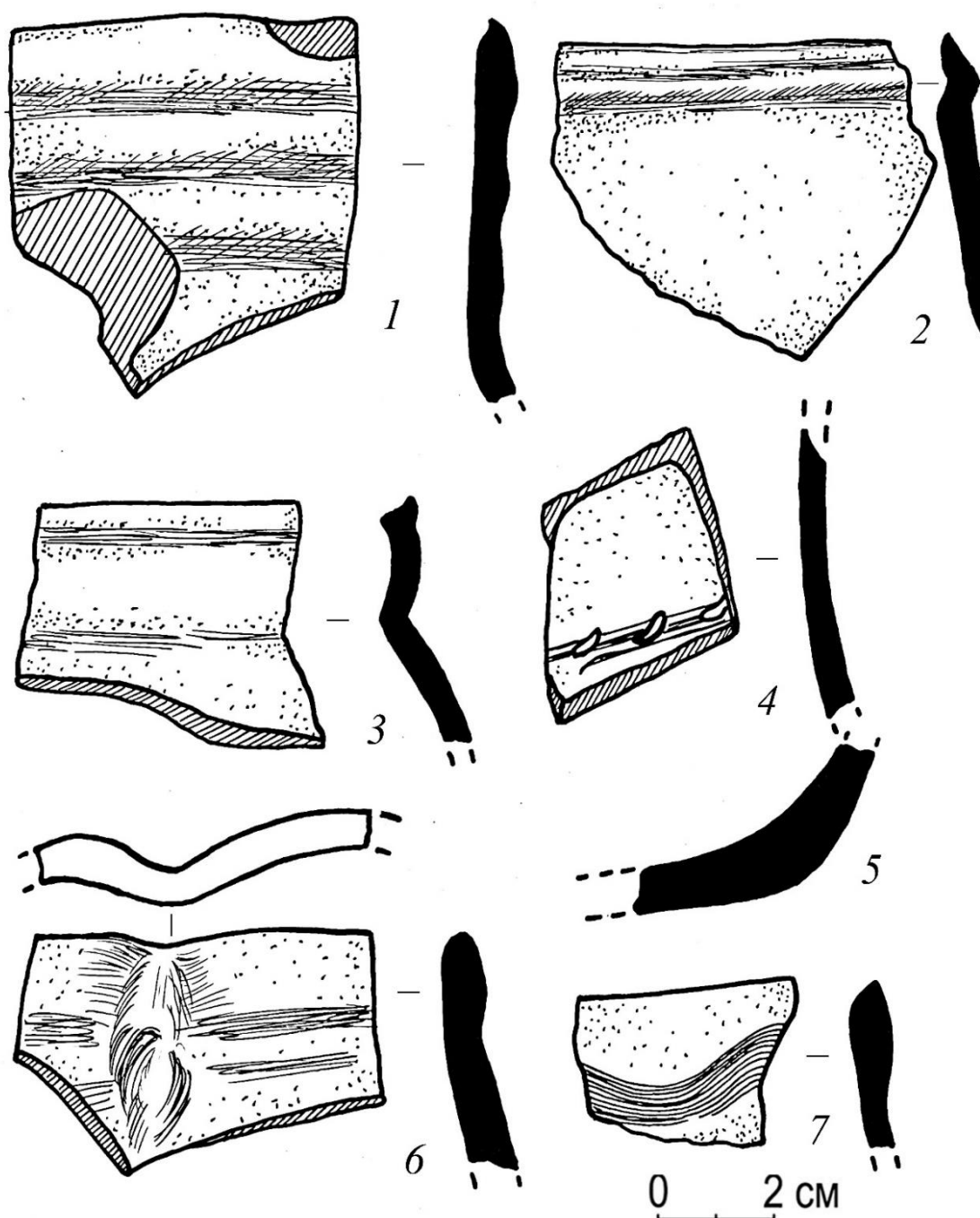

Рис. 22. Горновское селище, раскоп 1994 г. Круговая посуда
1-пласт 4, кв. 38, $\varnothing$ 9 см; 2-пласт 4, кв. 38, $\varnothing$ 6 см; 3-пласт 4, кв. 38, $\varnothing$ 11 см (38); 4-
пласт 4, кв. 40; 5-днище, пласт 4, кв. 40; 6-пласт 4, кв. 40; 7-пласт 3, кв. 35

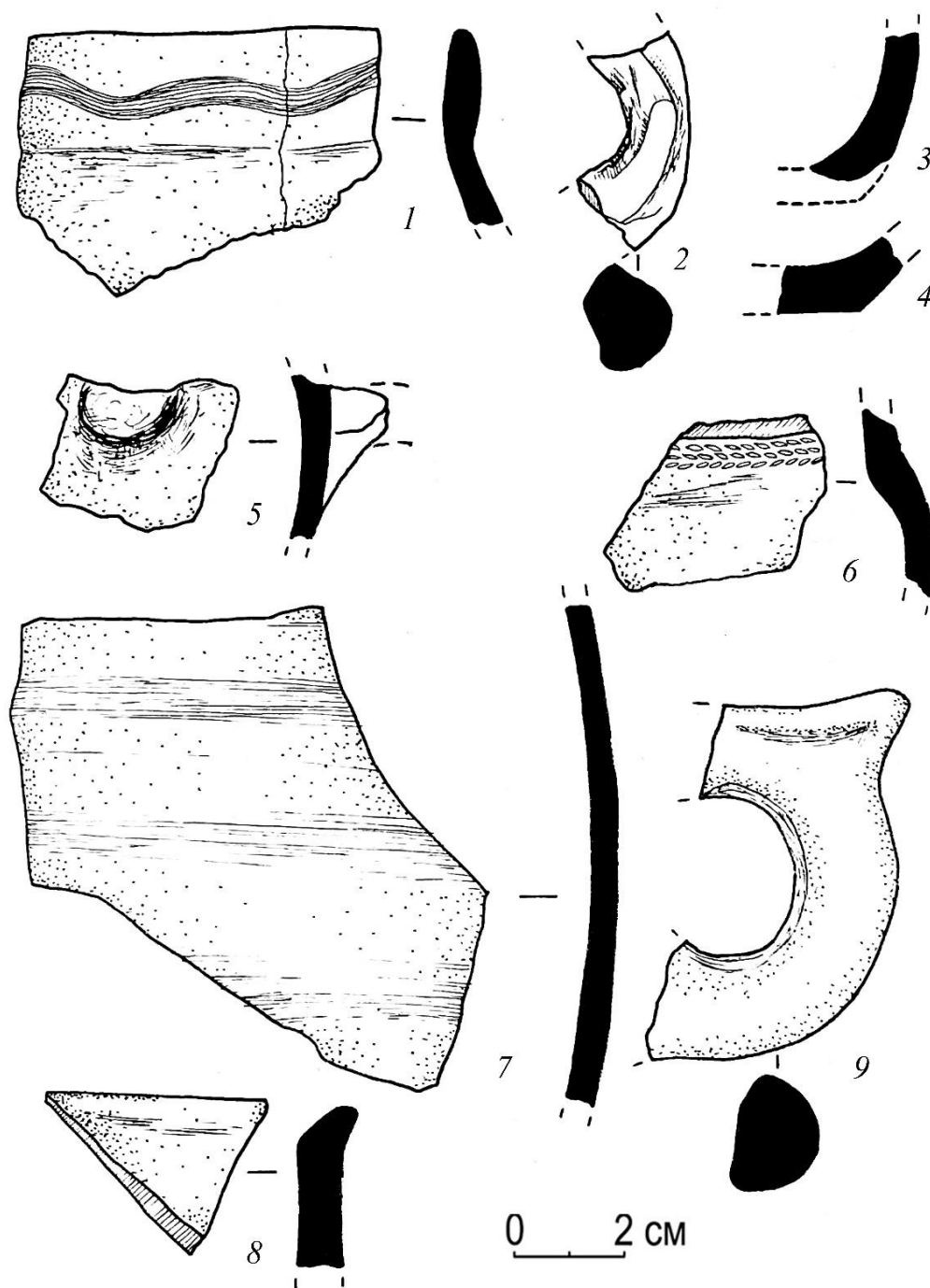

Рис. 23. Горновское селище, раскоп 1994 г.
Лепная (2, 6, 8, 9) и круговая (1, 3, 4, 5, 7) посуда.
Пласт 2. 6-кв. 21; Пласт 3. 1-кв. 18, $\varnothing$ 11 см; 2-кв. 18; 3-кв. 18; 4-кв. 18; 5-кв. 18; 7-кв. 19, $\varnothing$ 30 см; 8-кв. 19, $\varnothing$ 20 см; 9-кв. 19

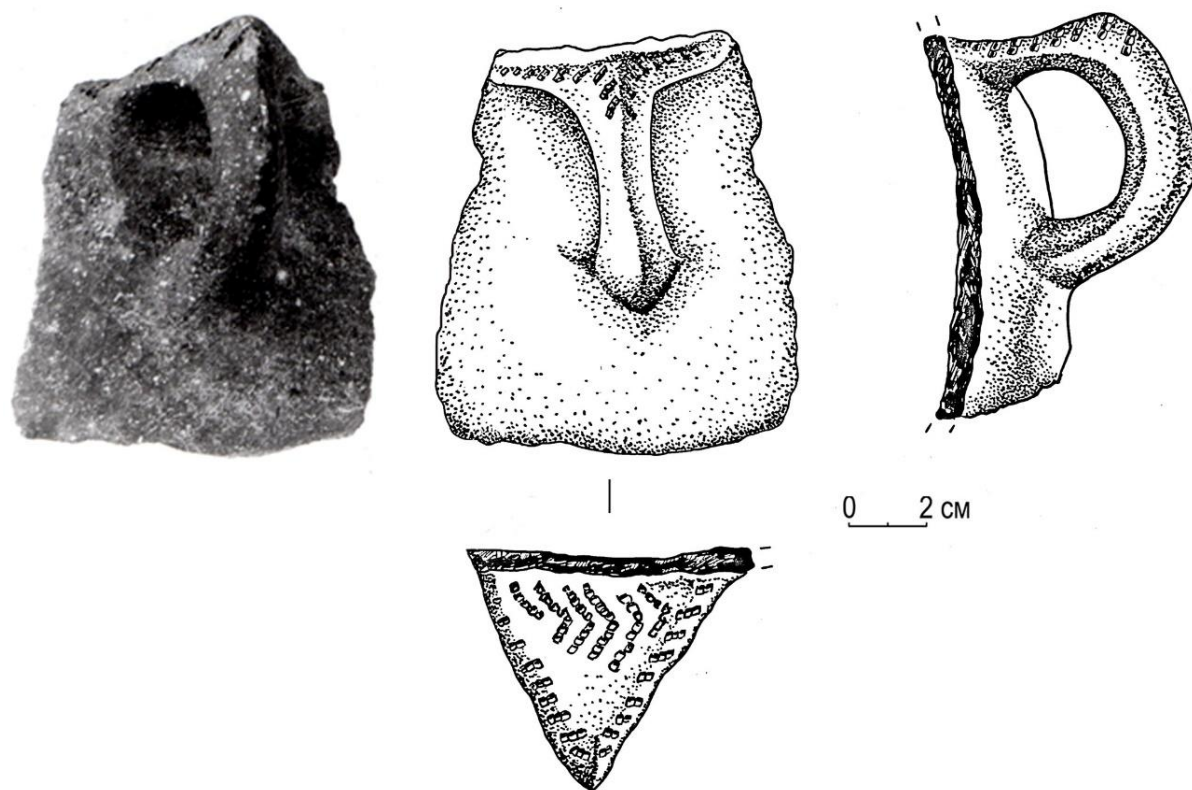

Рис. 24. Горновское селище, раскоп 1994 г. Глиняный котел, пласт 2, кв. 14.

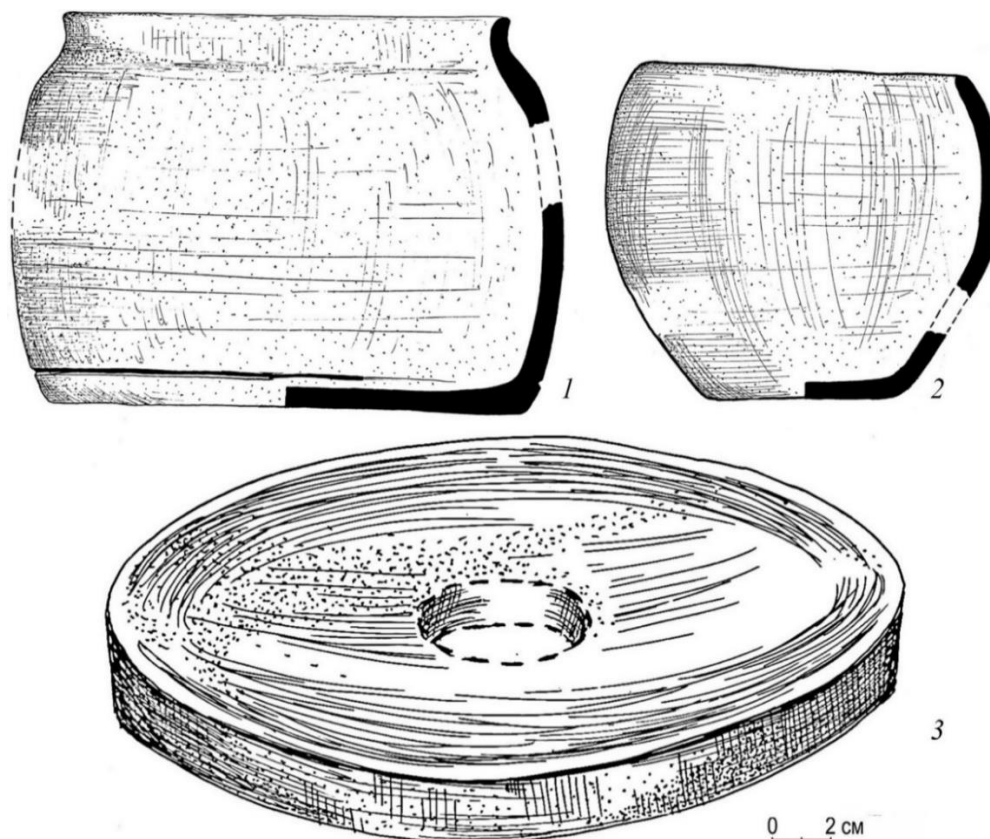

Рис. 25. Горновское селище, раскоп 1994 г.

1 - яма 23. Лепной сосуд, кв. 38, $\varnothing$ 18 см. 2 - лепной сосуд, пласт 3, кв. 32, $\varnothing$ 13 см, h-14 см; 3 - жернов, пласт 3, кв. 21, $\varnothing$ 31 см

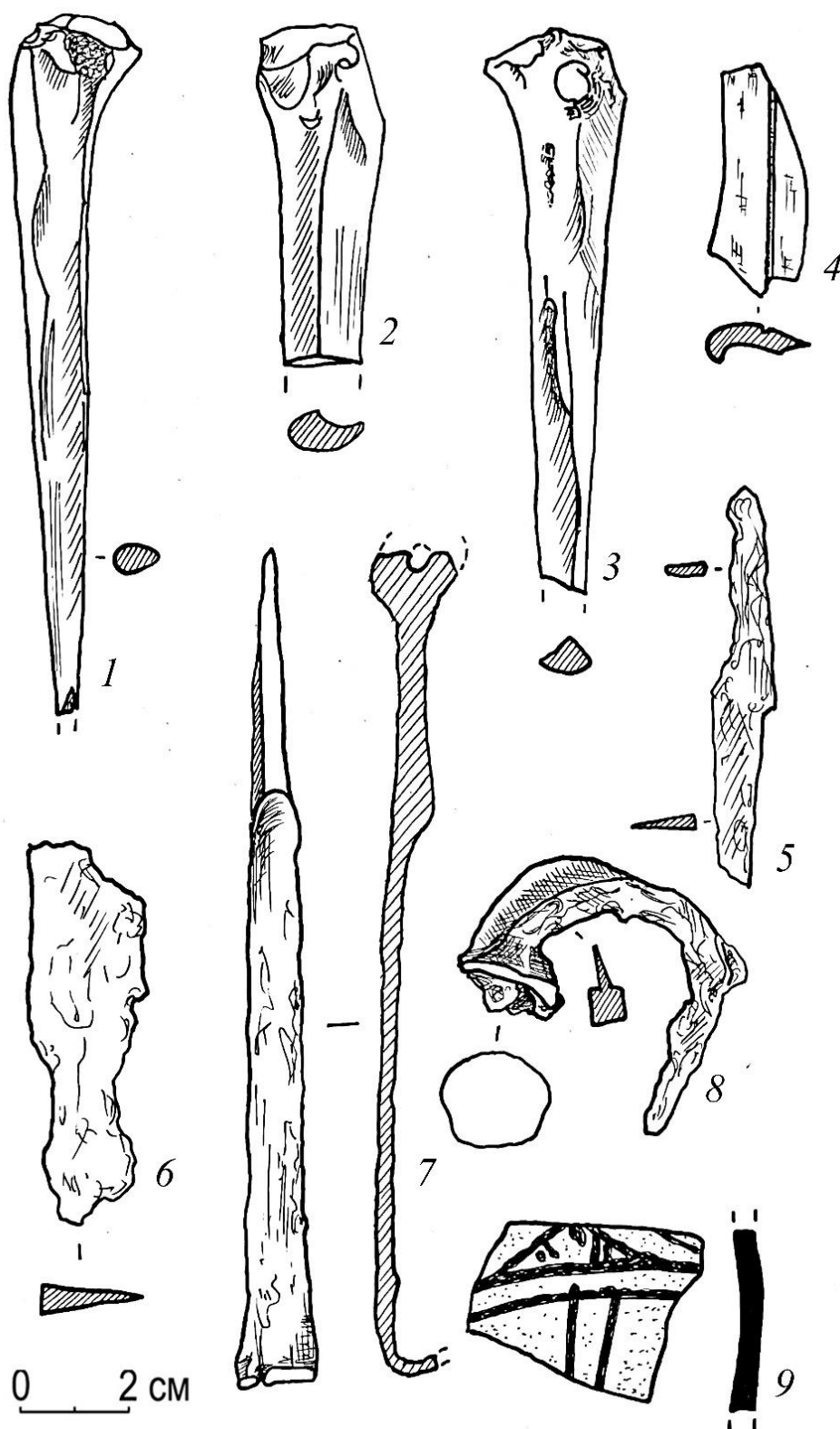

Рис. 26. Горновское селище, раскоп 1994 г.

Изделия из кости (1-4), железа (5, 6, 7, 8) и глины (9).

Пласт 2. 5-кв. 35; **Пласт 3.** 4-кв. 36; 6-обломок ножа, кв. 37; 7-замковый ключ, кв. 37;
Пласт 4. 1-проколка, кв. 39; 2-проколка, кв. 37; 3-проколка, кв. 40; 8-обломок выдвижной
 дужки замка, кв. 37; 9-круговая посуда, кв. 40.

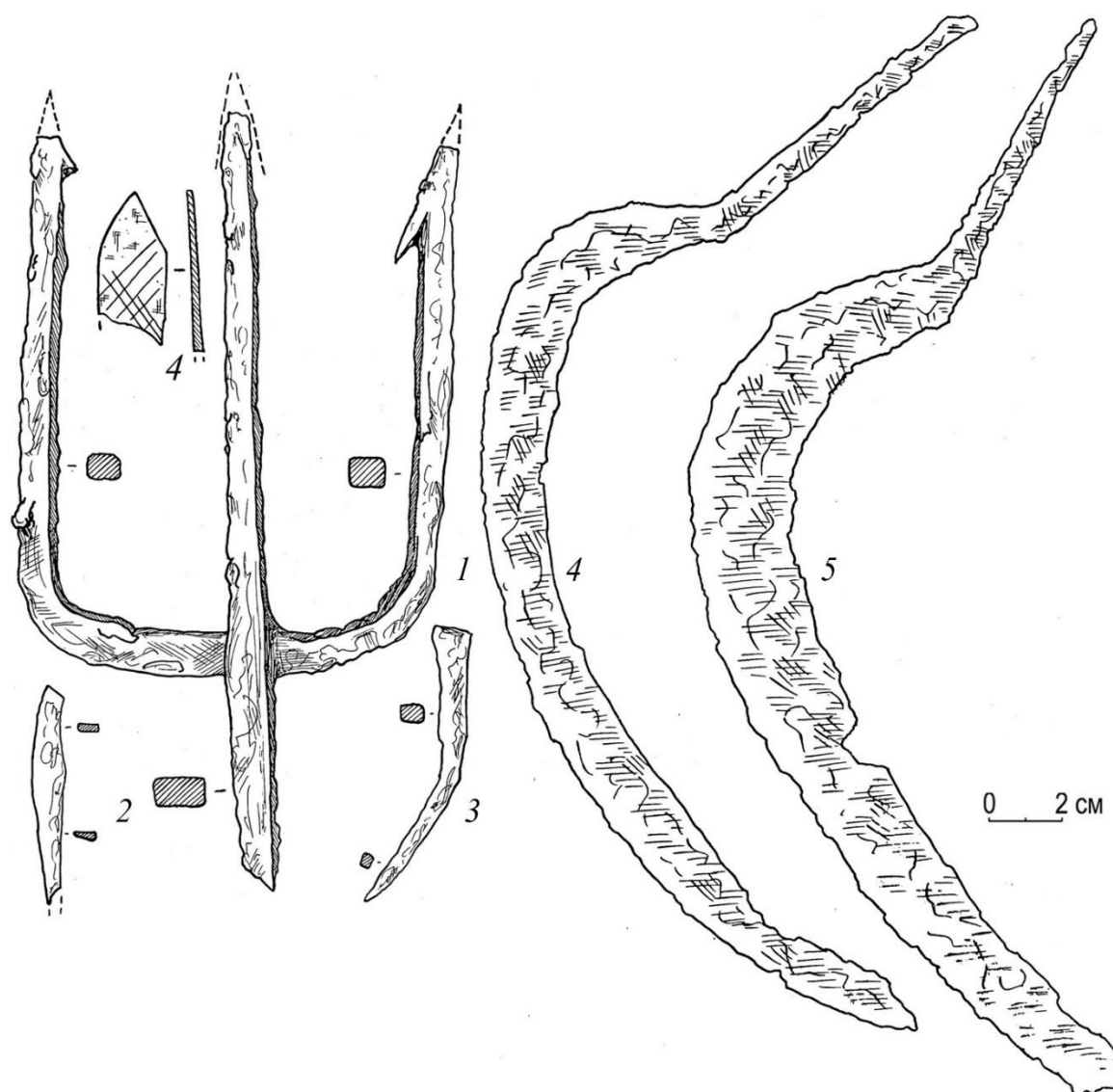

Рис. 27. Горновское селище, раскоп 1994 г. Изделия из железа и кости.
Пласт 3. 1-цельнокованная трезубая острога, кв. 31; 4, 5 – серпы, кв. 28. **Пласт 4.** 3-кв. 40; **Пласт 5.** 2-кв. 40; **Подъемный материал.** 4-фрагмент костяной срединной боковой накладки на лук, кв. 28

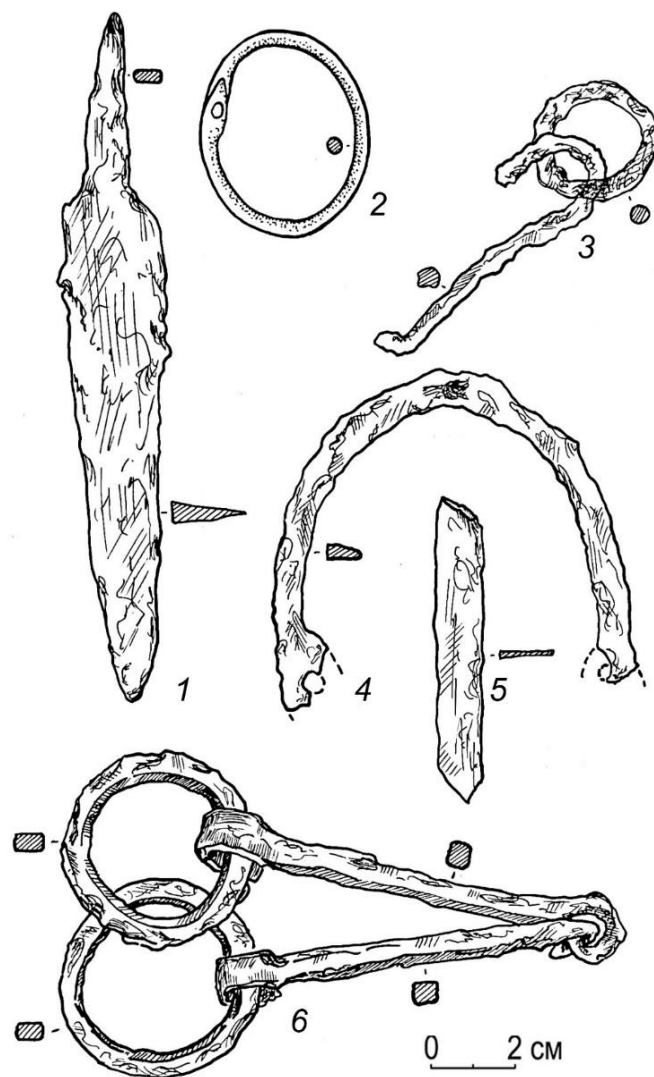

Рис. 28. Горновское селище, раскоп 1994 г.

Пласт 3. 1-нож, кв. 31; 3-фрагмент составного грызла с кольцом, кв. 31; 5-фрагмент железного изделия, кв. 31; **Пласт 4.** 2-височное кольцо, кв. 31; 4-дужка, кв. 31; 6-удила, кв. 31.

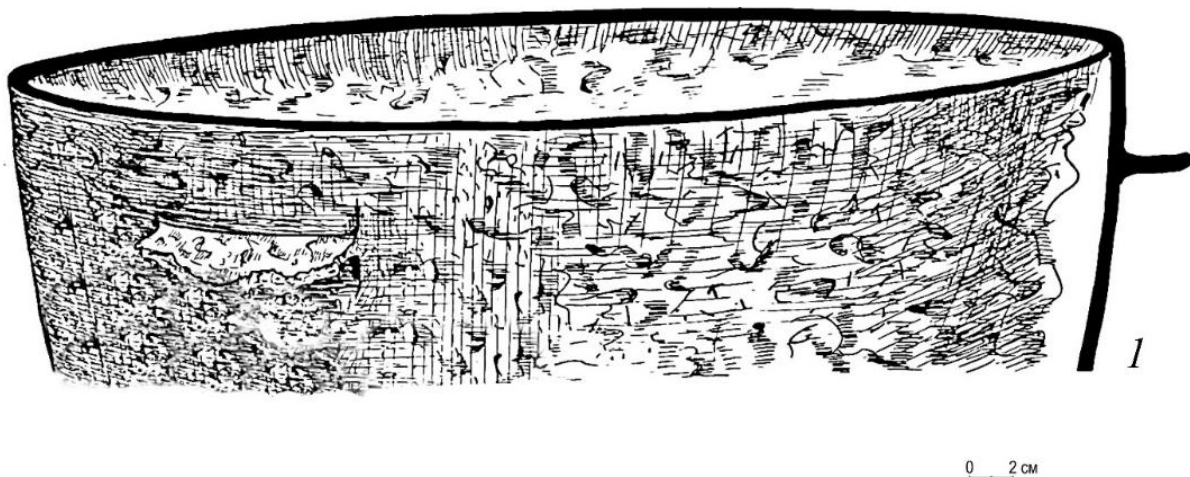

Рис. 29. Горновское селище, раскоп 1994 г. Чугунный котел, реконструкция.

Пласт 3. 1-кв. 27, $\varnothing$ 44 см

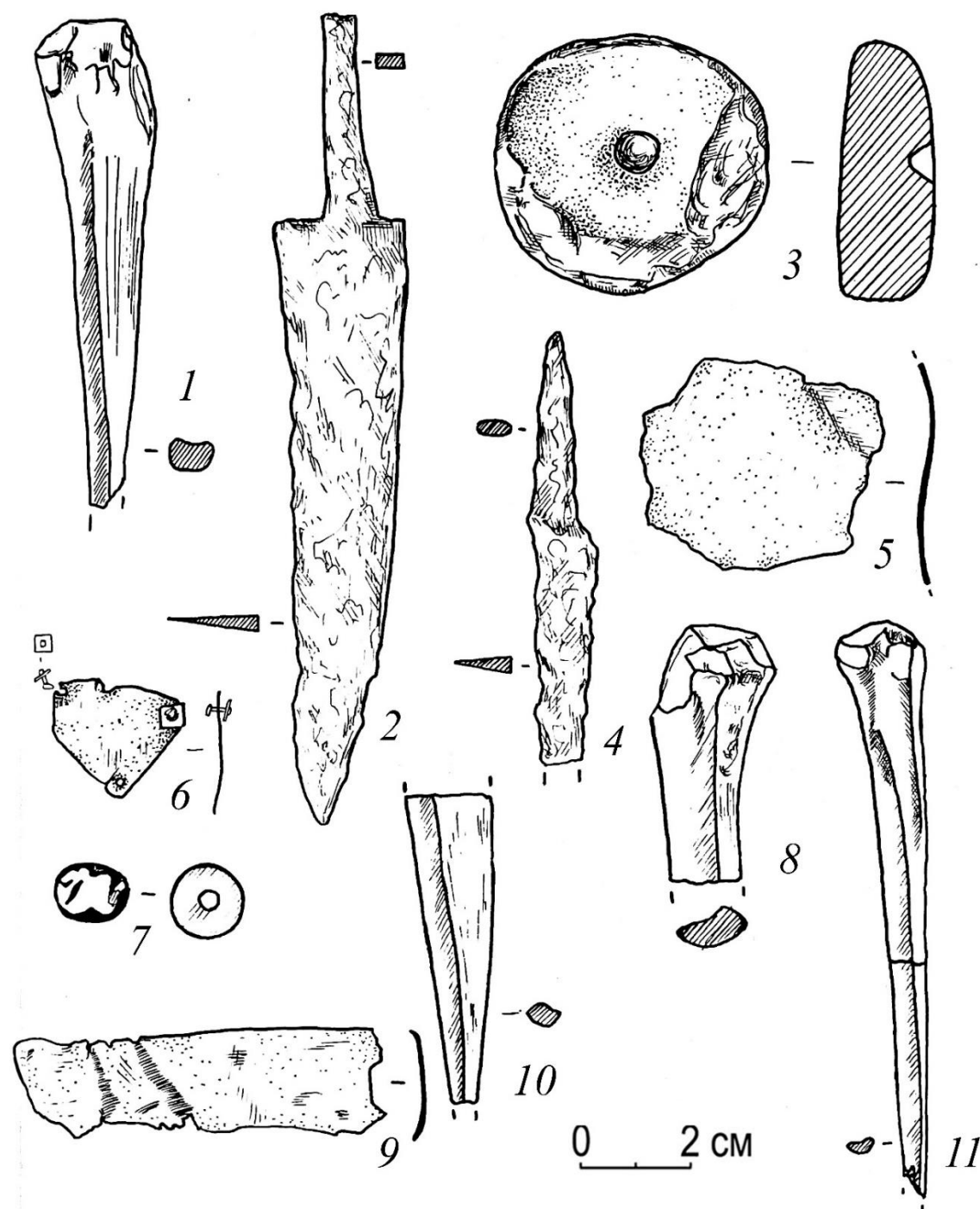

Рис. 30. Горновское селище, раскоп 1994 г.

Пласт 2. 1-проколка костяная, кв. 31; 4-нож железный, кв. 7; 7-стеклянная бусина, кв. 14; 8-проколка костяная, кв. 9; 11-фрагмент бронзового изделия, кв. 13; **Пласт 3.** 2-нож, кв. 3; 3-заготовка пряслица из песчаника, кв. 4; 5-бронзовая набойка, кв. 8; 6-фрагмент бронзового изделия, кв. 7; 9-фрагмент бронзового изделия, кв. 20;

Пласт 4. 10-костяная проколка, кв. 17

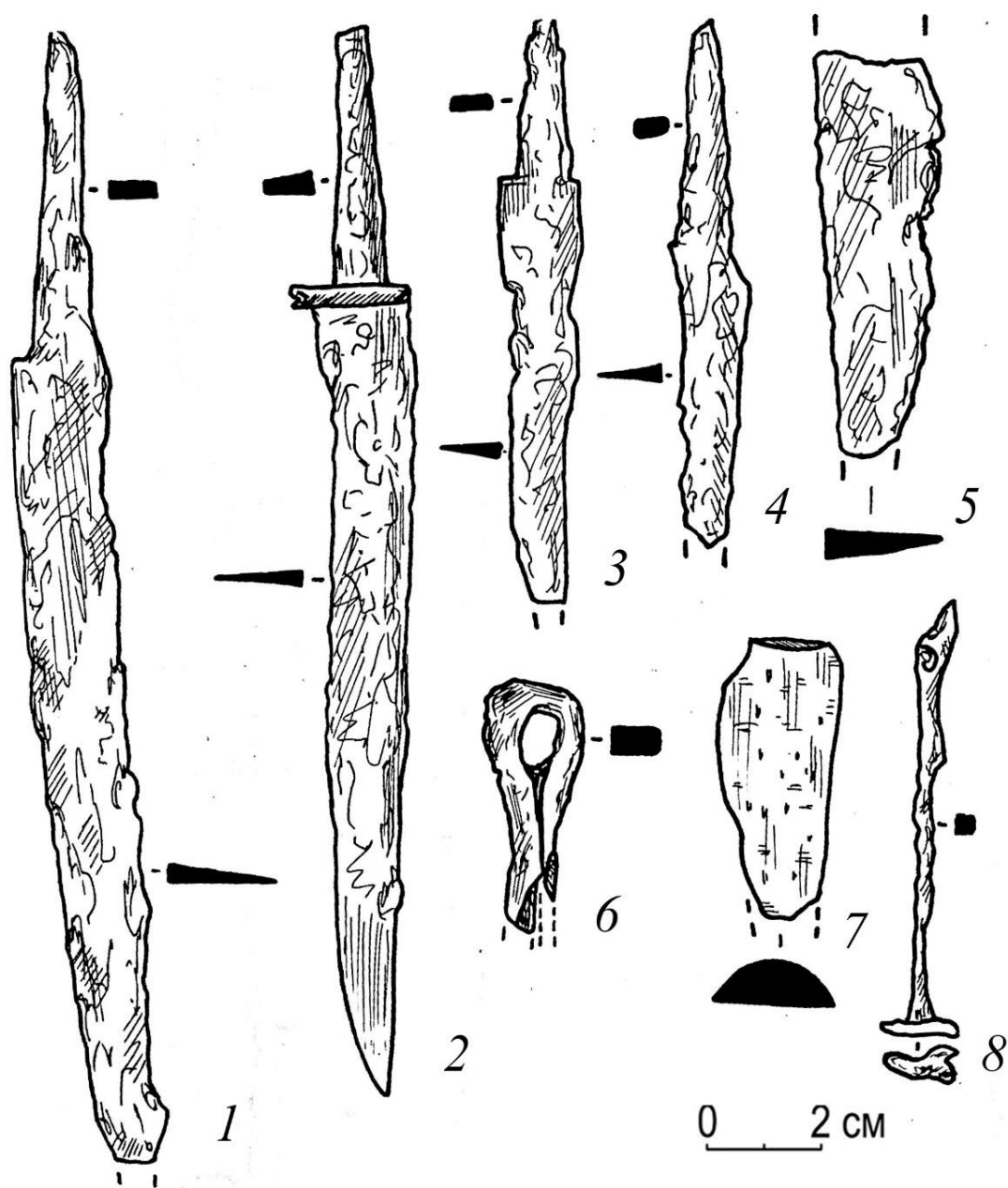

Рис. 31. Горновское селище, раскоп 1994 г.

Пласт 3. 1-нож, кв. 21; 2- нож, кв. 28; 4-нож, кв. 7; 6-дужка, кв. 21; 7- изделие из рога, кв. 20; Пласт 4. 2-нож, кв. 21; 5-нож, кв. 10; 8-замковый ключ, кв. 10

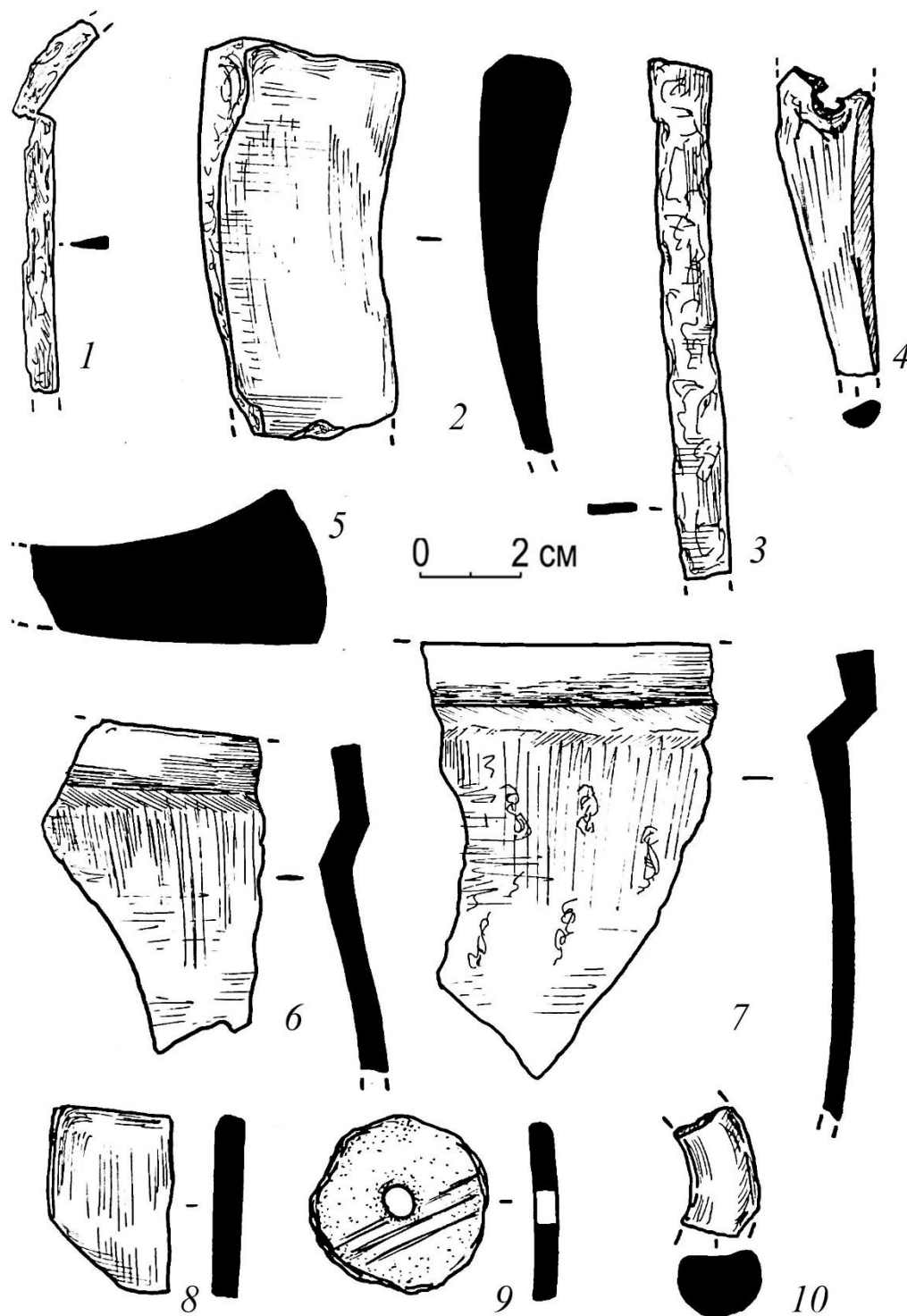

Рис. 32. Горновское селище, раскоп 1994 г.

Пласт 2. 5-фрагмент дна глиняного сосуда, кв. 14, $\varnothing$ 28 см;

Пласт 3. 1-фрагмент железного изделия, кв. 20; 2-фрагмент сланцевой плитки, кв. 22; 3-фрагмент железного изделия, кв. 22; 4-фрагмент костяного изделия, кв. 17; 6-венчик чугунного котла, кв. 20, $\varnothing$ 24 см; 7-фрагмент чугунного котла, кв. 19, $\varnothing$ 31 см; 8-фрагмент сланцевой плитки, кв. 21; 10-фрагмент ручки глиняного сосуда, кв. 20; **Яма 5.** 9-напрясло из стенки кругового сосуда, кв. 10

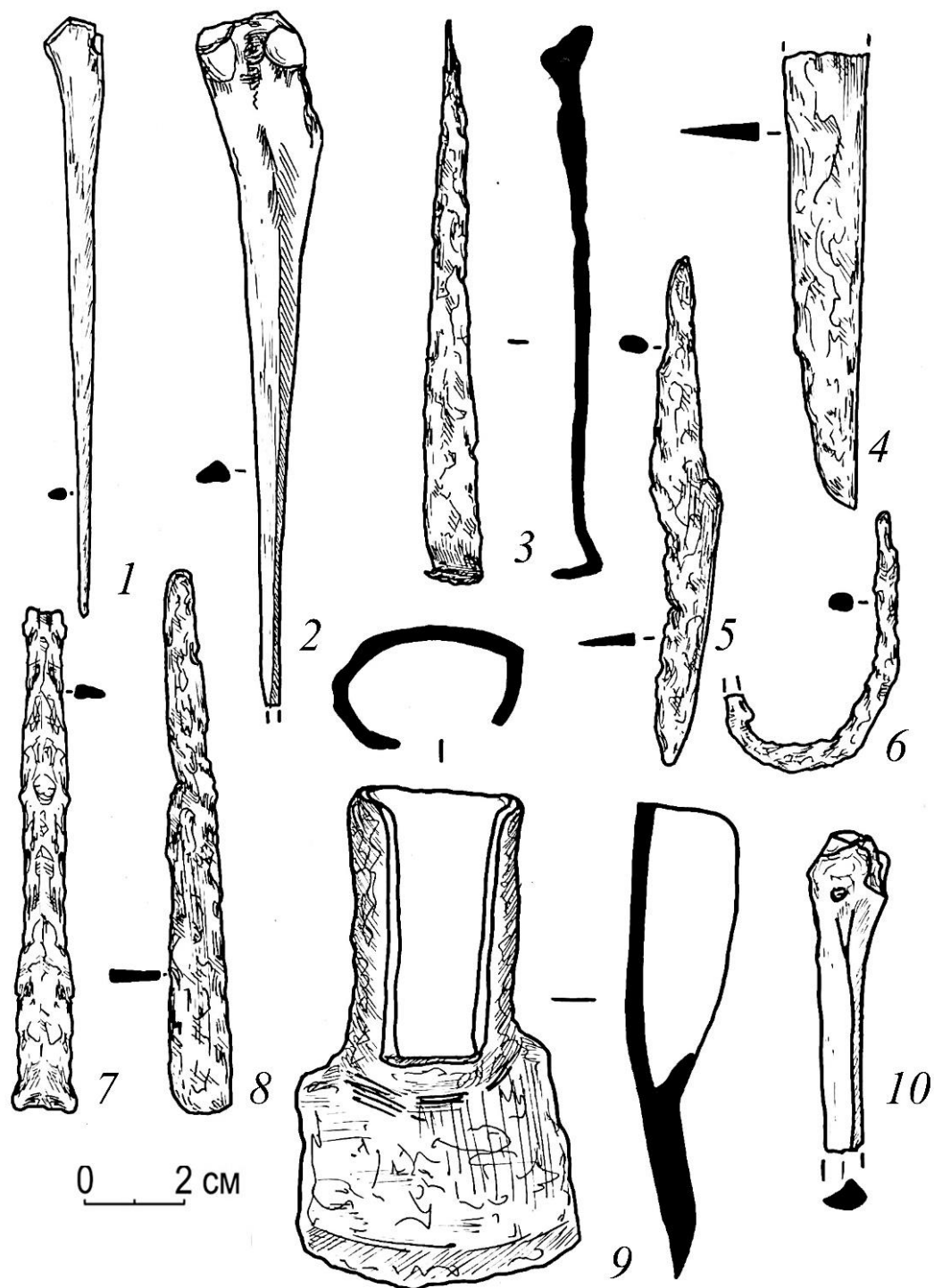

Рис. 33. Горновское селище, раскоп 1994 г.

Пласт 2. 4-фрагмент железного ножа, кв. 21;

Пласт 3. 1, 2-костяные проколки, кв. 16; 3-замковый ключ, кв. 20; 5-железный нож, кв. 21; 6-рыболовный крючок, кв. 21; 7-фрагмент железного изделия, кв. 21; 8-фрагмент железного изделия, кв. 22; 9-тесло-мотыжка, кв. 28. Яма 6. 10-костяная проколка, кв. 10

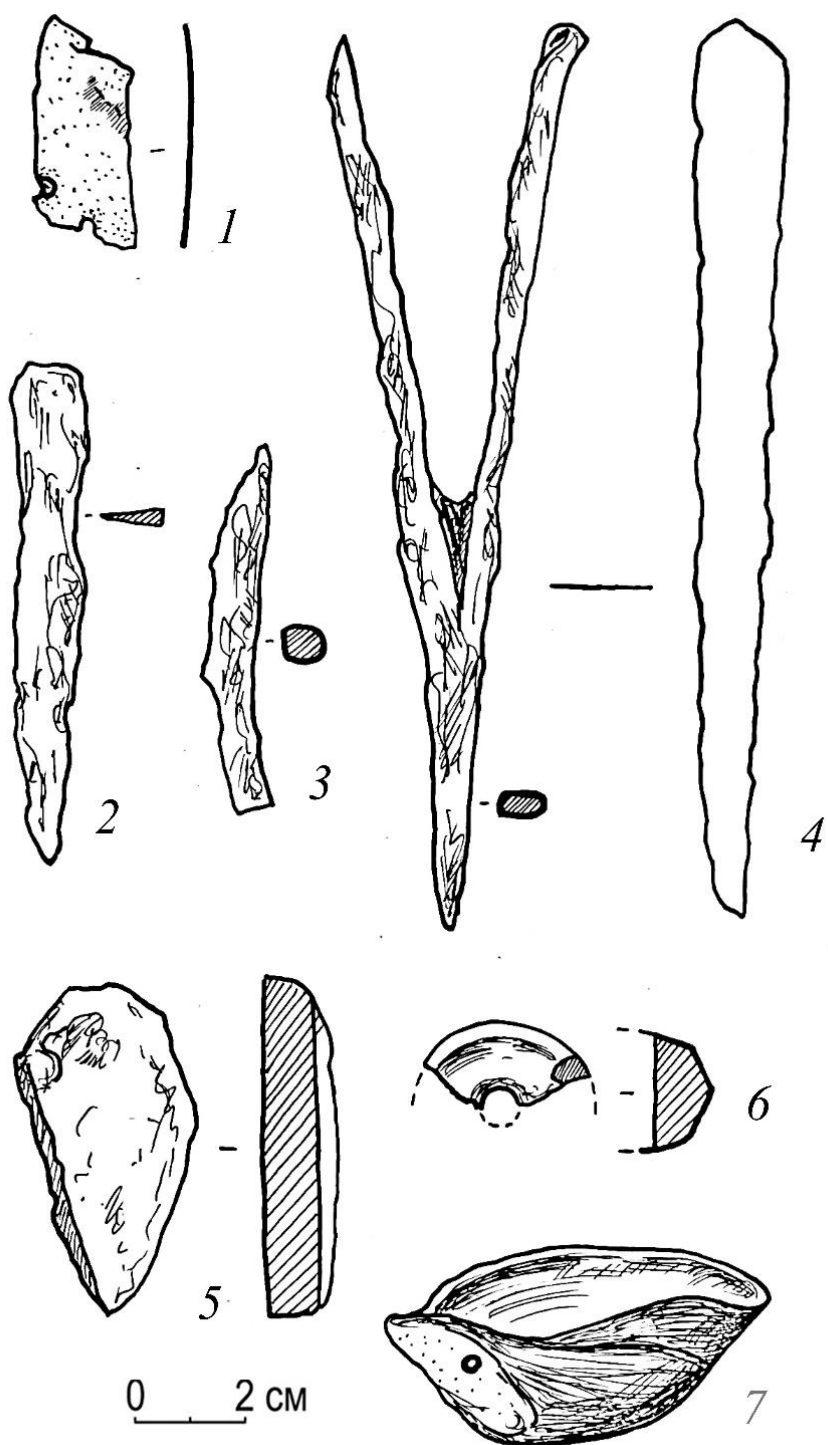

Рис. 34. Горновское селище, раскоп 1994 г.

Плост 3. 1-бронзовая пластинка, кв. 24;

Плост 4. 5- фрагмент глиняного изделия, кв. 39; 7- морская ракушка, кв. 37;

Плост 5. 4-железный одно-лучинный светец, кв. 39; 6-биконическое пряслице, кв. 36;

Яма 23. 2-фрагмент железного ножа, кв. 38; 3- фрагмент железного изделия, кв. 38

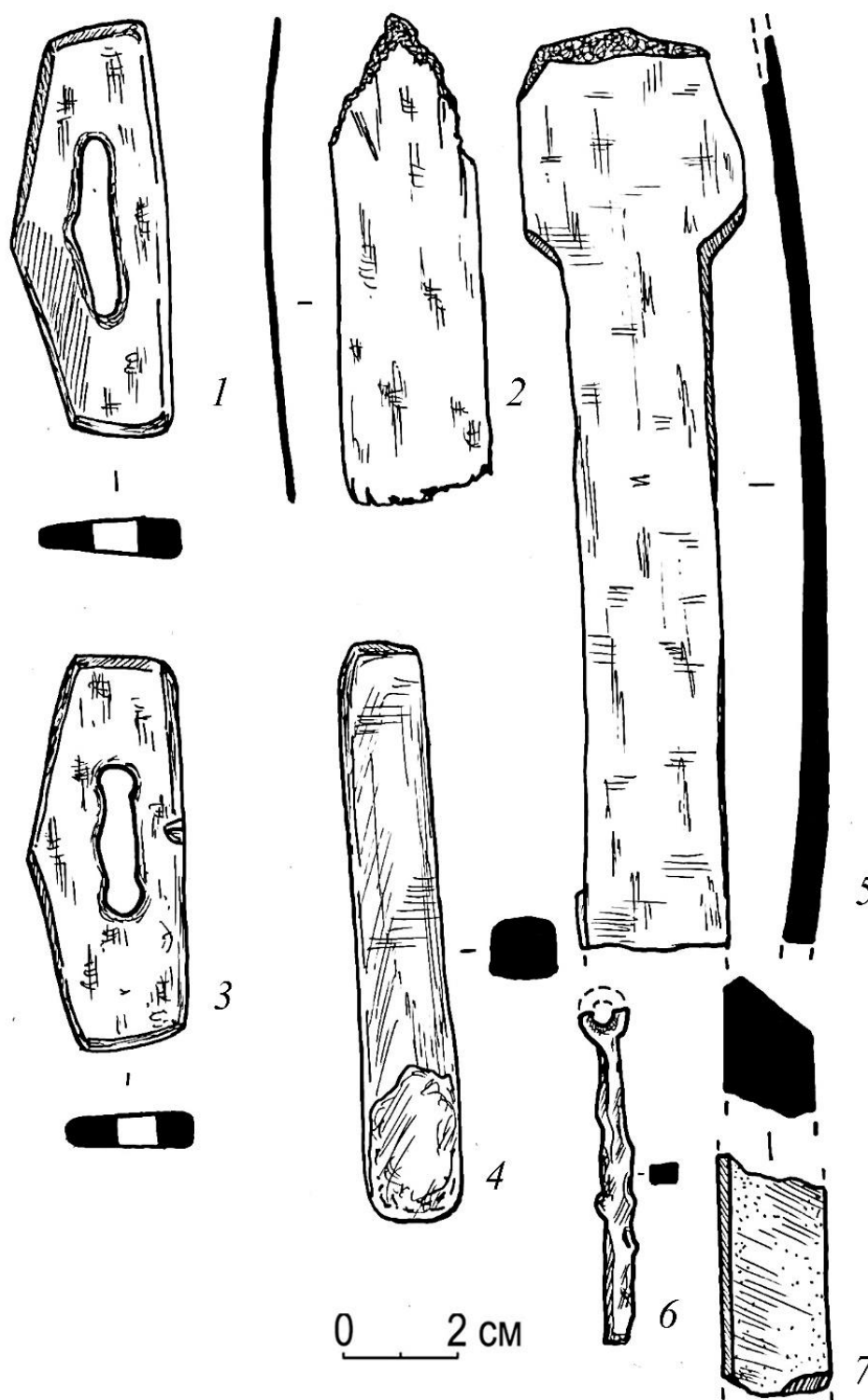

Рис. 35. Горновское селище, раскоп 1994 г.

Пласт 2. 3-костяная путовая петля, кв. 22; 6-замковый ключ, кв. 40;

Пласт 3. 7-каменный оселок, кв. 23; 4-оселок; Яма 16.

1- костяная путовая петля, кв. 32; 2-концевая накладка на лук, кв. 32; 3- костяное изделие, кв. 32; 5-костяная накладка на лук в виде лопаточки, кв. 32

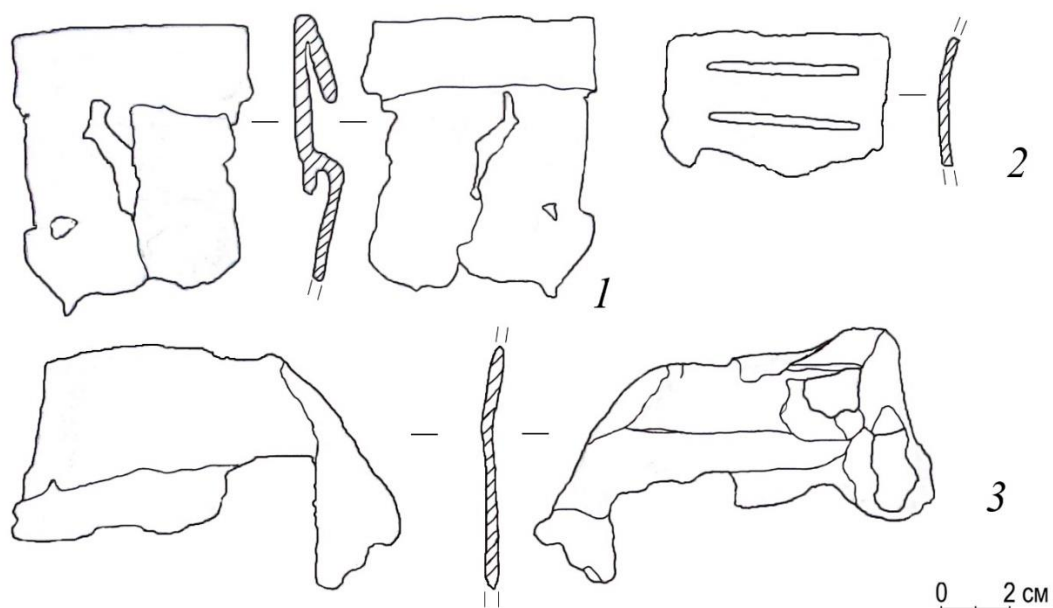

Рис. 36. Горновское селище, раскоп 2005 г. Бронзовый инвентарь.
Плост 3. 1-бронзовая обкладка, кв. 8; Плот 5. 2-фрагмент бронзового изделия, кв. 19; 3-фрагмент бронзового изделия, кв. 4

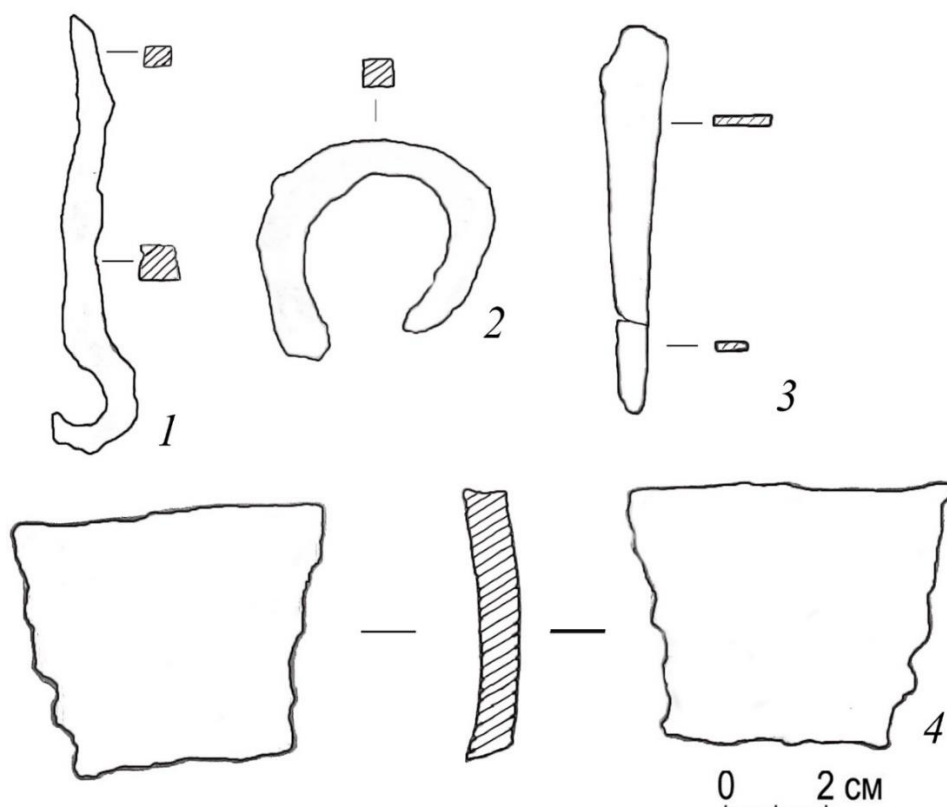

Рис. 37. Горновское селище, раскоп 2005 г. Изделия из железа.
Плост 3. 1-крючок, кв. 9; 2-кольцо, кв. 4; 3-стрела, кв. 20; 4-фр. изделия, кв. 7

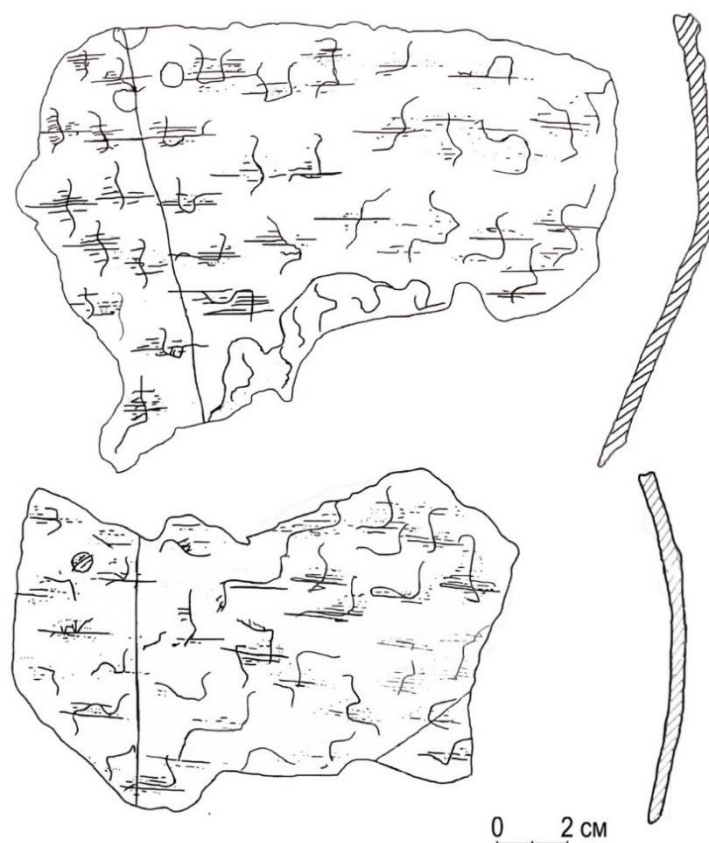

Рис. 38. Горновское селище, раскоп 2005 г.
Пласт 3, кв. 8. Чугунные котлы

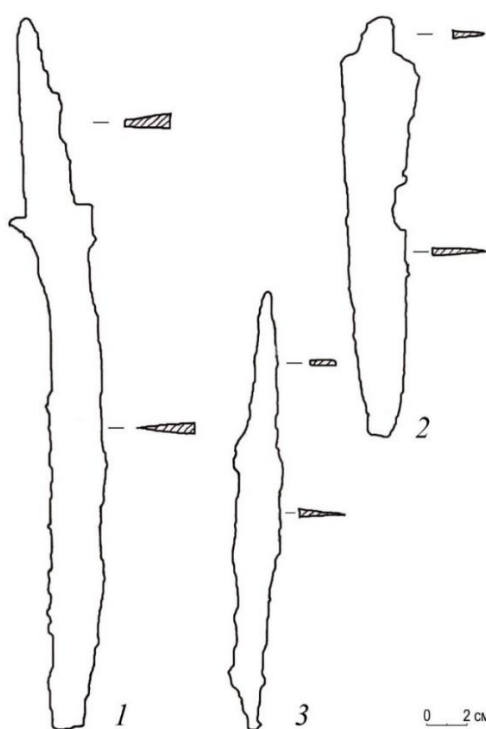

Рис. 39. Горновское селище, раскоп 2005 г.
Пласт 4. Железные ножи. 1-кв. 8; 2-кв. 30; 3-кв. 23

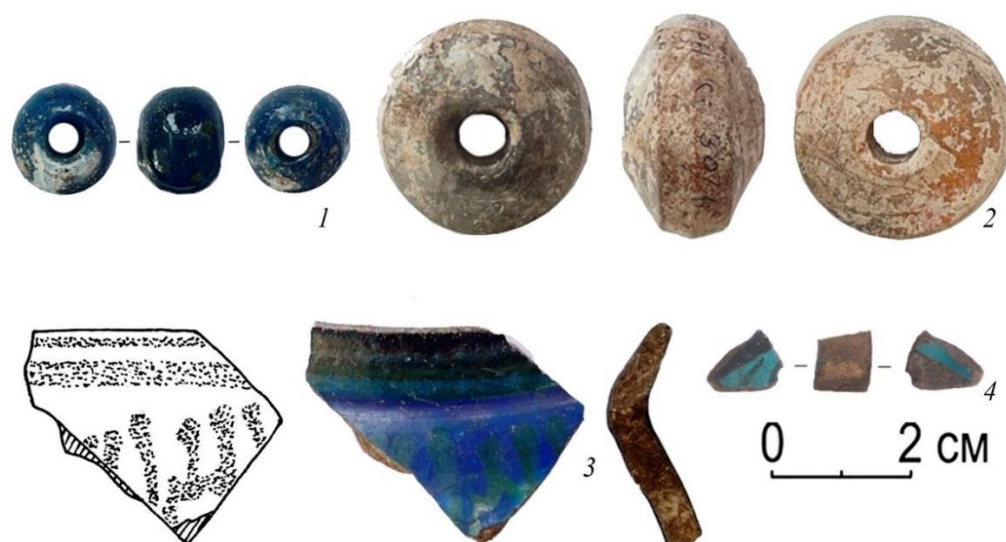

Рис. 40. Горновское селище, раскоп 1994 (4) и 2005 (1-3) гг.

Пласт 3. 4 – стенка кашинного сосуда – кв. 13. **Пласт 4.** 2-глиняное пряслице – кв. 30, гл. 0,65; **Пласт 5.** 1-бусина синего непрозрачного стекла – кв. 3, гл. 0,89; 3-венчик кашинного гюльабдана – кв. 17, гл. 0,91.

Рис. 41. Горновское селище, раскоп 1994.

1-кв. 32, шт. 3; 2-кв. 20, шт. 3; 3-кв. 20, шт. 3; 4, 6, 7 – местонахождение неизвестно; 5-костяная накладка на лук в виде лопаточки, кв. 32, яма 16; 8-кв. 19, шт. 3; 9-кв. 14, гл. 0,46, стеклянная зонная бусина непрозрачного стекла с светло-желтым (?) глазчатым декором. (Фонды НМ РБ)

Рис. 42. Горновское селище, раскоп 1994.

1-кв. 4, гл. 0,48; 2, 3, 7, 21-кв. 38, шт. 4; 4, 13-кв. 10, яма 6; 5, 6, 19-кв. 22, шт. 3; 8-кв. 39, шт. 5; 9, 15-кв. 39, шт. 4; 10-кв. 32, шт. 3; 11-кв. 22, шт. 3; 12-кв. 23, шт. 3; 14-кв. 38, яма; 16-кв. 40, шт. 4; 17-кв. 19, шт. 3; 18-кв. 39, шт. 3; 20-кв. 5, гл. 0,47. 1-заготовка пряслица, песчаник; 2, 4, 10, 11-лепная посуда; 5, 6-точильные камни; 3, 7, 8, 9, 12, 13, 15-21-круговая керамика; 14-посуда, подправленная на круге
(Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН. Шифр: КП 1109)

Рис. 43. Горновское селище (1-10, 17) и Горновский могильник и стоянка (11-16), раскоп 1994. 1-кв. 21, шт. 3; 2-кв. 33, шт. 2; 3, 7-кв. 39, шт. 2; 4-кв. 21, шт. 3; 5-кв. 39, шт. 4; 6, 9-кв. 35, шт. 3; 8-кв. 21, шт. 2; 10-кв. 38, яма; 11-16-кв. К1-2А, шт. 2; 17-кв. 38, яма. 1-10-лепная посуда, чияликская культура; 11-16-лепная керамика, курмантауская культура; 17-посуда, подправленная на круге (Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН. Шифр: КП 1109)

Рис. 44. Горновское селище, раскоп 1994.

1-кв. 21, шт. 3; 2-кв. 37, шт. 4; 3-кв. 28, шт. 3; 4-кв. 37, шт. 3; 5-кв. 28, шт. 3; 6-кв. 27; 7-кв. 37, шт. 4.

1-крючок; 2-душка, фрагмент замка; 3-нож; 4-замковый ключ; 5-серп; 6-котел; 7-подвеска. 1-5-железо; 6-чугун; 7-раковина

(Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН. Шифр: КП 1109)

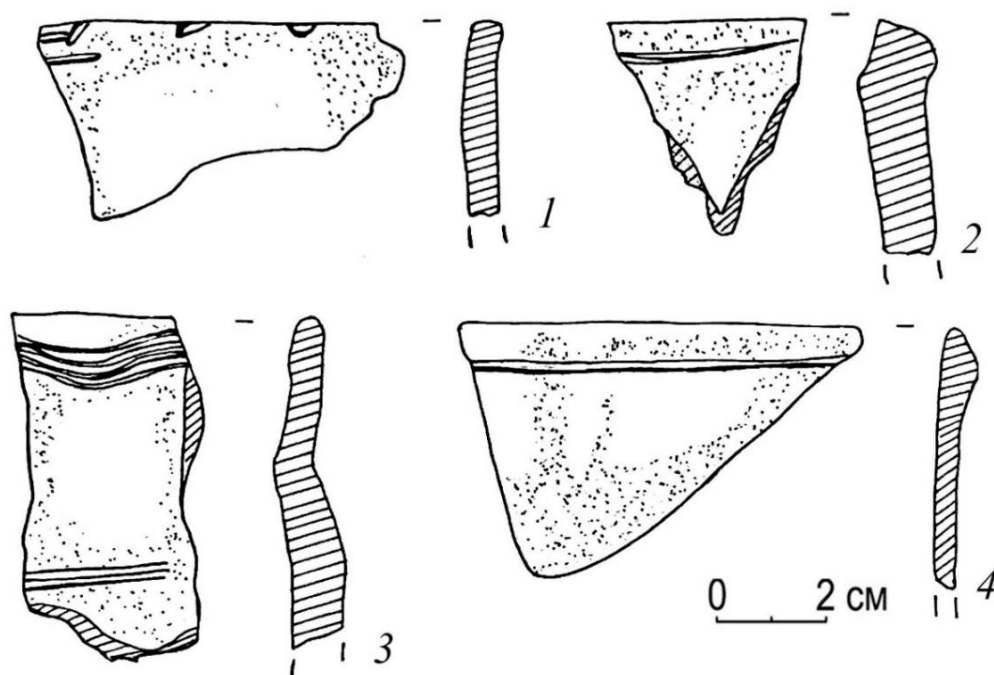

Рис. 45. Горновское селище, раскоп 2005 г. Круговая посуда.

Плост 3. 1 – кв. 19; 4 – кв. 3; Плост 4. 2 – кв. 5; 3 – кв. 18

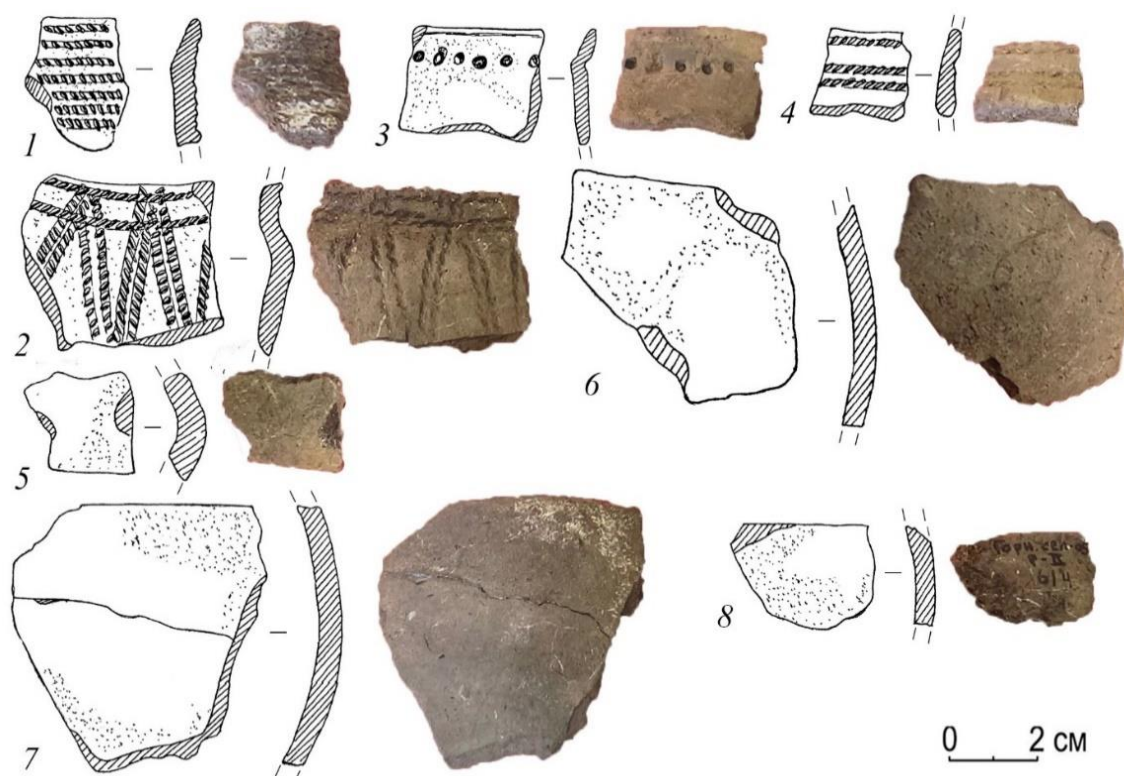

Рис. 46. Горновское селище, раскоп 2005 г. Лепная посуда (чияликская культура). **Пласт 3.** 1 – кв. 7; 3 – кв. 20; **Пласт 4.** 2, 6-8 – кв. 6; 4 – кв. 5; 5 – кв. 22 (Фонды БГПУ им. М. Акмуллы)

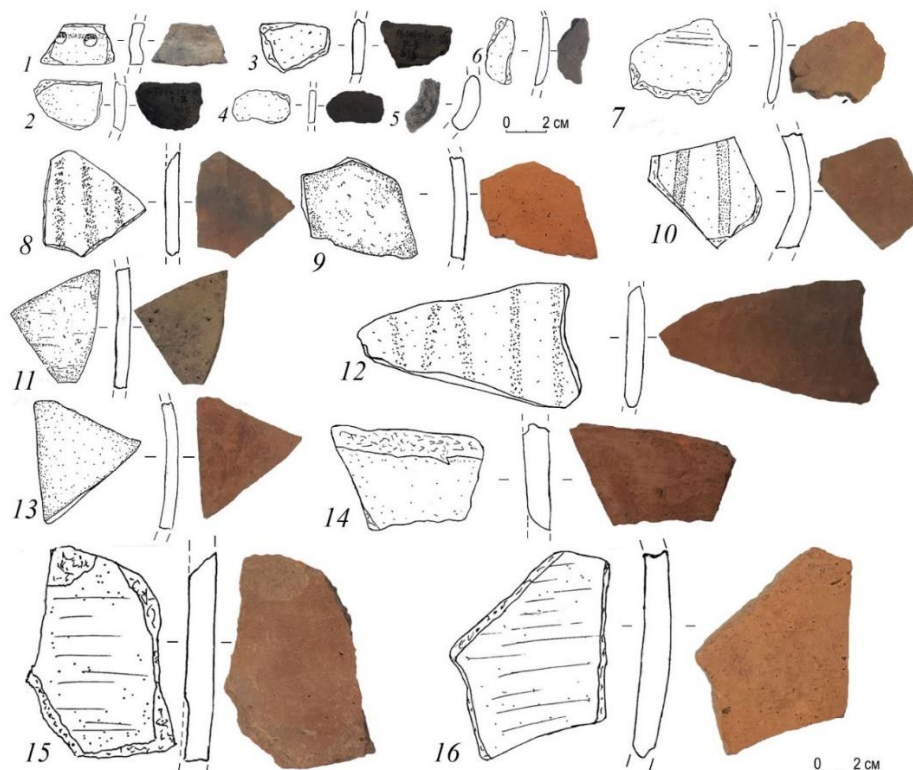

Рис. 47. Горновское селище, раскоп 2005 г. Лепная посуда (чияликская культура) (1-6) круговая посуда (7-16). **Пласт 3.** 1, 6 – кв. 3; 10 – кв. 7; **Пласт 4.** 1, 11, 13, 14 – кв. 3; 2 – кв. 6; 7 – кв. 6; 8, 12 – кв. 19; 9 – кв. 9; 16 – кв. 15; **Пласт 5.** 15 – кв. 17 (Фонды БГПУ им. М. Акмуллы)

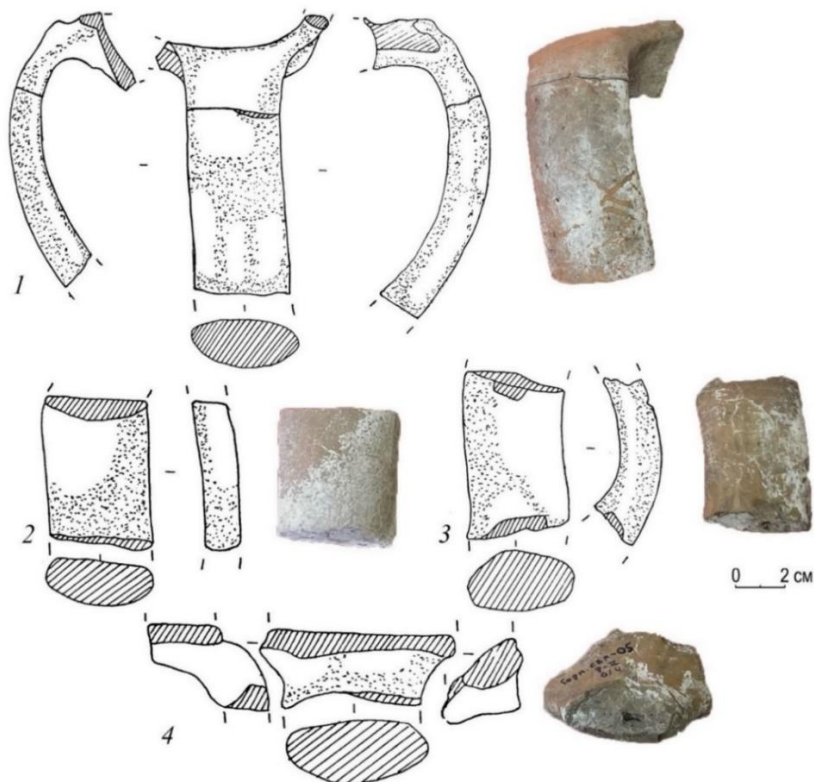

Рис. 48. Горновское селище, раскоп 2005 г. Керамический материал, круговая посуда, ручки хумов.

Пласт 3. 1 – кв. 21; 2 – кв. 23; Пласт 4. 3, 4 – кв. 6.
(Фонды БГПУ им. М. Акмуллы)

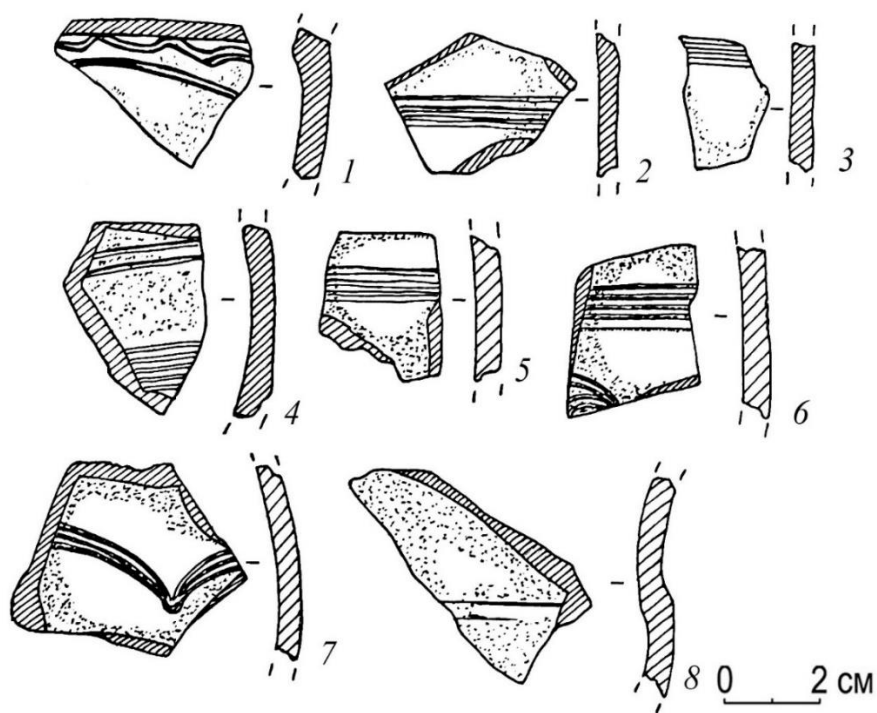

Рис. 49. Горновское селище, раскоп 2005 г. Круговая посуда.

Пласт 2. 1 – кв. 28; Пласт 3. 2, 4 – кв. 3; 3 – кв. 7; 5, 6 – кв. 9; 7 – кв. 24; 8 – кв. 27

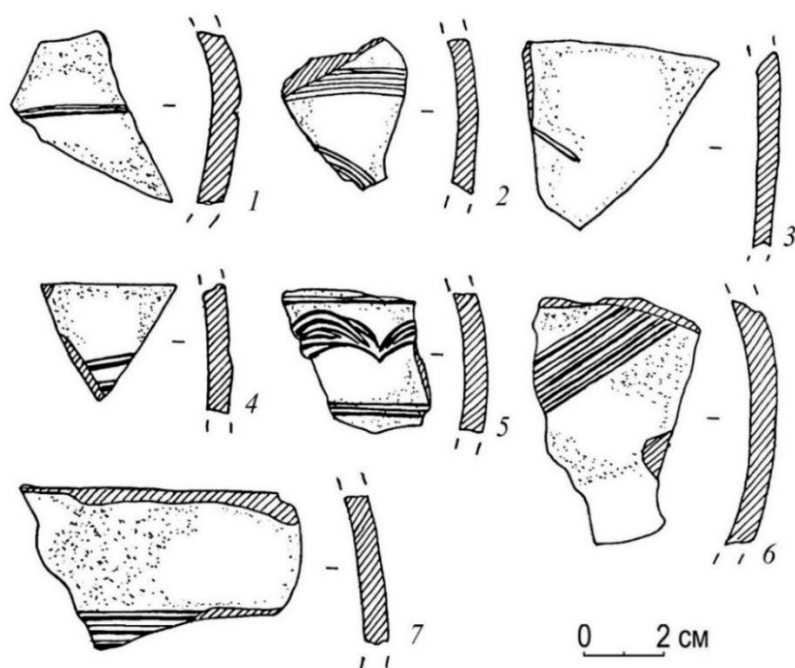

Рис. 50. Горновское селище, раскоп 2005 г. Круговая посуда.
Пласт 4. 1, 2 – кв. 1; 3 – кв. 3; 4 – кв. 6; 5 – кв. 5; 6 – кв. 7; 7 – кв. 18

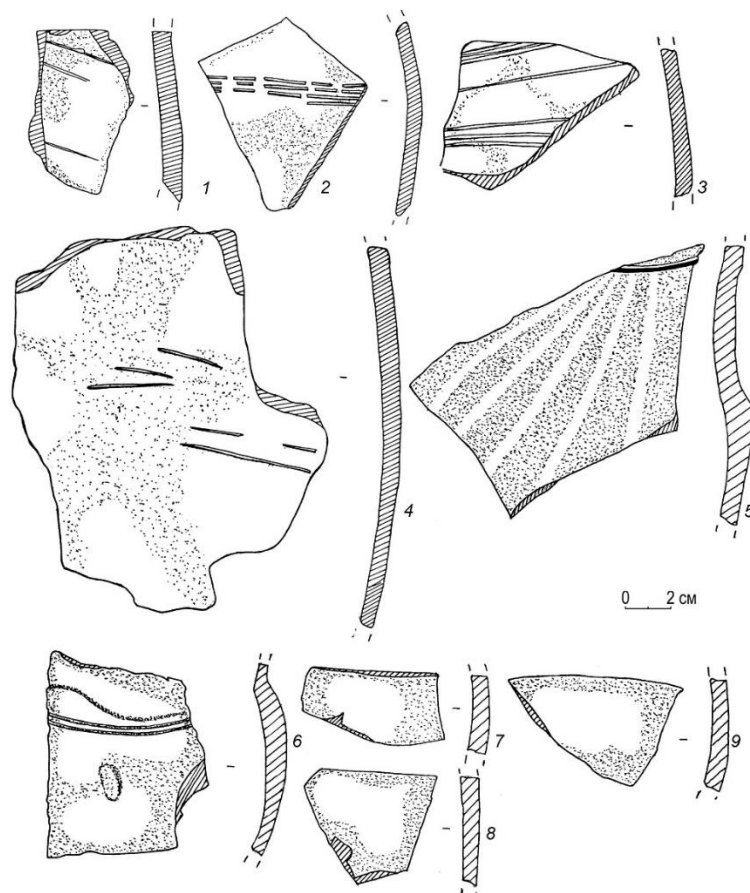

Рис. 51. Горновское селище, раскоп 2005 г. Круговая посуда.
Пласт 5. 1-4 – кв. 17. Пласт 4. 5, 6, 8, 9 – кв. 19; 7 – кв. 20

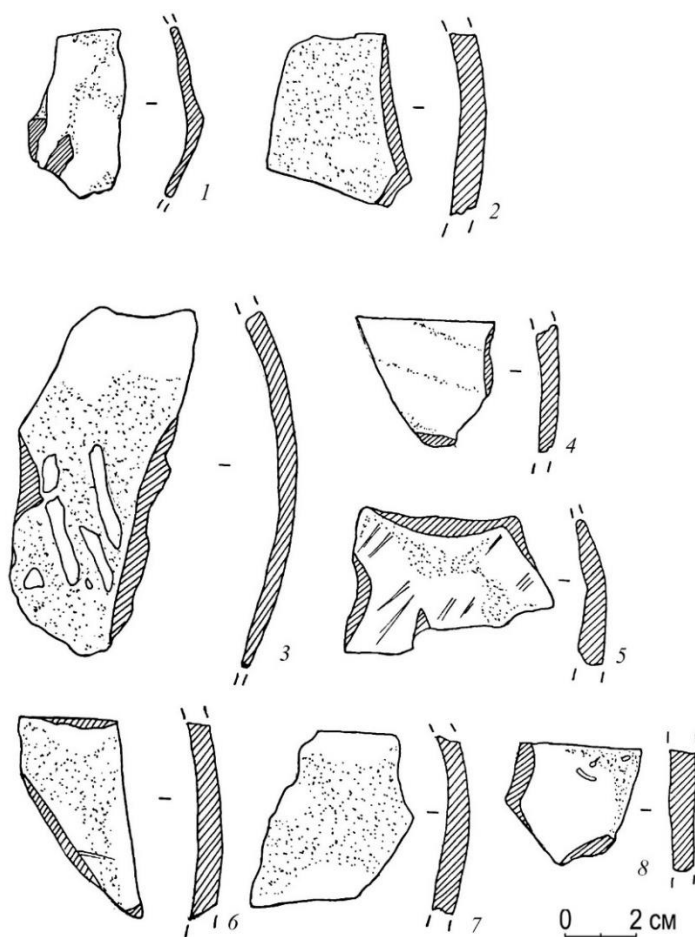

Рис. 52. Горновское селище, раскоп 2005 г. Круговая посуда.
Плост 2. 1 – кв. 2; Плост 3. 2 – кв. 7; 3 – кв. 13; 4 – кв. 20; 5-7 – кв. 21; 8 – кв. 24.

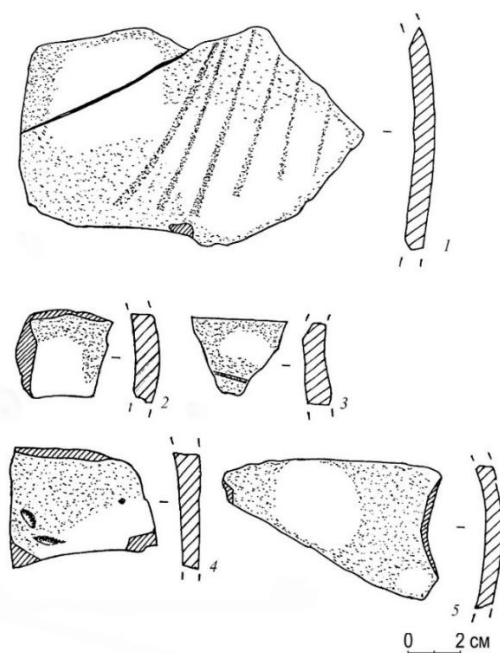

Рис. 53. Горновское селище, раскоп 2005 г. Круговая посуда.
Плост 4. 1, 2, 4, – кв. 18; 5 – кв. 19; 3 – кв. 20

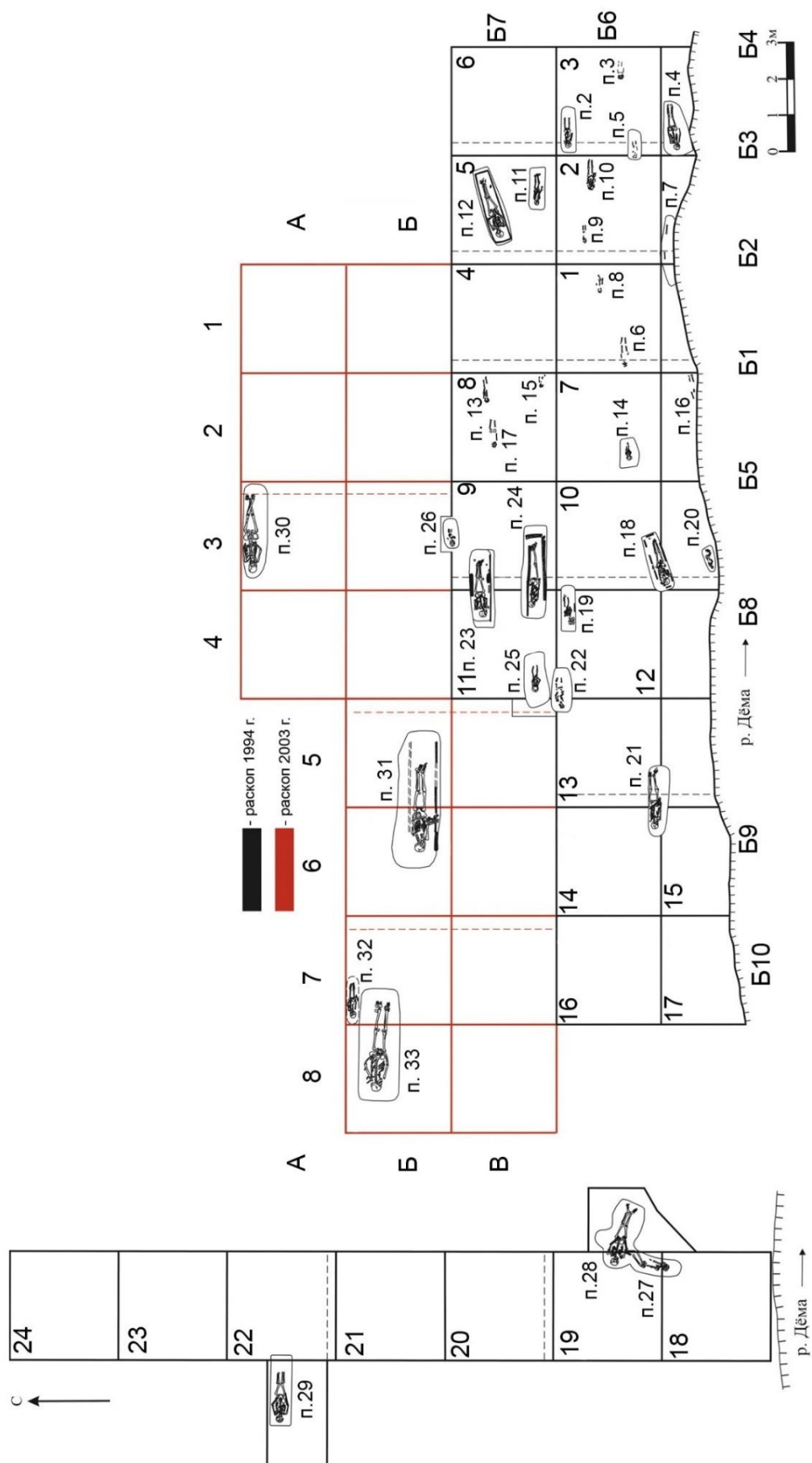

Рис. 54. План раскопов Горновского грунтового могильника и стоянки

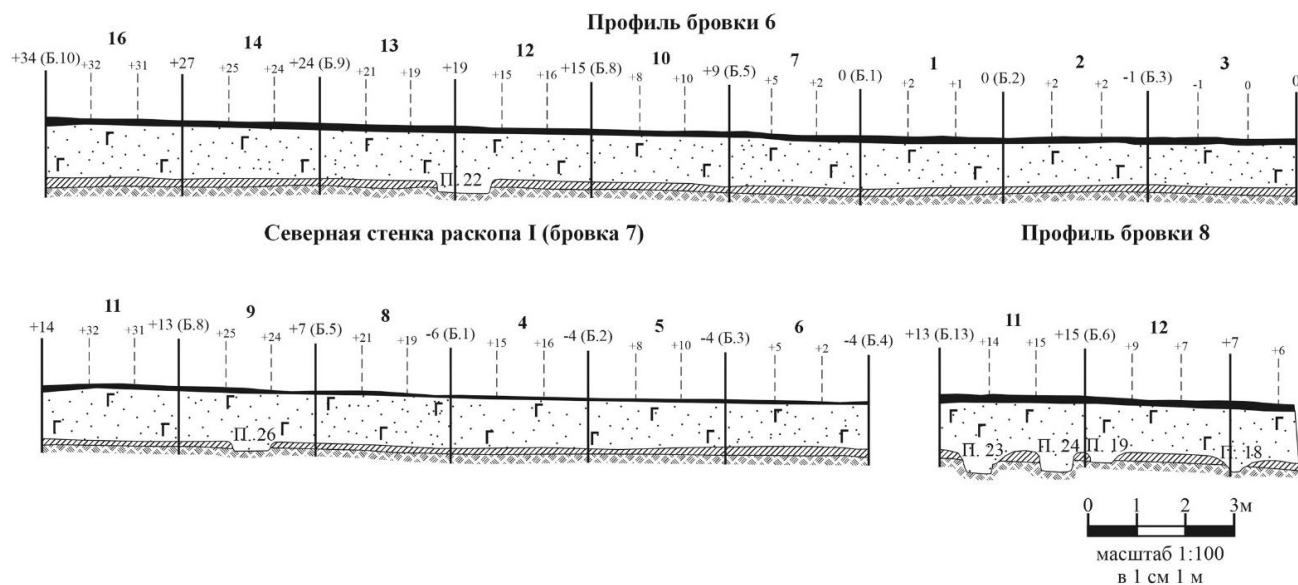

Рис. 55. Горновская стоянка и могильник. Раскоп I, раскоп 1994 г. Профили бровок 6, 7 и 8

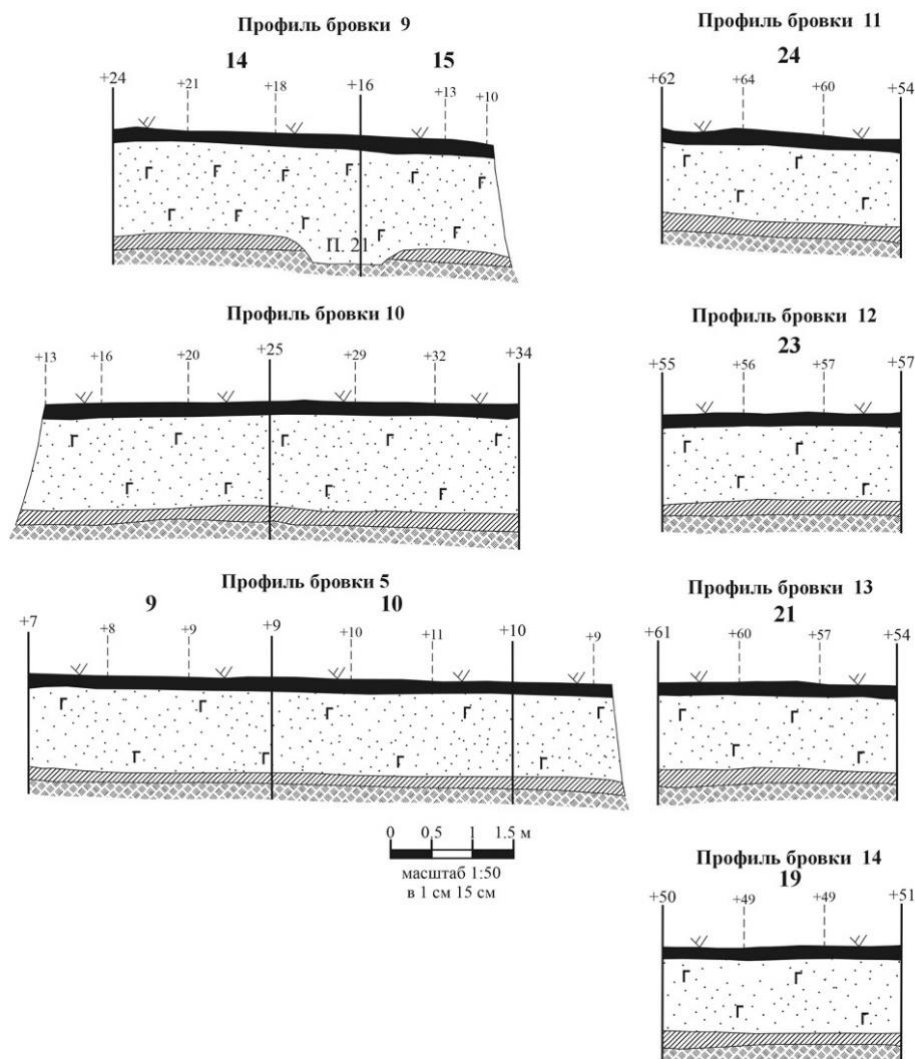

Рис. 56. Горновская стоянка и могильник. Раскоп I, раскоп 1994 г. Профили бровок 5, 9-14

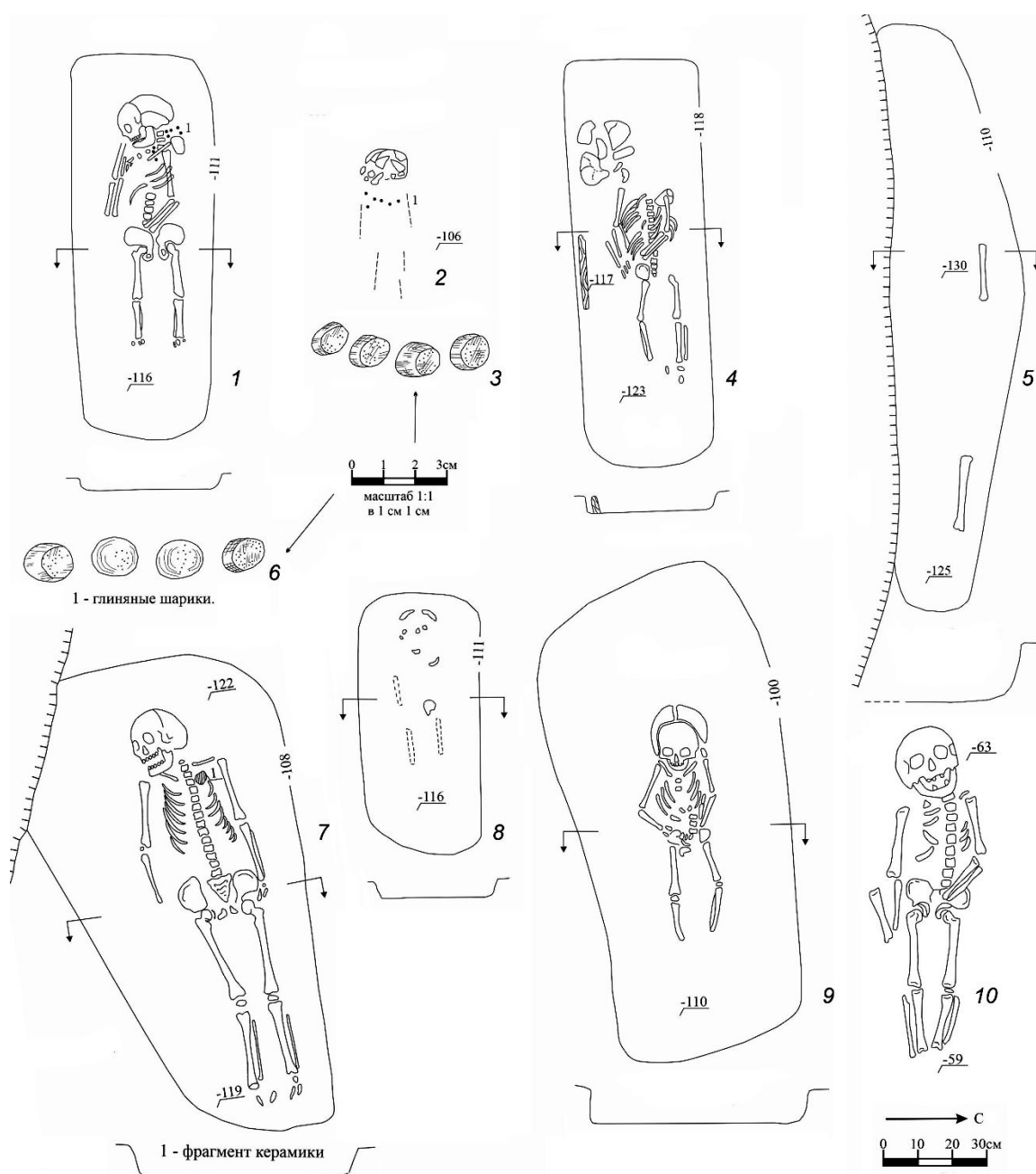

Рис. 57. Материалы Горновского грунтового могильника.

1 – погребение 2; 2 – погребение 3; 3, 6 – глиняные шарики; 4 – погребение 19; 5 – погребение 7; 7 – погребение 4; 8 – погребение 5; 9 – погребение 25; 10 – погребение 32.

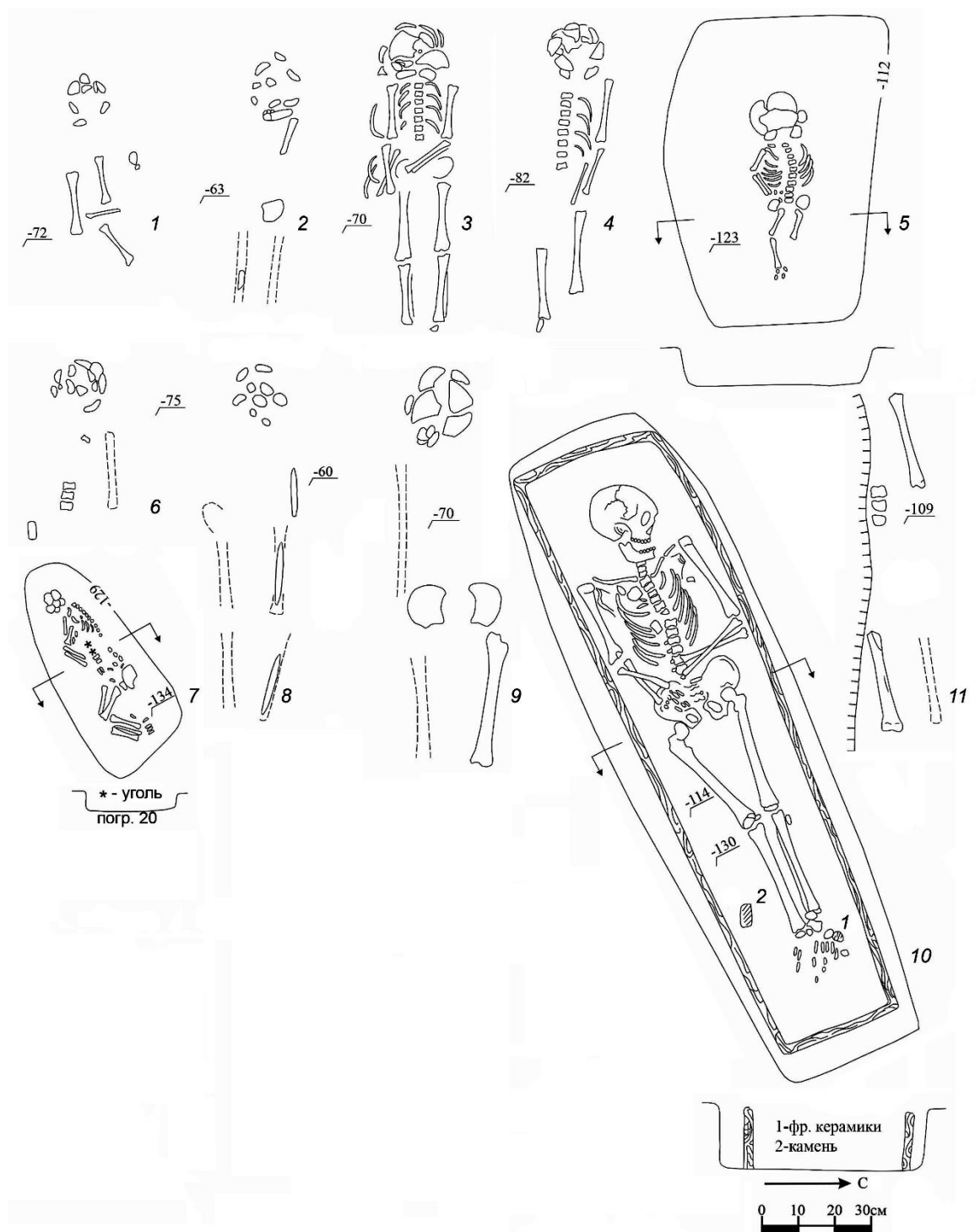

Рис. 58. Материалы Горновского грунтового могильника.

1 – погребение 8; 2 – погребение 9; 3 – погребение 10; 4 – погребение 13; 5 – погребение 14; 6 – погребение 15; 7 – погребение 20; 8 – погребение 6; 9 – погребение 17; 10 – погребение 12; 11 – погребение 16

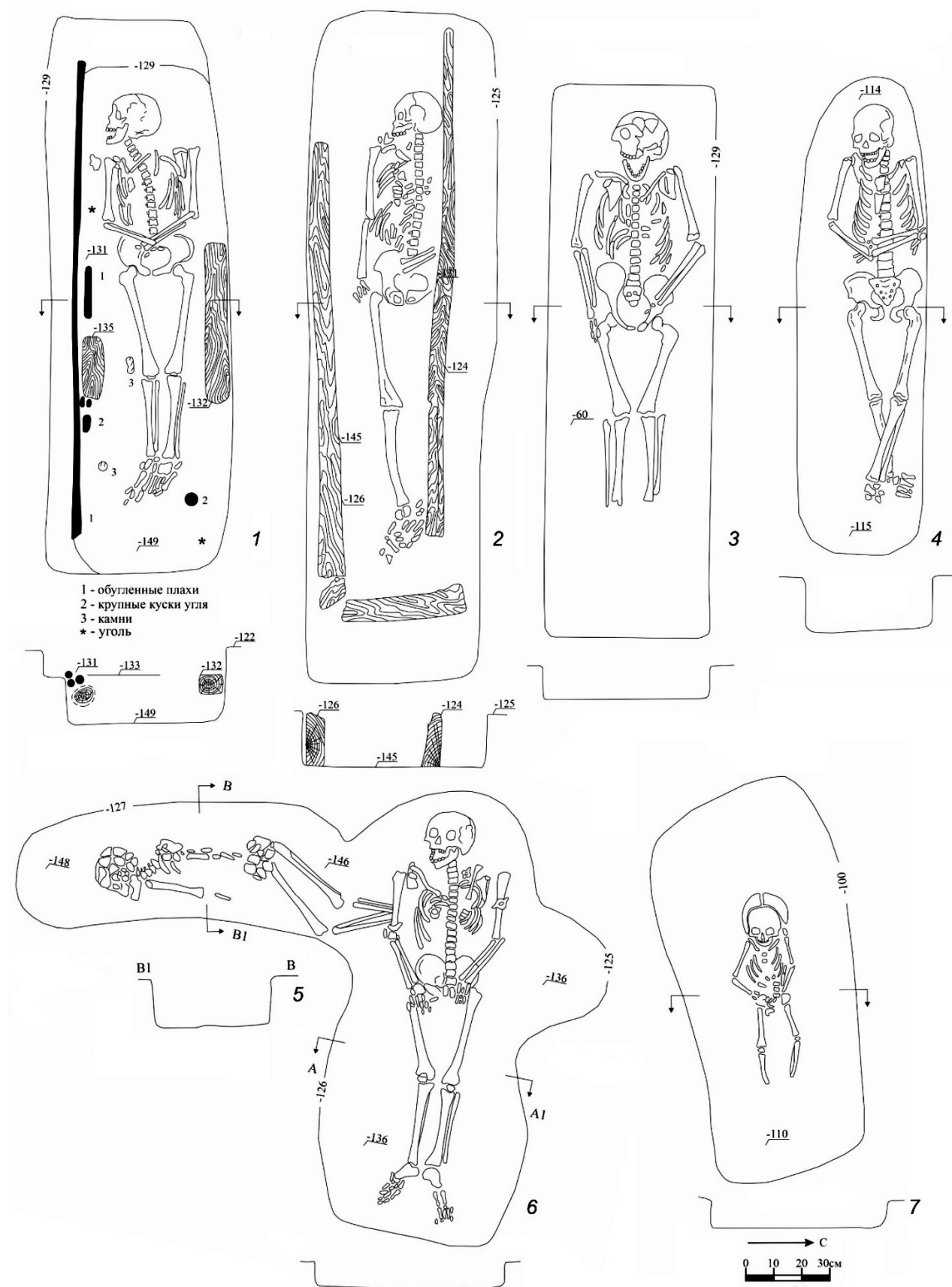

Рис. 59. Материалы Горновского грунтового могильника.
1 – погребение 23; 2 – погребение 24; 3 – погребение 29; 4 – погребение 30; 5 – погребение 27; 6 – погребение 28; 7 – погребение 25

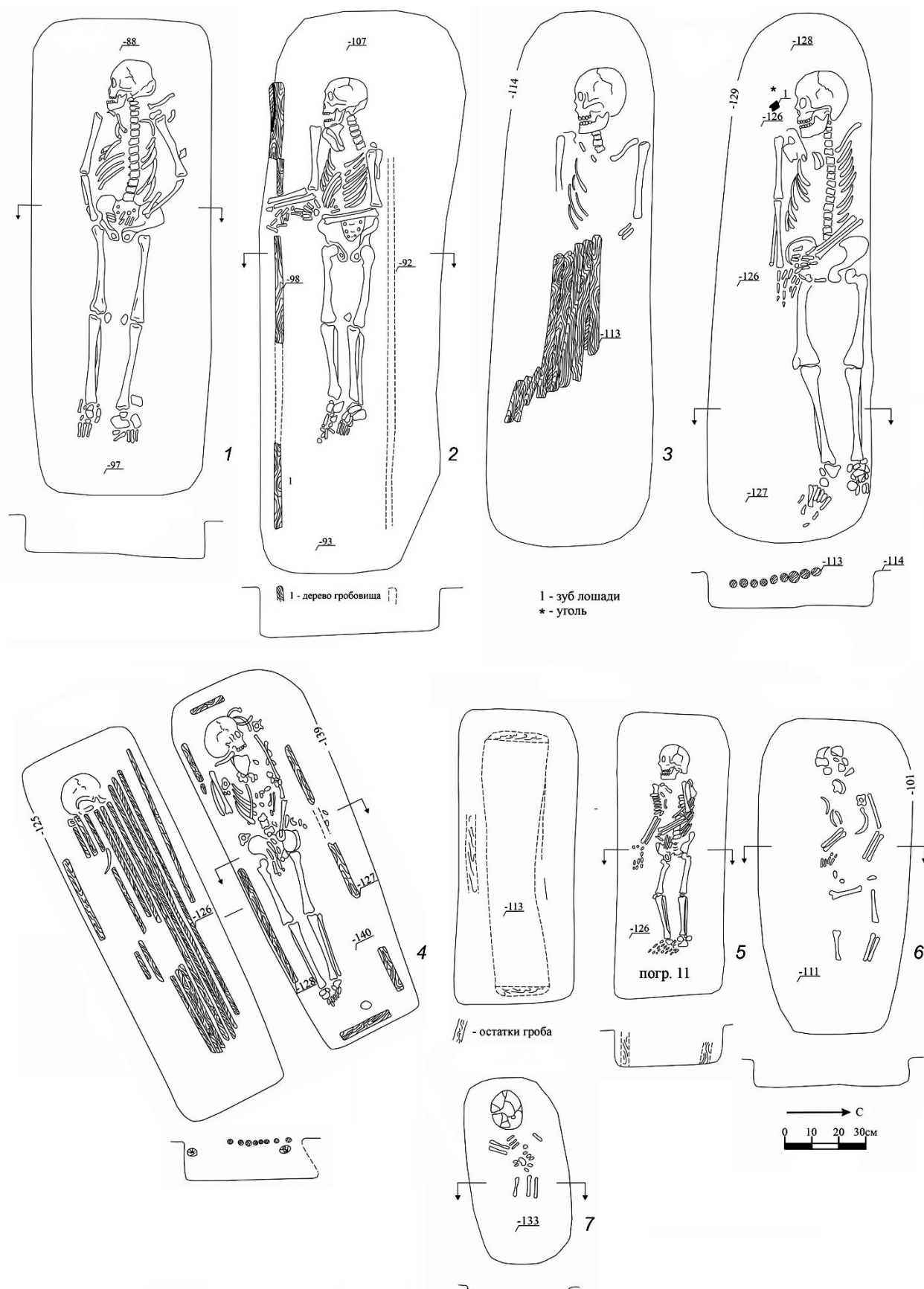

Рис. 60. Материалы Горновского грунтового могильника.
1 – погребение 33; 2 – погребение 31; 3 – погребение 21; 4 – погребение 18; 5 – погребение 11; 6 – погребение 22; 7 – погребение 26

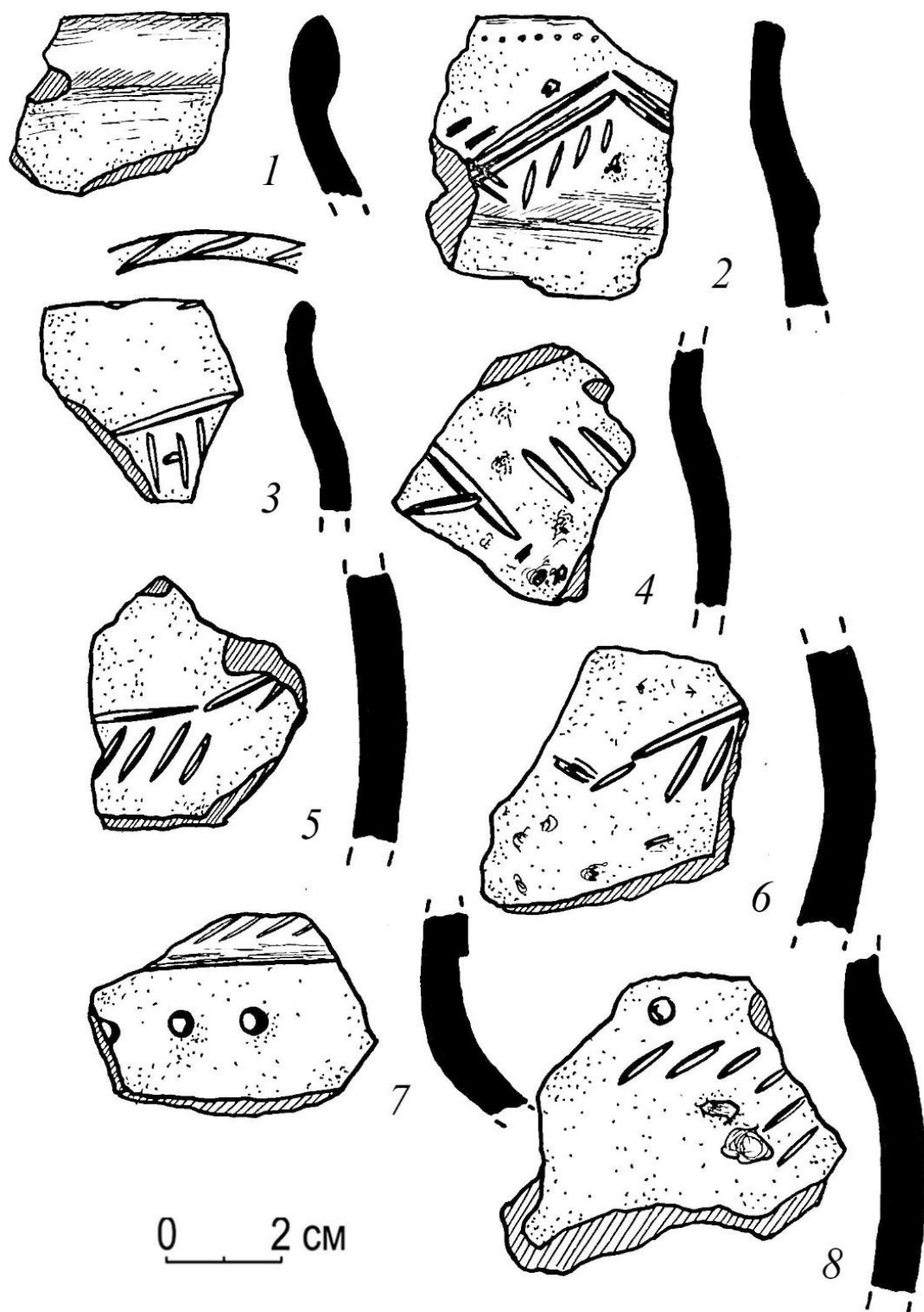

Рис. 61. Горновское поселение и могильник, раскоп 1994 г. Лепная керамика. Пласты 3 и 4, кв. 10. 1-7 – курмантауская культура. 1-фрагмент венчика; 2-фрагмент стенки; 3-фрагмент венчика, диаметром 12 см; 4-фрагмент стенки; 5-фрагмент стенки; 6-фрагмент стенки; 7-фрагмент стенки; 8-фрагмент стенки

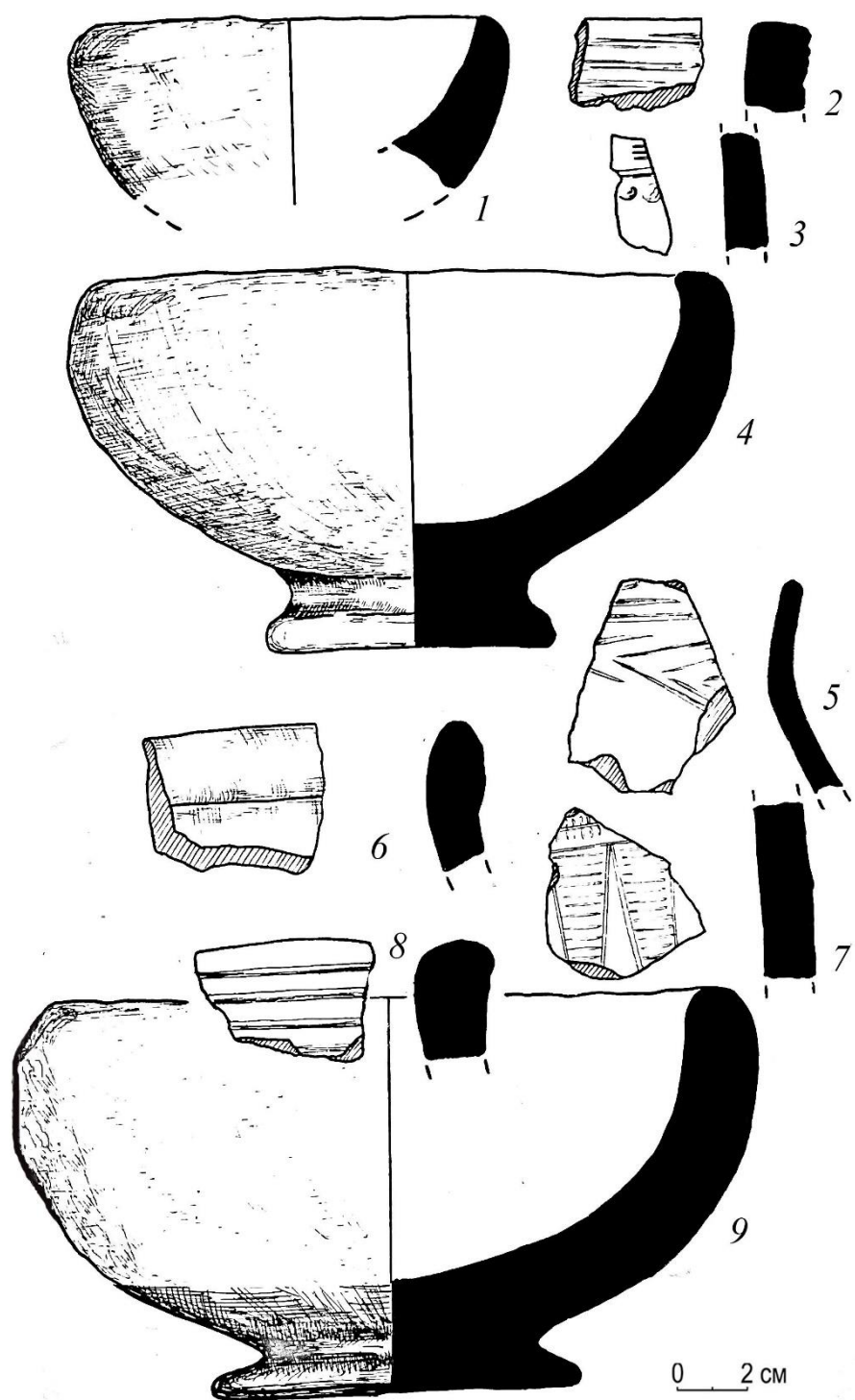

Рис. 62. Горновское поселение и могильник, раскоп 1994 г.

Керамика эпохи бронзы.

Абашевская культура: 1 – льячка (пласт 3, кв. 1, $\varnothing$ 8 см); 2 – фрагмент венчика (пласт 3, кв. 3, $\varnothing$ 20 см); 3 – фрагмент стенки (пласт 2, кв. 3); 4 – чаша на поддоне (пласт 3, кв. 2, $\varnothing$ 12 см); 6 – венчик (пласт 2, кв. 3); 7 – фрагмент стенки (пласт 3, кв. 2); 9 – чаша на поддоне (пласт 3, кв. 2, $\varnothing$ 13,5 см). Межовская культура: 5 – фрагмент венчика (пласт 2, кв. 3, $\varnothing$ 20 см); 8 – фрагмент венчика (пласт 2, кв. 8)

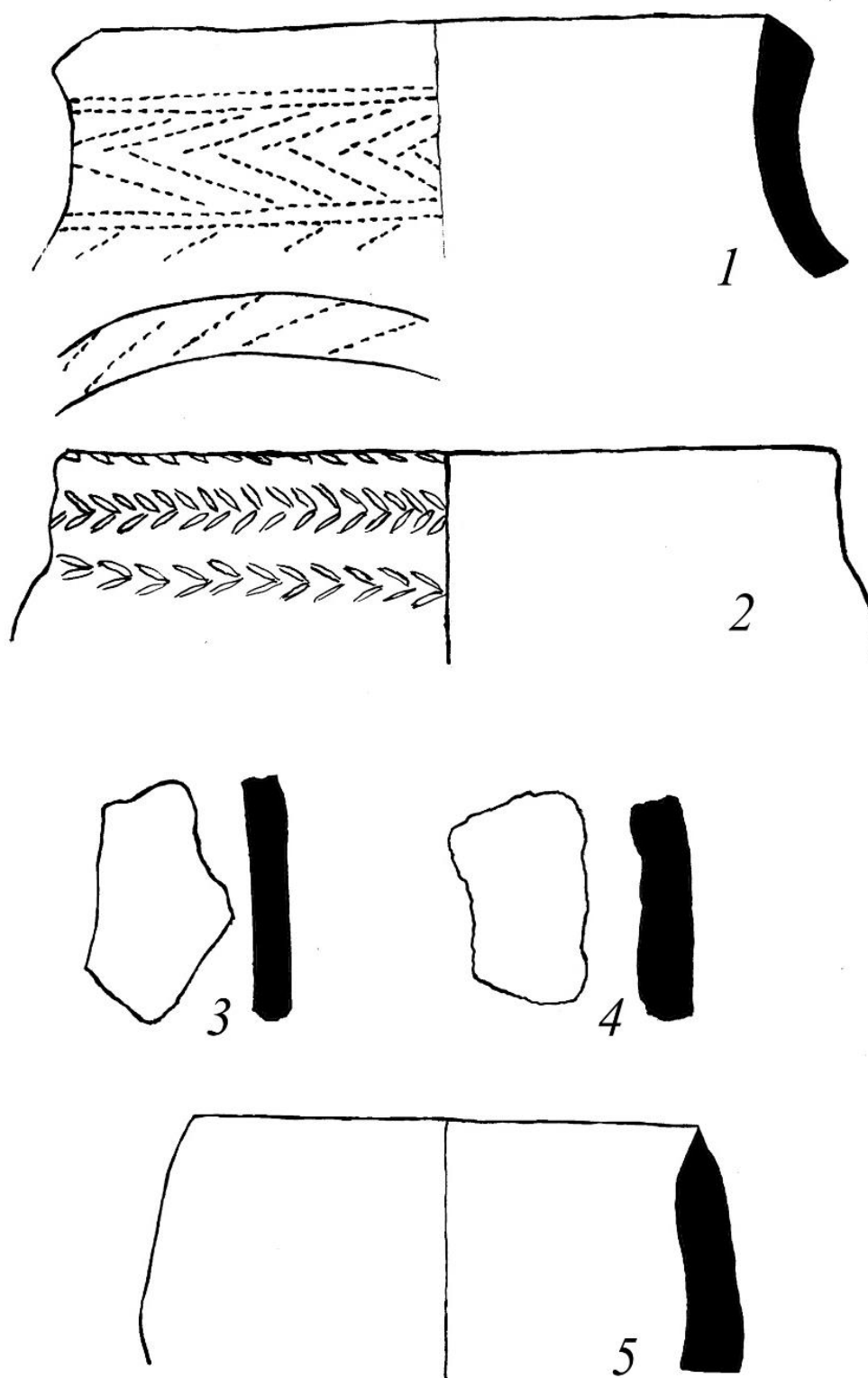

Рис. 63. Горновское поселение и могильник, раскоп 2003 г.
Плост 3, фрагменты керамики межовской (1), срубной (3, 4, 5), черкаскульской (2)
культур эпохи бронзы. Без масштаба.
1-кв. Б1; 2-кв. А3; 3-5-кв. А1

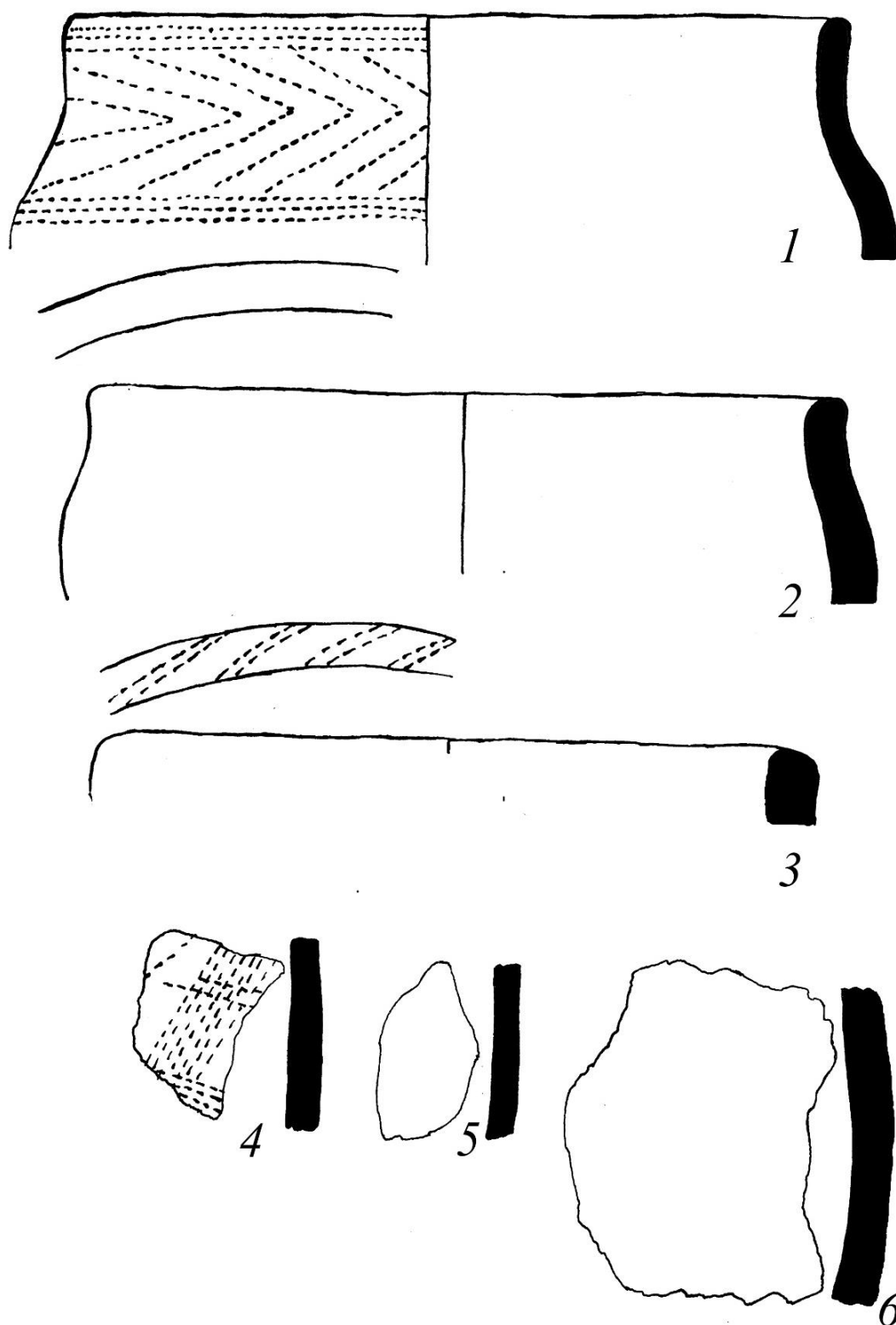

Рис. 64. Горновское поселение и могильник, раскоп 2003 г.
Пласт 3, кв. Б1, фрагменты керамики межовской (1, 3, 4) и срубной (2, 5, 6) культур
эпохи бронзы. Без масштаба

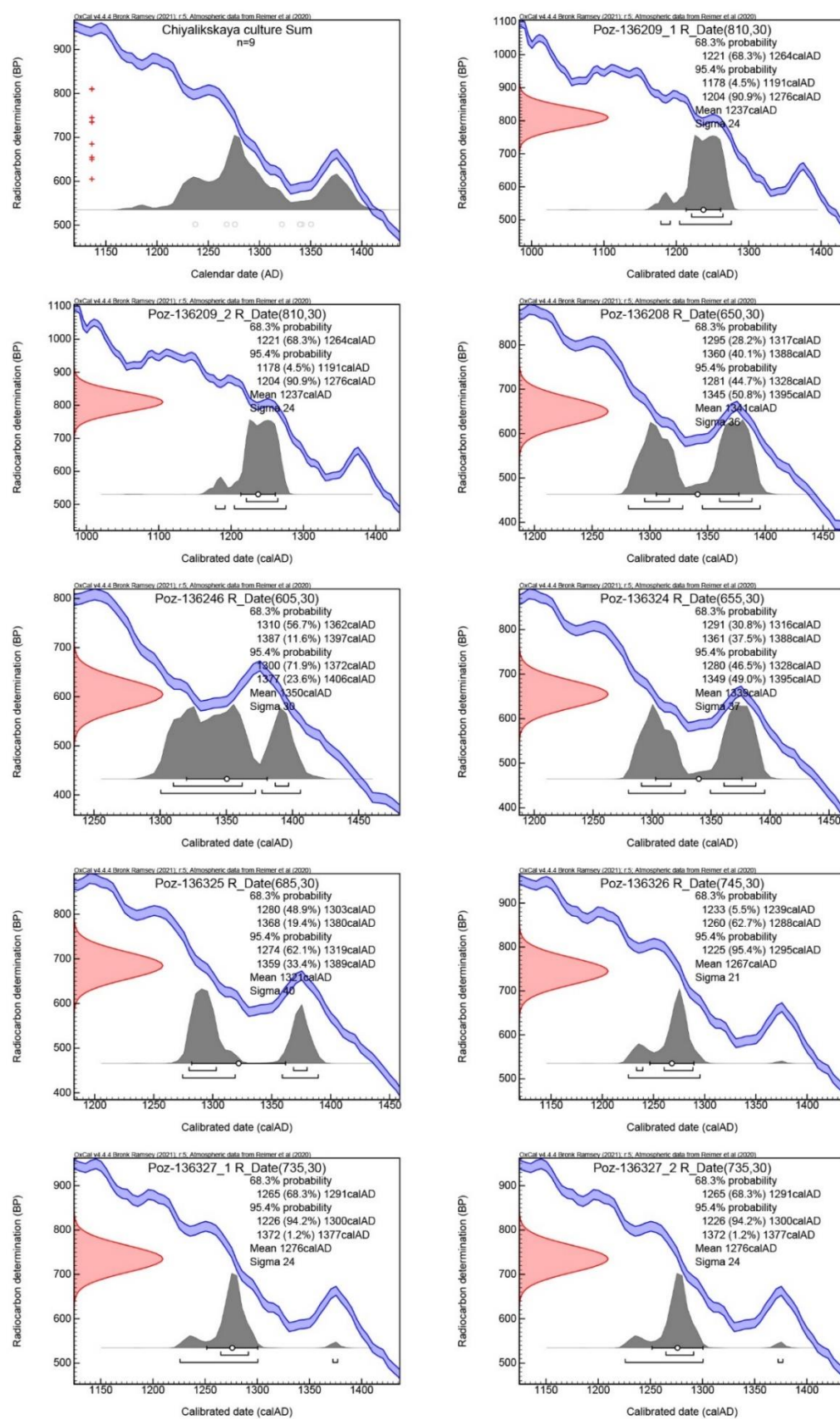

Рис. 65. Участки калибровочной кривой OxCalv4.4.4, включающие период существования памятников чияликской культуры Предуралья (цифры соответствуют данным в табл. 16)

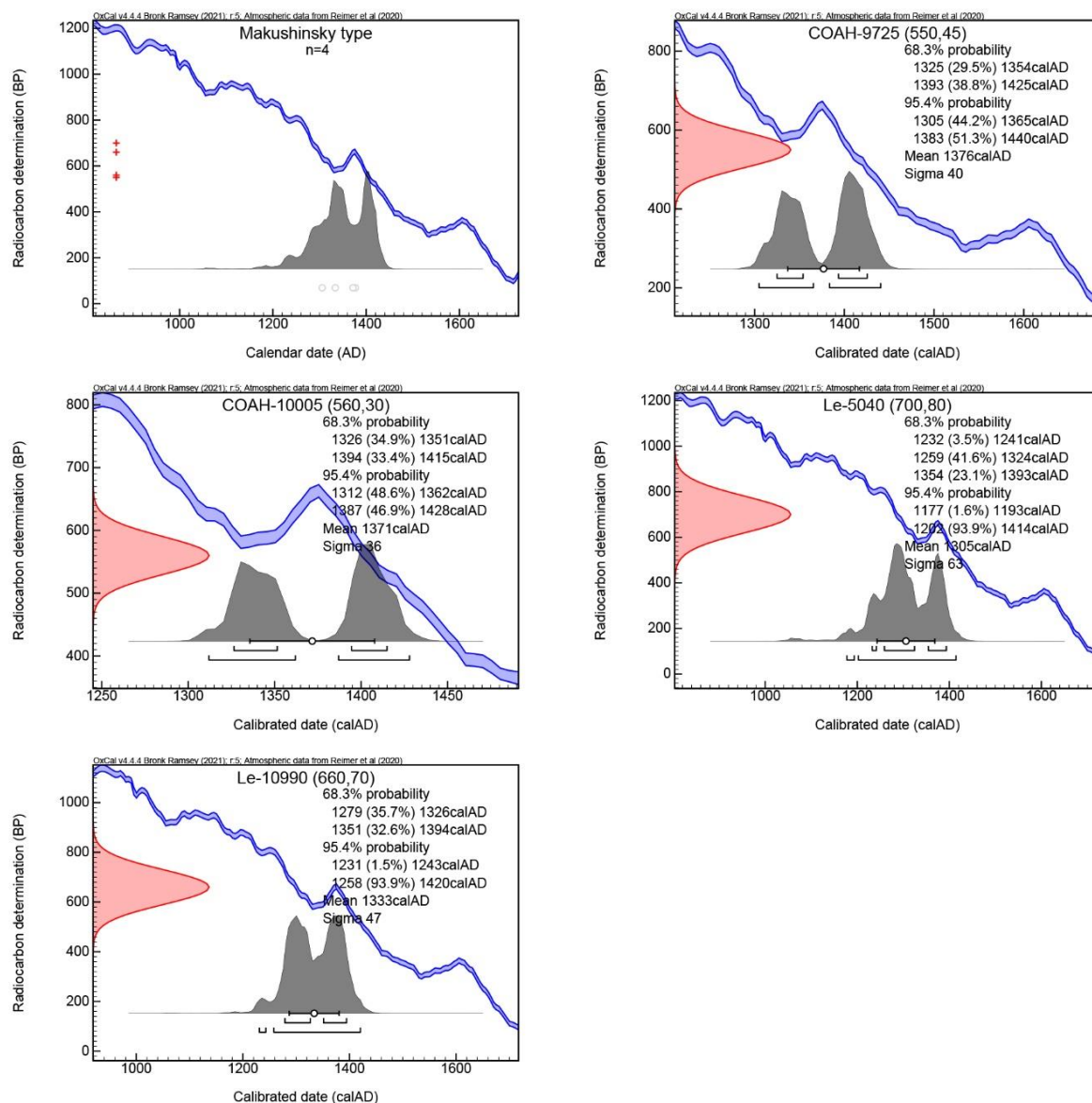

Рис. 66. Участки калибровочной кривой OxCalv4.4.4, включающие период существования памятников макушинского типа Притоболья (цифры соответствуют данным в табл. 16)

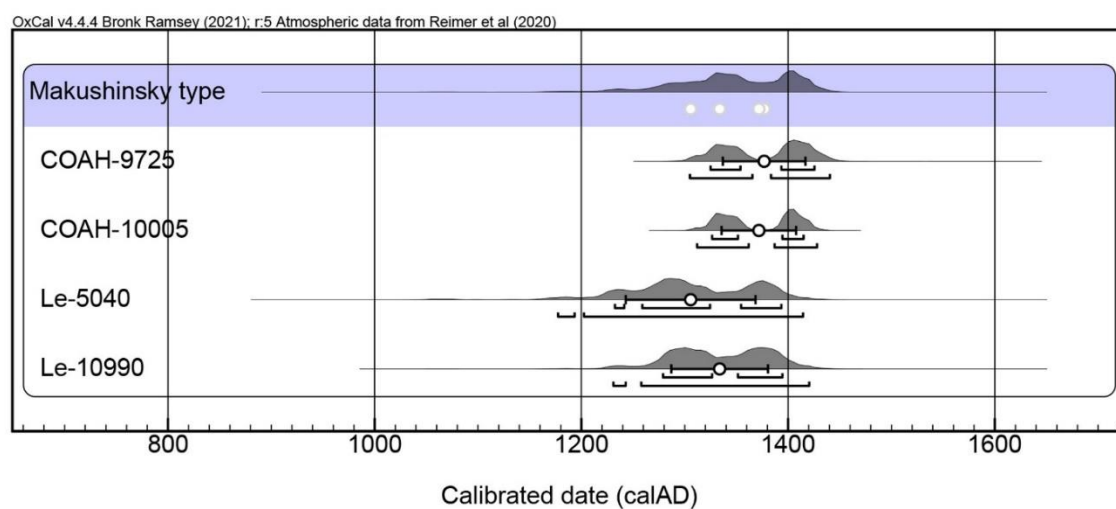
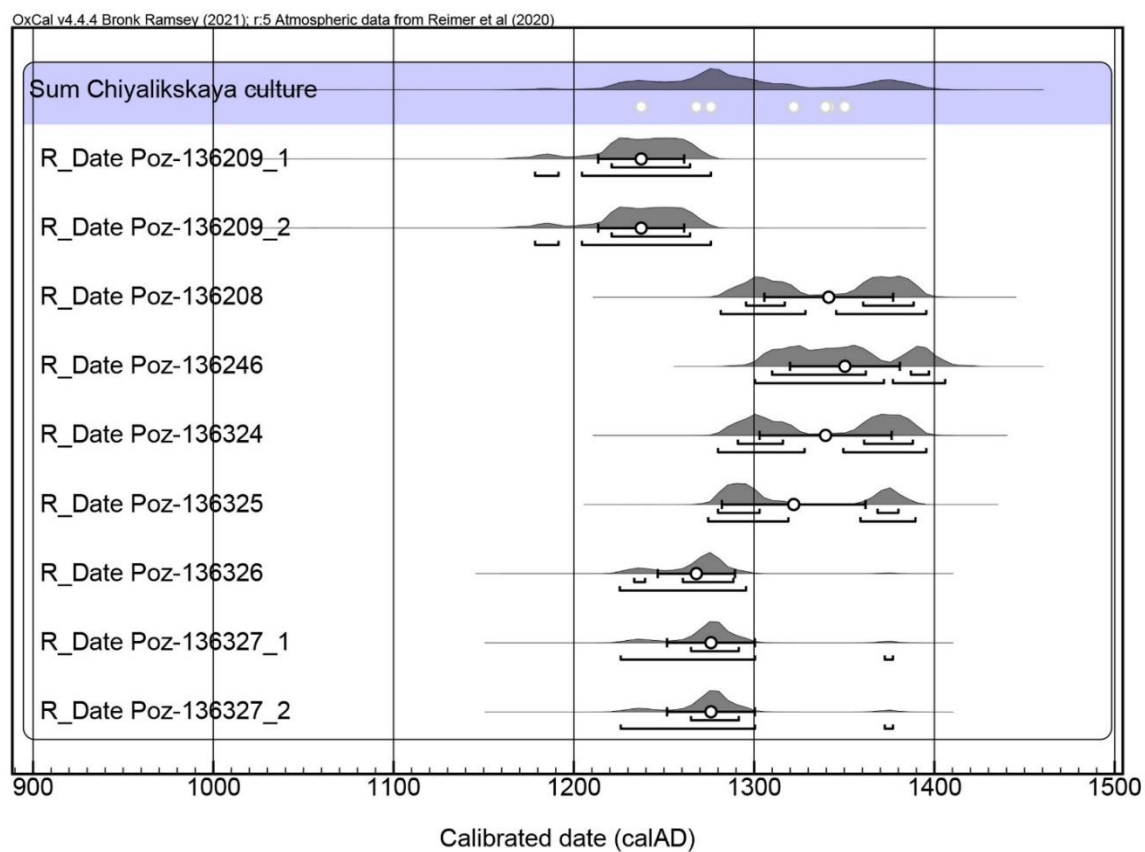

Рис. 67. График результатов калибровки чияликских и макушинских памятников

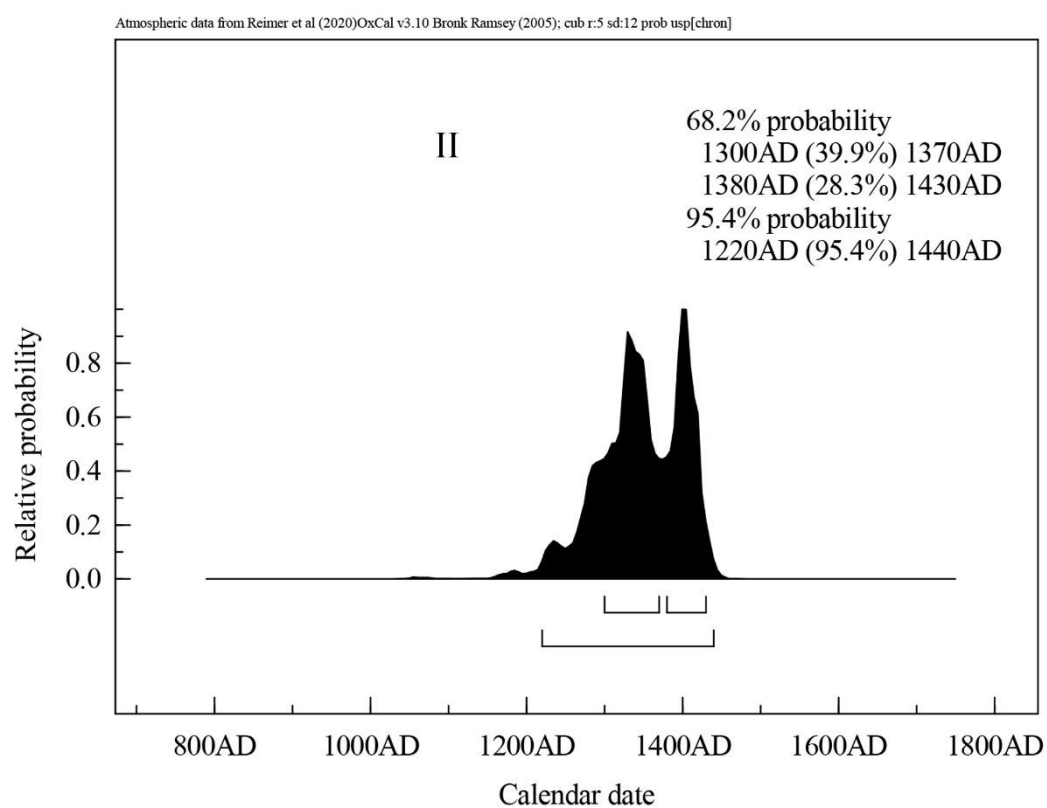
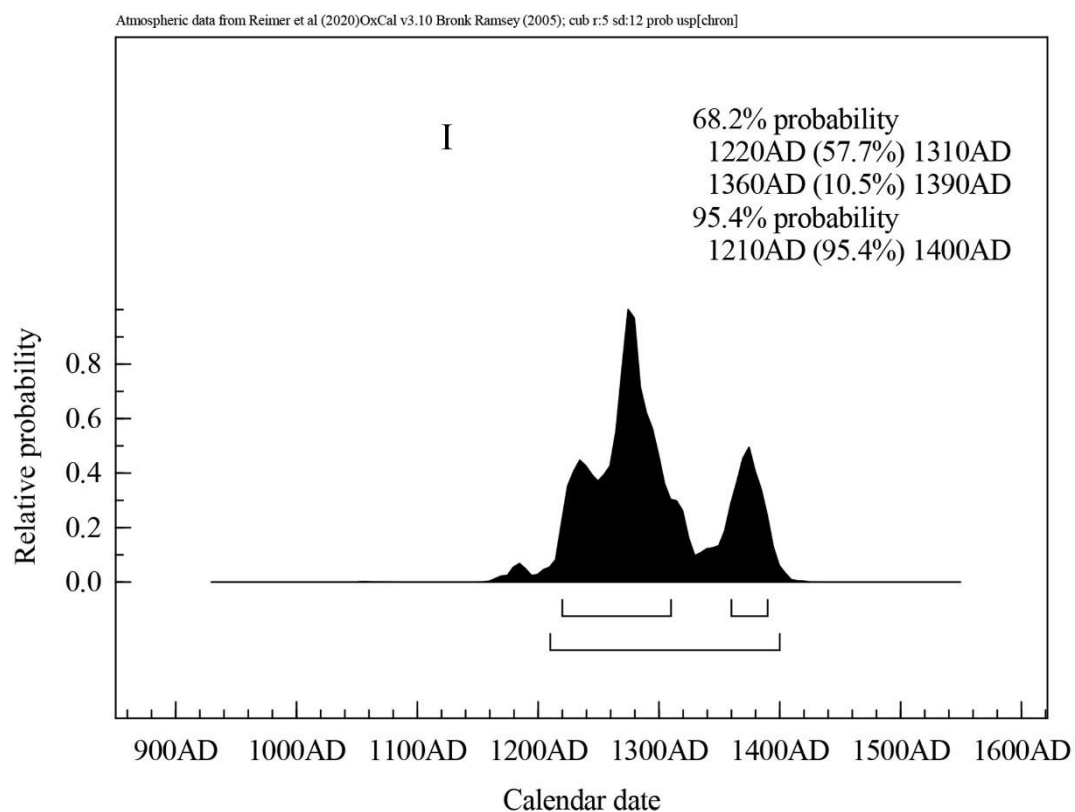

Рис. 68. Сумма вероятностей калиброванных датировок.
I - чияликские памятники; II - макушинские памятники.

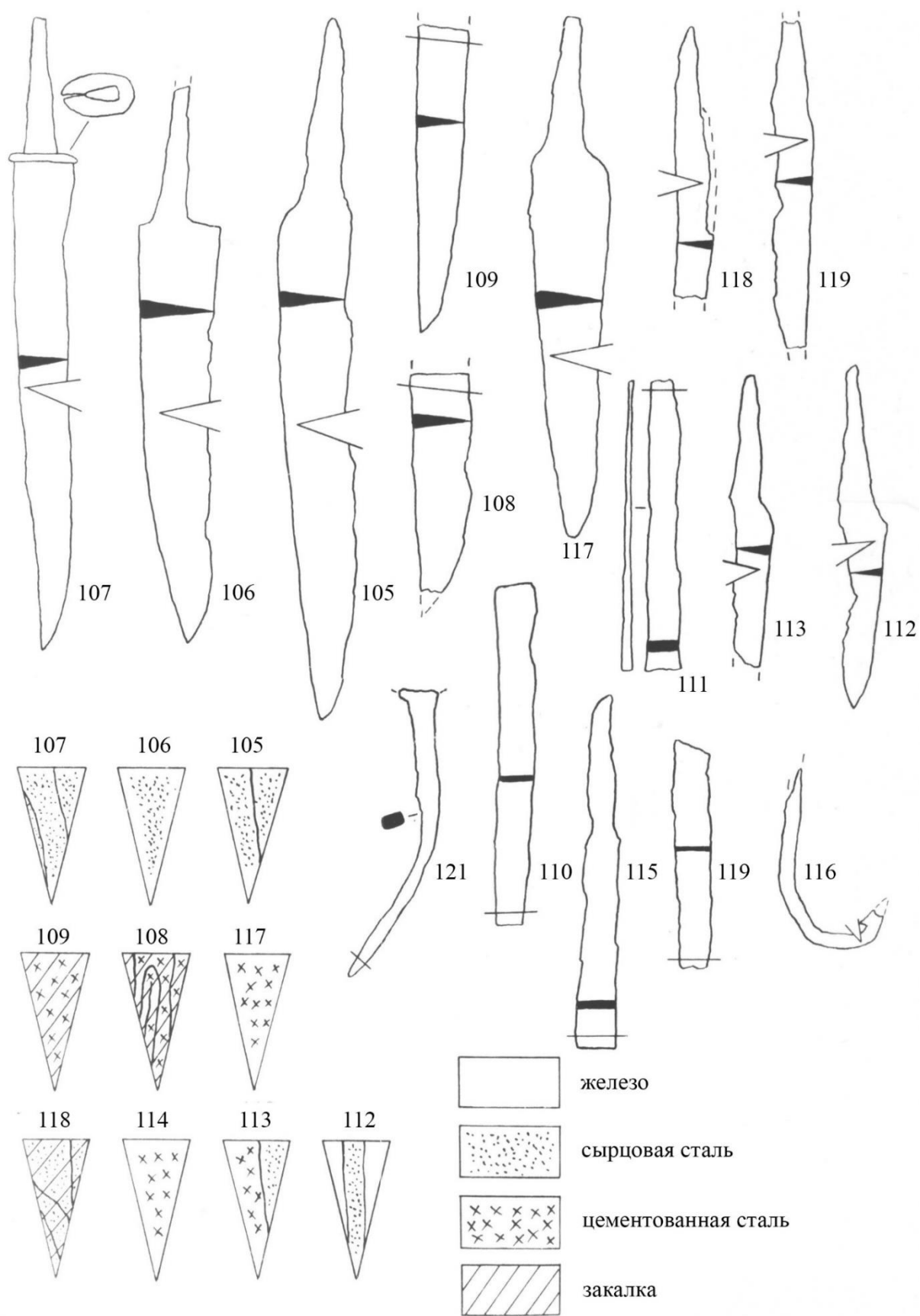

Рис. 69. Кузнечные изделия Горновского селища

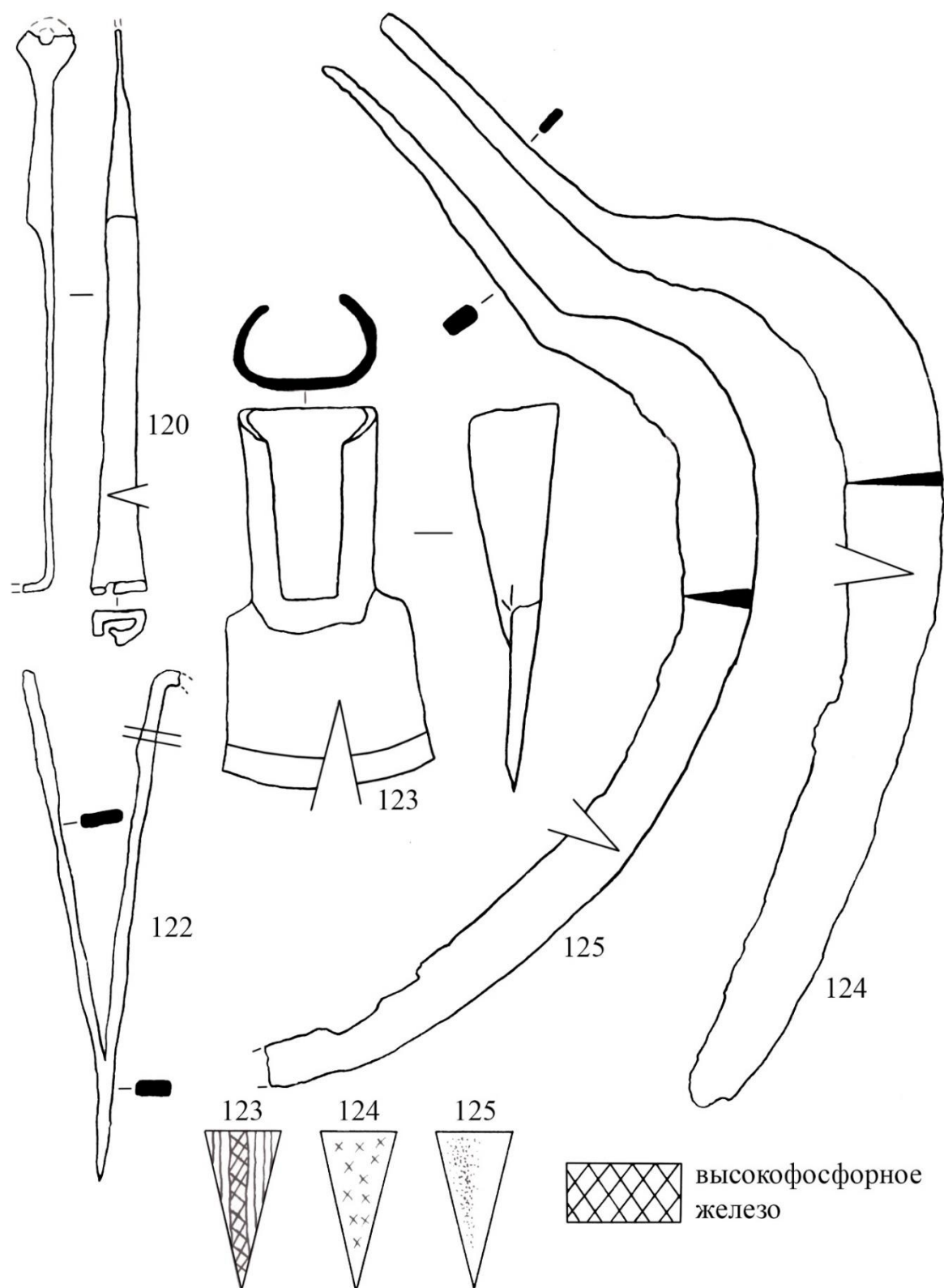

Рис. 70. Кузнечные изделия Горновского селища

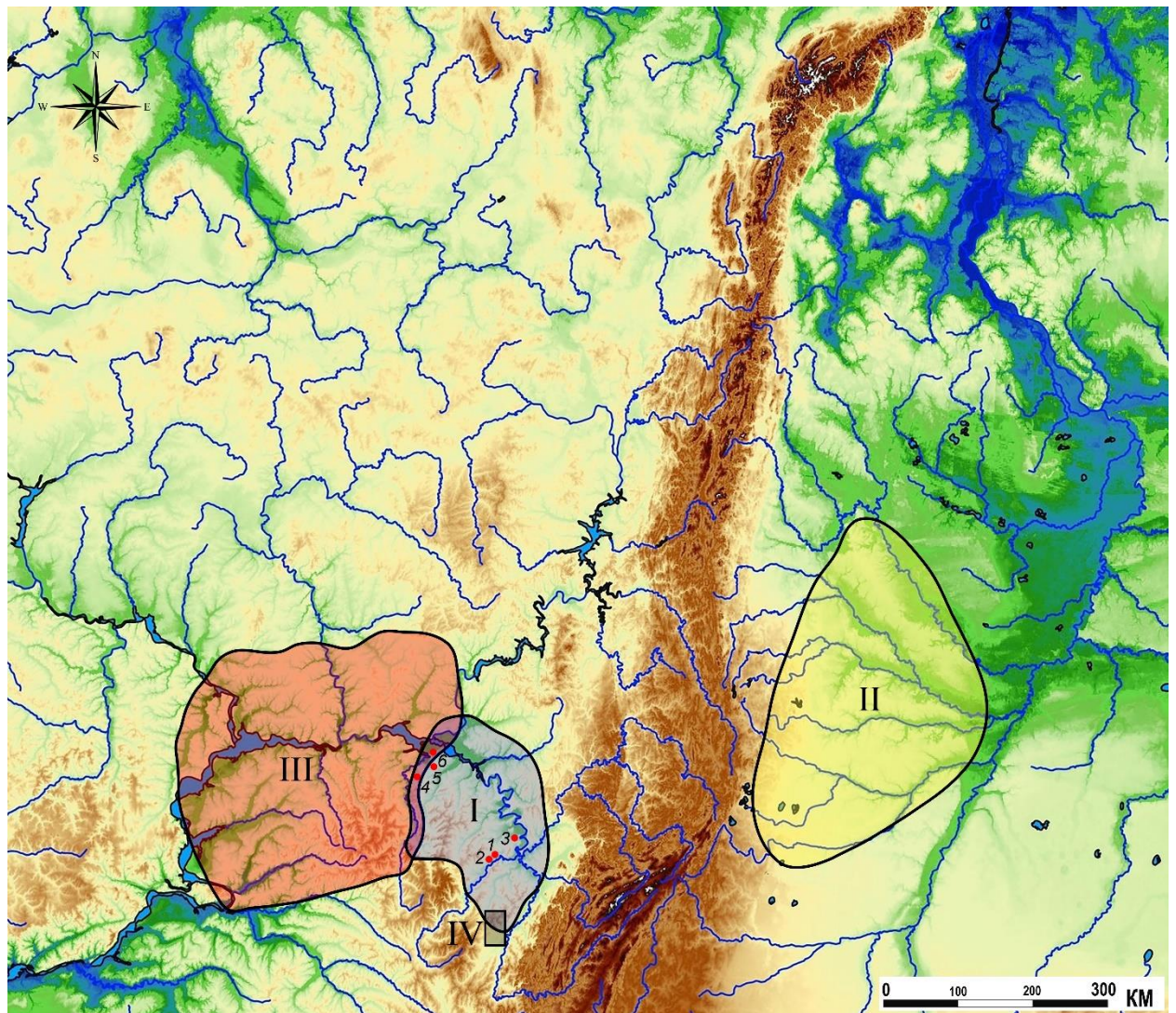

Рис. 71. Южный Урал в XIII-XIV вв.

I-ареал чияликской культуры; II-памятники макушинского типа; III-Булгарский улус Золотой Орды; IV-металлургические центры.

Селища чияликской культуры, частично или полностью введенные в научный оборот: 1-Горново; 2-Ябалаклы-1; 3-Подымалово-1; 4-Меллятамак-VI; 5-Чиялик; 6-Игимское.

по: [Могильников, 1987; Рязанов, 2011; Гарустович, 2015; Третьяков, 2024]
с дополнениями Е.В. Русланова

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Чияликская археологическая культура на Южном Урале.....	7
1.1. История изучения.....	7
1.2. Ранний (постпетрогромский или мрясимовский) этап.....	9
1.3. Поздний (чияликский) этап.....	14
1.4. Основные памятники.....	15
1.4.1. Поселения.....	15
1.4.2. Могильники.....	18
1.4.3. Современные интерпретации и данные письменных источников.....	20
ГЛАВА 2. Горновское селище по материалам исследований 1994 и 2005 гг... ..	24
2.1. Характеристика культурного слоя.....	24
2.2. Археологические объекты.....	27
2.3. Реконструкция жилищно-хозяйственного комплекса.....	30
2.3.1. Юрты.....	30
2.3.2. Стационарные сооружения и хозяйственные ямы.....	31
2.4. Этнографические параллели.....	33
ГЛАВА 3. Вещевой комплекс.....	37
3.1. Керамика.....	37
3.2. Металлический инвентарь.....	39
3.3. Изделия из глины, кости и стекла.....	43
ГЛАВА 4. Горновский грунтовый могильник и стоянка.....	46
4.1. Горновский грунтовый могильник.....	46
4.2. Горновская стоянка.....	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	55
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Металлографический анализ кузнечных изделий Горновского селища (С.В. Рязанов)	60
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Таблицы.....	66
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ	73
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	86
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	87
ИЛЛЮСТРАЦИИ	88

Научное издание

РУСЛАНОВ Евгений Владимирович
ОБЫДЕННОВА Гюльнара Талгатовна
ГАРУСТОВИЧ Геннадий Николаевич

**ПРЕДУРАЛЬЕ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ:
КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ ЧИЯЛИКСКОЙ КУЛЬТУРЫ
У СЕЛА ГОРНЫЙ**

Монография

*Редактор М.Ю. Ежова
Компьютерная верстка: Р.Р. Русланова
Автор обложки: Б.С. Ишемгулов*

Подписано в печать 26.03.2025. Формат 60х84/8.
Усл. печ.л. 16,75. Уч.-изд.л. 14,38.
Тираж 500 экз. Изд. № 44. Заказ 89.

ООО «Первая типография»
450015, г. Уфа, ул. К. Маркса, 65
тел.+7 (347) 266-10-69
<https://ufaprint.net>
ufaprint.net@gmail.com

